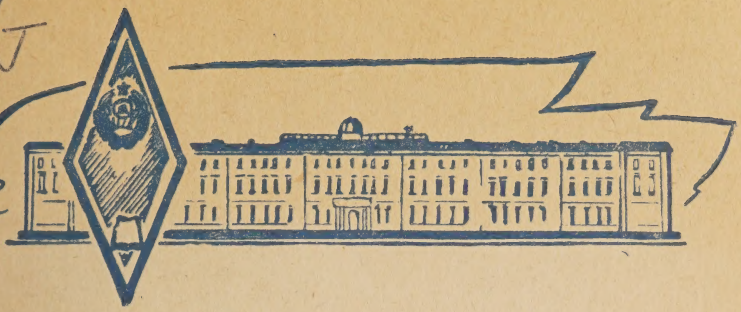
CH7
V88J
v.33
pt.2

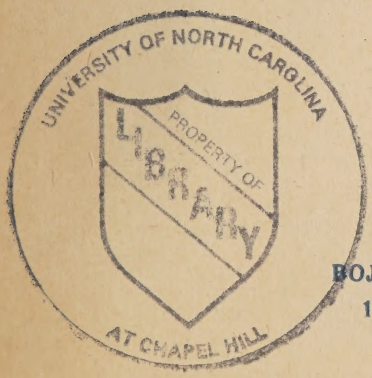


ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ 33

ВЫПУСК II



UNIVERSITY OF ILLINOIS
DEC 30 1968
LIBRARY

ВОЛОГДА
1967

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

C EmD
PG2025
.V668
1900z
vyp.2
VOPROSY TEORII I METODIKI...

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ 33

ВЫПУСК II

ВОЛОГДА
1967

Утверждено к изданию Редакционно-издательским Советом при головном Вологодском педагогическом институте и комитетом по печати при Совете Министров РСФСР

Редколлегия:

А. А. Данилов, В. А. Шитов (редактор), Ю. И. Чайкина.

Сборник «Вопросы теории и методики русского языка» предназначен для учителей русского языка, преподавателей вузов, аспирантов и студентов старших курсов факультетов русского языка и литературы.

Авторами статей сборника являются работники кафедр русского языка Вологодского и Череповецкого педагогических институтов.

Первые три статьи сборника посвящены актуальным и малоисследованным проблемам словообразования и грамматики современного русского языка. В статье П. В. Булина рассматриваются вопросы семантики некоторых отглагольных существительных. Статья В. И. Чуглова посвящена актуальным проблемам синонимики словосочетаний.

Статья В. А. Шитова представляет собою детальное исследование строения и употребления в современном русском литературном языке сложных предложений с однородным соподчинением трех придаточных частей. Такие структуры, широко представленные в качестве иллюстративного материала в статье В. А. Шитова, до сих пор почти не вводились в научный оборот.

Статья А. А. Шумиловой (Череповец) о порядке слов в адъективных словосочетаниях выполнена на материале анализа языка некоторых памятников письменности XV—XVI веков и посвящена исследованию одного из частных вопросов исторической грамматики русского языка.

В трех статьях предлагаемого сборника речь идет об актуальных проблемах русской диалектологии. Статья А. А. Данилова посвящена русской диалектной акцентологии.

В статье Т. Г. Паникаровской прослеживаются те изменения в одном из подмосковных говоров, которые характеризовали собою развитие фонетической системы этого говора за 50 лет Советской власти.

В работе Ю. И. Чайкиной (Череповец) предметом рассмотрения является эмоционально-оценочная лексика со вторичными значениями в череповецких народных говорах. В работе много интересных новых и тонких наблюдений относительно метафоризации, причин появления вторичных значений и т. п. На диалектном материале эти вопросы почти не освещались в специальной литературе.

Небольшая статья Г. В. Судакова содержит конкретные наблюдения над некоторыми особенностями стиля рассказа А. П. Чехова «Невеста».

В двух статьях О. А. Пальгова рассматриваются актуальные вопросы теории словосочетания.

Статья А. И. и Л. К. Ященко (Череповец) посвящена вопросам координации занятий по языковым дисциплинам на факультетах подготовки учителей начальных классов.

П. В. Булин

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(имена с суффиксами -НИ(е), -ЕНИ(е), -К(а), -ОК и бессуффиксные)

В процессе словообразования в языке появляются ряды слов, производных от одной основы. В современном русском языке к таким словам относятся суффиксальные и бессуффиксные имена, образованные от одной и той же глагольной основы (*копание — копка*) или от основ коррелятивных по виду глаголов (*развешивание — развеска — развес* от развесить — развешивать).

При одном и том же глаголе * может быть несколько отглагольных имен с синонимическим значением действия или вторичным, предметным значением, развившимся на основе значения действия. Такие отглагольные имена и называем словообразовательными параллелями [1].

Словообразовательные параллели в системе отглагольных суффиксальных и бессуффиксных имен изучал Г. И. Рихтер [2]. Он рассматривал лексико-семантические вазимоотношения производящих глаголов и производных параллельных отглагольных имен. Г. И. Рихтер отметил, что отглагольные параллельные имена дифференцируют значения производящего глагола, что посредством параллельных словообразовательных форм осуществляется лексическая дифференциация имен действия.

Словообразовательные параллели суффиксальных и бессуффиксных отглагольных имен можно изучать с различных сторон. Важно в научном отношении не только изучить лексико-семантические взаимоотношения образующих глаголов и производных от них имен, не только выяснить семантические отношения параллельных отглагольных имен, не только установить

* Коррелятивные по виду глаголы рассматриваем как одну лексему.

словообразовательные связи параллельных отглагольных имен с коррелятивными глаголами совершенного и несовершенного вида, но и описать лексические значения отглагольных параллельных имен.

В данной статье и описываются лексические значения отглагольных параллельных имен с суффиксами *-НИ(е), -ЕНИ(е), -К(а), -ОК* и бессуффиксных.

Как известно, у отглагольных имен наряду со значением действия могут развиваться вторичные, предметные значения. О процессе конкретизации имен действия, о переходе имени действия в имя вещи, о их семантической эволюции писали А. А. Потебня и М. М. Покровский [3].

«Несомненны случаи перехода имени действия в имя вещи, как результат или предмет действия: мое писание — рукописи...» — отмечал А. А. Потебня [4].

М. М. Покровский, изучавший пути развития семантики слов, пришел к выводу, что «всевозможные морфологические типы nominum actionis, по мере своей продуктивности в языке, получают в конце концов все те значения, которые этому классу имен свойственны, т. е. значения процесса, результата, орудия и места действия» [5].

«Склонность отглагольных существительных к опредмечиванию и в лексическом плане, наиболее ярко выступающая в именах действия, обнаруживается в различных языках... Совмещение значений действия, результата, объекта, места действия наблюдается в разных языках» [6].

Таким образом, развитие вторичных, предметных значений на основе значения действия у отглагольных существительных является установленным. Конкретизация имен действия, их склонность «к опредмечиванию в лексическом плане» рассматривается как закономерность их семантического развития.

Так как отглагольные имена наряду со значением действия могут иметь вторичные, предметные значения, то важно выяснить, насколько широко представлены те или иные предметные значения и значения действия у отглагольных имен различных словообразовательных моделей. Тем более, что в работах [7] имеется лишь самая общая характеристика значений отглагольных имен. Предметное значение (в лексическом плане) понимаем широко, как непроцессуальное значение, а именно как конкретное, вещное значение и как отвлеченное понятие.

Отглагольные параллельные суффиксальные (-НИ-Е, -ЕНИ-Е, -К-А, -ОК-) и бессуффиксные существительные до-

вольно многочисленны в современном русском литературном языке. Таких отглагольных имен в «Словаре современного русского литературного языка», т. 1—17, 1950—1966 гг., по нашим данным, — 4992 *.

Эти отглагольные суффиксальные и бессуффиксные имена составляют различные по числу входящих в них имен словообразовательные параллели. Можно выделить три группы:

1) Словообразовательные параллели, состоящие из двух отглагольных имен *(засасывание — засос; повязывание — повязка; очеловечивание — очеловечение)*.

2) Словообразовательные параллели, состоящие из трех отглагольных имен *вылавливание — выловка — вылов; надрезывание — надрезание — надрез; стегание — стежка — стежок)*.

3) Словообразовательные параллели, состоящие из четырех и более отглагольных имен *(внесение — вношение — вноска — вынос; вырубание — вырубка — выруб — вырубок; сплачивание — сплочение — сплотка — сплоток)*.

Количество параллельных отглагольных бессуффиксных и суффиксальных имен существительных резко уменьшается в зависимости от числа имен, составляющих словообразовательные параллели. Большинство отглагольных имен входит в словообразовательные параллели, состоящие из двух имен. Такие отглагольные имена составляют 65%.

Около 26% отглагольных имен входит в словообразовательные параллели, состоящие из трех имен. И только 9% составляют отглагольные имена, входящие в словообразовательные параллели из четырех и более имен.

Ярко выраженной зависимости между числом значений образующего глагола и числом производных параллельных отглагольных имен не наблюдается.

Среди отглагольных параллельных имен по значению можно выделить несколько групп.

1) Отглагольные параллельные существительные, имеющие только значение действия *(выкат, замочка, наматывание, подвоз)*;

2) Отглагольные параллельные существительные, имеющие значение действия и вторичное, предметное значение *(надстройка* — действие и то, что надстроено; *прижим* — действие

---

* Имена с пометами: устаревшее, областное — не учитывались.

и то, чем прижимают; *сцепление* — действие и то, чем сцепляют);

3) Отглагольные параллельные существительные, имеющие только предметное значение *(движок, замечание, записка, терка)*.

Отглагольные параллельные имена со значением действия составляют большинство — 68%. Лексическое значение таких имен — действие по значению или значениям производящего глагола. Отглагольные имена с вторичными, предметными значениями составляют 32%, причем они чаще совмещают значение действия с предметным значением (*обжимка* — действие и приспособление, *подвес* — действие и приспособление).

Вторичные, предметные значения неодинаково развиваются у отглагольных имен разных словообразовательных моделей. Среди параллельных имен со значением действия 67% составляют имена существительные с суффиксами -НИ(е), -ЕНИ(е). Наиболее часто получают вторичные предметные значения отглагольные параллельные имена с суффиксами -К(а), -ОК- и бессуффиксные. Они составляют среди всех имен с вторичными, предметными значениями 92%.

Прежде чем перейти к описанию вторичных, предметных значений отглагольных параллельных имен, определим содержание терминов: результат, объект и орудие или средство действия.

К именам со значением результата действия относим те, которые называют предмет, качество как результат действия, производящего глагола. В этом случае предмет, вещество, качество возникает в результате осуществления действия, образующего глагола (*выпилка* — то, что выпилено, выпиленная вещь; *вытяжка* — то, что извлечено, вытянуто; *отливка* — то, что отлито, чугунная отливка).

К именам со значением объекта действия относим те, которые обозначают предмет, подвергающийся действию, названному производящим глаголом. В этом случае объект действия получает название по действию, которому он подвергается (*вкладка* — то, что вложено, вкладывают, а не результат действия глагола вкладывать; *посылка* — то, что посылают, послано, а не результат действия глагола посылать).

К именам со значением орудия или средства действия относим те, которые обозначают nonimum instrumenti (*отвал, сцепление, терка*) и средство действия (*обивка* — материал, которым обивают; *прикорм* — то, чем прикармливают).

I. Отглагольные имена с суффиксами -ни(е), -ени(е)

Как уже было отмечено, отглагольные параллельные имена с суффиксами -НИ(е), -ЕНИ(е) очень редко получают вторичные, предметные значения. Как правило, имена на -НИЕ обозначают действие по значениям производящего глагола.

Отглагольным именам на -НИЕ свойственны следующие вторичные, предметные значения, которые часто совмещаются со значением действия.

а) Значение результата действия. *Низание* — действие и результат действия; *отслоение* — действие и то, что отслоено, отслоилось; *строение* — то, что построено, и некоторые другие.

б) Значение орудия или средства действия. *Зацепление* — действие и то, чем зацепляют; *натирание* — действие и то, чем натирают; *оснащение* — действие и то, чем оснащают, оборудование; *отопление* — действие и «система нагревания помещений»; *сцепление* — действие и то, чем сцепляют, и другие.

в) Значение объекта действия. *Добавление* — действие и то, что добавляют, добавлено; *отправление* — действие и то, что отправляют, отправлено, почтовое отправление; *подвешивание* — действие и то, что подвешено, подвешивают, «система подвешенных частей какого-либо механизма, сооружения»; *подношение* — действие и то, что подносят, поднесено, и другие.

г) Значение места. *Перечисление* — действие и место; *слияние* — действие и место.

д) Отвлеченное значение. Эти имена не имеют конкретного, вещного значения. У них на основании значения действия развились различные абстрактные значения. *Изречение* — «глубокая мысль, суждение, выраженное в немногих ярких словах»; *название* — «словесное обозначение предмета, явления, понятия и т. п.; отдельное издание»; *настроение* — «душевное состояние; направление, строй мыслей, чувств и т. п. кого-либо; расположение, желание делать что-либо, заняться чем-либо».

Отглагольные имена на -НИЕ могут совмещать несколько предметных значений (ср: *скрепление* — то, чем скрепляют, орудие действия, и то, что скреплено, результат действия).

Сопоставление лексических значений отглагольных имен с суффиксами -НИ(е) и -ЕНИ(е) показывает, что предметные значения чаще получают имена с суффиксом -ЕНИ(е). Преимущественное закрепление предметных значений за отглагольными именами с суффиксом -ЕНИ(е), видимо, можно объяснить тем, что в их структуре нет глагольного суффикса, и поэтому имена на -ЕНИЕ в большей степени подвержены конкретизации, чем имена на -НИЕ, включающие в свою структуру глагольные суффиксы (ср: *сцепление* и *наматывание*).

II. Отглагольные имена с суффиксом -К(а)

Имена с суффиксом -К(а) имеют как значение действия, так и вторичные, предметные значения. Имена на -К(а) довольно часто наряду со значением действия получают предметные значения.

а) Значение результата действия. *Выплавка* — действие и то, что выплавлено, выплавленный металл; *высечка* — действие и то, что высечено; *вытяжка* — действие и то, что вытянуто, извлечено, вытяжка слабой концентрации; *вышивка* — действие и то, что вышито, узор; *гравировка* — действие и то, что выгравировано; *линовка* — действие и результат действия, косая линовка; *пристройка* — действие и то, что пристроено, и др.

б) Значение орудия или средства действия. *Драпировка* — действие и то, чем драпируют, задрапировано; *зажимка* — действие и то, чем зажимают, приспособление; *закладка* — действие и то, чем закладывают; *изолировка* — действие и то, чем изолируют; *обертка* — действие и то, чем обернуто; *облицовка* — действие и то, чем облицовывают, материал; *подвязка* — действие и то, чем подвязывают; *пропитка* — действие и то, чем пропитывают, вещество; *разводка* — действие и то, чем разводят, инструмент; *распялка* — действие и то, на чем распяливают, приспособление; *расческа* — действие и то, чем расчесывают; *скрепка* — действие и то, чем скрепляют; *шинковка* — действие и то, чем шинкуют, приспособление, и многие другие.

в) Значение объекта действия. *Ввязка* — действие и то, что ввязывают, ввязано, ввязанная часть; *вделка* — действие и то, что вделано, вделанный предмет; *врезка* — действие и врезанный предмет, то, что врезано; *навеска* — действие и навешенный предмет; *накладка* — действие и предмет, который накладывают; *насадка* — действие и то, что насаживают,

насадка на крючке; *нашивка* — действие и то, что нашито, нашивают; *поджарка* — действие и то, что поджаривают, предназначено для поджаривания; *подклейка* — действие и то, что подклеено, подклеивают; *прибивка* — действие и то, что прибито, прибитый предмет; *приставка* — действие и то, что приставляют, приставка к фотокамере, и многие другие.

г) Значение места. *Вырубка* — действие и вырубленное место; *ночевка* — действие и место, стоянка, местность; *подчистка* — действие и подчищенное, подтертое место; *прокатка* — действие и место, где прокатывают металл; *промывка* — действие и место, где промывают золото; *раскорчевка* — действие и раскорчеванное место; *сковка* — действие и место, где сковано, и многие другие.

д) Агентивное значение. *Выскочка, стряпка.*

е) Значение времени. *Передышка*

ж) Отвлеченное значение. *Встрепка*—«наказание, строгий выговор; нагоняй»; *выходка* — «поступок, противоречащий общепринятым правилам поведения»; *отговорка* — «ссылка на что-либо с целью уклониться, отказаться от чего-нибудь».

Многие отглагольные имена на -КА со значением действия совмещают несколько вторичных, предметных значений, например: *грунтовка* — действие (грунтовка холста), результат действия (плохая грунтовка на холсте), то, чем грунтуют (клеевая грунтовка); *запарка* — действие (запарка соломы), результат действия (кормить коров запаркой), приспособление для запаривания; *подвеска* — действие (подвеска, проводов), средство действия (фонари на подвеске), объект, то, что подвешивают, подвешено (хрустальные подвески на люстре); *проклейка* — действие (проклейка бумаги), то, чем проклеивают (приготовить проклейку), результат, то, что изготовлено, то, что проклеено (картонная проклейка); *сортировка* — действие (сортировка зерна), орудие действия (новая сортировка), место, помещение, где сортируют.

Имена на -КА могут иметь только предметное значение. Таких параллельных имен немного. К ним, например, относятся имена: *задвижка, заслонка, записка, отвертка, повязка, терка, тяпка.*

III. Отглагольные бессуффиксные имена

В словообразовательных параллелях отглагольных имен бессуффиксные имена встречаются с такой же частотой, как и отглагольные имена на -КА.

Параллельные бессуффиксные отглагольные имена и отглагольные имена на -КА относятся друг к другу приблизительно как 1 : 1. Имена на -КА и бессуффиксные наиболее часто выступают как словообразовательные параллели к именам на -НИЕ.

Среди бессуффиксных параллельных имен приблизительно 75% составляют имена с вторичными, предметными значениями (предметное значение может совмещаться со значением действия). Среди же отглагольных параллельных имен на -КА имена с предметными значениями составляют 40%. Следовательно, можно говорить, что бессуффиксные параллельные отглагольные имена чаще получают предметные значения, чем имена на -КА.

Бессуффиксные отглагольные существительные имеют следующие значения.

а) Значение результата действия. *Вымолот* — то, что вымолочено, вымолоченное зерно; *настил* — действие и то, что настлано; *настой* — результат действия, «вытяжка из растительного или животного вещества»; *настриг* — количество шерсти, настриженной за какое-либо время; *начес* — действие и результат действия, длинный ворс ткани; начесанное волокно, шерсть; *отгон* — действие и результат действия, продукт отгонки; *подкоп* — действие и подземный ход; *помета* — «письменный знак, надпись, отметка»; *сруб* — действие и то, что срублено, бревенчатое сооружение, постройка, и многие другие.

б) Значение орудия или средства действия. *Бита* — то, чем бьют; *зажим* — действие и приспособление для зажимания; *запруда* — действие и сооружение, которым преграждают течение воды; *засов* — то, чем закрывают, «большая дверная задвижка»; *зацеп* — действие и «приспособление, которым захватывают, зацепляют что-либо»; *лом* — орудие действия; *отвал* — действие и приспособление; *подкорм* — действие и то, чем подкармливают; *подкрепа* — «подставка для поддержания чего-либо, подпорка; *подсос* — действие и приспособление; *привод* — действие и «устройство для приведения в движение какой-либо машины или механизма»; *притрава* — действие и то, чем приманивают; *причал* — действие и то, чем причаливают, веревка, канат; *сброс* — действие и сооружение для отвода, слива вод, водосброс; *смыв* — действие и то, чем смывают; *сцеп* — действие и то, чем сцепляют, и многие другие.

в) Значение объекта действия. *Залог* — «вещь, остающаяся у выдавшего под ссуду»; *кладь* — груз, поклажа;

подлива — то, что подливают, соус; *подмес* — то, что предназначено для подмешивания, подмешивают; *припай* — то, что припаяно, припаянная часть; *прилеп* — то, что прилеплено, прикреплено; *приплав* — то, что приплавлено, приплавленный лес; *рассада* — «молодые растения, выращенные в парниках для последующей пересадки», а также многие другие.

г) Значение места. *Выгиб* — выгнутое место; *выгон* — действие и место, где пасут скот; *выход* — действие и место, через которое выходят; *гарь* — выгоревшее место в лесу; *перевоз* — действие и место переправы через реку; *переезд* — «место, где переезжают с одной стороны чего-либо на другую», «место пересечения железнодорожных путей шоссейными дорогами»; *подсека* — вырубленное для пашни в лесу место; *привал* — место остановки, отдыха; *прогиб* — место, где прогнуто; *просека* — место, узкая полоса земли в лесу, очищенная от деревьев; *склад* — место, помещение для хранения чего-либо; *скол* — место, где сколото; *сдув* — место, где сдут снег, и другие.

д) Агентивное значение. *Брюзга, заика, зева, обжора, придира, растрепа.*

е) Значение времени. *Отгул, отпуск перемена, перекур.*

ж) Отвлеченное значение. *Накал* — действие и «степень свечения раскаленного тела»; *настрой* — действие и «соотношение тонов по высоте, образующих определенную систему, строй»; *обман* — «заблуждение, ошибка; ложное представление о чем-либо»; неправда, ложь, лживые поступки, слова»; *приговор* — «решение суда по какому-либо делу»; «мнение, суждение по какому-либо вопросу» и другие значения; *призыв* — действие и «требование, предложение вести себя, действовать тем или иным способом», а также другие значения; *смотр* — действие и «общественная проверка чего-либо; публичное ознакомление с чем-либо»; *услуга* — «чье-либо действие, поступок, приносящий помощь, пользу другому», а также другие имена.

Отглагольные бессуффиксные имена, как и имена на -КА, могут совмещать несколько вторичных, предметных значений, например: *причал* — действие, то, чем причаливают, и место, где причаливают; *сцеп* — действие, то, чем сцепляют, и результат действия, то, что сцеплено.

IV. Отглагольные имена с суффиксом -ОК

Отглагольные параллельные имена с суффиксом -ОК — немногочисленны. Они чаще имеют предметные значения. Если отглагольное имя с суффиксом -ОК обозначает действие, то оно обладает большей степенью конкретизации, чем другие отглагольные имена со значением действия, так как обозначает действие как единичный акт в ряду однородных действий *(скачок, клевок)*, поэтому значение действия у таких имен в известной мере ослаблено.

Имена с суффиксом -ОК имеют следующие предметные значения.

а) Значение результата действия. *Мазок* — действие и результат действия, мазок на картине; *моток* — смотанные кольцом пряди ниток, пряжи и т. п.; *набросок* — «рисунок, помечающий лишь важнейшие черты того, что должно быть изображено»; *обмылок* — «остаток от употребляемого куска мыла»; *обрубок* — то, что отрублено, обрубленная часть чего-либо; *сверток* — то, что свернуто в трубку; *стежок* — результат действия, мельчайшая часть шва.

б) Значение орудия или средства действия. *Движок* — «небольшой переносный двигатель»; широкая деревянная лопата; *каток* — приспособление, машина для утрамбовки дороги, орудие для уравнения почвы и др.; *помазок* — кисточка, приспособление для смазывания, намазывания; *скребок* — приспособление для соскабливания чего-либо.

в) Значение объекта действия. *Добавок* — то, что добавляют, добавлено; *подвесок* — предмет, который подвешен, подвешивают; *подсадок* — то, что подсажено, дополнительно подсаженное растение.

г) Значение места. *Каток* — место для катания; *леток* — отверстие для вылета пчел; *перекресток* — место, где перекрещиваются дороги.

д) Агентивное значение. *Ездок, едок, игрок, нырок, слеток, стрелок.*

е) Отвлеченное значение. *Наскок* — «прыжок, скачок с целью нападения на кого-нибудь»; *поступок* — «намеренное действие человека»; *убыток* — «материальный ущерб, потеря, урон».

Отглагольные имена с суффиксами -НИ(е), -ЕНИ(е), -К(а), -ОК- и бессуффиксные, представляющие собой словообразовательные параллели, характеризуются и известным параллелиз-

мом значений. Большая часть таких отглагольных имен, исключая непродуктивные имена с суффиксом -ОК-, имеет значение действия по производящему глаголу. У всех отглагольных имен указанных словообразовательных моделей развиваются вторичные, предметные значения. Наиболее типичными, предметными, непроцессуальными, значениями отглагольных параллельных имен является значение результата, орудия или средства действия, объекта, места и различные отвлеченные значения.

Существование и функционирование в языке параллельных отглагольных имен можно, очевидно, объяснить не только потребностью, но и тем, что они не являются тождественными словами.

Часть параллельных отглагольных имен дифференцирует значения производящих глаголов (ср.: *поднесение* подарка и *подноска* кирпичей; *отрезание* хлеба, участка противника и *отрезка* хлеба, участка).

Некоторые отглагольные имена, составляющие параллельный ряд, получают различные вторичные, предметные значения (*закол* — преграда из свай, и *заколка* — то, чем прикалывают; *запись* — то, что написано, и *записка* — листок бумаги, на котором что-либо написано; *обдир* — место, где ободрано, и *обдирка* — мельница).

Часть имен различается стилистической принадлежностью, сферой употребления (нейтральные, книжные, разговорные слова, профессионально-технические термины), причем стилистические различия могут совмещаться с различиями в семантике (ср.: *накаливание* и *накал,* спец.: *перекармливание* и *перекорм,* разг.; *перечесывание* и *перечес,* спец.; *прирабатывание* и *приработка,* спец.).

Вопрос о лексико-семантических взаимоотношениях параллельных отглагольных имен[8] и производящих глаголов заслуживает специального изучения. Здесь лишь отметим, что имена на -НИЕ обычно шире передают значения производящих многозначных глаголов, чем другие параллельные отглагольные имена.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] См. Г. И. Рихтер. Словообразовательные параллели в системе русских имен действия. «Русский язык в школе», 1957 г. № 3.

[2] Г. И. Рихтер. Указ. сочинение.

[3] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 101—128, 596—599.

М. М. Покровский. Несколько вопросов из области семасиологии. «Филологическое обозрение», М., 1897, т. XII. кн. I. стр. 64.

М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. «Избранные работы по языкознанию». Изд-во АН СССР, стр. 75—76, 125—145.

[4] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III., стр. 105.

[5] М. М. Покровский. Несколько вопросов из области семасиологии, стр. 64.

[6] К. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. Изд-во «Высшая школа», М., 1962, стр. 147.

[7] См., например: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.-Л, 1935, стр. 148—149. А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. I, Учпедгиз, М., 1961, стр. 200, 203. Грамматика русского языка, т. I, Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 262.

А. А. Дементьев. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами -ОК, -КА, -КО; -ЕЦ, -ЦО, -ИЦА, -ИЦЕ). Ученые записки Куйбышевского пединститута. Вып. 27, 1959, стр. 79—103.

[8] См. П. В. Булин. О семантике парных имен на -НИЕ и -КА в их отношении к производящим глагольным основам. «Вопросы истории и теории языка», Ученые записки Вологодского пединститута, т. 28, 1964 г. А. А. Дементьев. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке, стр. 96—99.

В. И. Чуглов

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ, ИМЕЮЩИХ В КАЧЕСТВЕ ЗАВИСИМОГО СЛОВА ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ, С СУБСТАНТИВНЫМИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯМИ, ИМЕЮЩИМИ В КАЧЕСТВЕ ЗАВИСИМОГО СЛОВА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ИЛИ НАРЕЧИЕ

Для литературного языка нашего времени, по наблюдениям исследователей, характерно увеличение именных конструкций [1]. В связи с этим исследование названной соотносительности представляет известный интерес.

Под функционально-смысловой соотносительностью конструкций (имеющих одинаковое лексическое наполнение) понимается способность их к взаимозамещению в системе языка, иначе, способность употребляться в идентичных функциях [2].

Наличие такой соотносительности у сравниваемых субстантивных словосочетаний с относительным прилагательным и с зависимым существительным или наречием в системе современного литературного языка очевидно. Например: «телефонная трубка» — «трубка телефона», «солдатская гимнастерка» — «гимнастерка солдата», «бельевая веревка» — «веревка для белья», «парусная лодка» — «лодка с парусом» и т. д. Но в большинстве случаев она отсутствует, ср.: «ручная граната», «электрический чайник», «карманный фонарик» и т. д., с одной стороны, и «галстук мальчика», «стакан воды», «скамейка у забора», «палка на столе» и т. д., с другой.

Рассматриваемая соотносительность наблюдается обычно лишь в тех случаях, когда словосочетание с зависимым словом (будем называть его в дальнейшем — ЗС, а главное слово соответственно — ГС) — существительным или наречием способно выступать в качестве составного названия какой-либо разновидности предмета (ср. «галстук пионера» — «пионерский галстук», но «галстук мальчика», «галстук брата»; «коробка из-под папирос» — «папиросная коробка», но «коробка из-под бумаг»; ср. также: «палка на столе», «скамейка у забора»

и т. д.) [3], хотя возможна иногда и независимо от этого условия («пиджак отца» — «отцовский пиджак», «цистерна госпиталя» — «госпитальная цистерна» и под.).

Однако выяснение условий соотносительности не является задачей данной статьи, хотя указанное выше положение следует иметь в виду при установлении соотносительных конструкций. В статье описывается одна из существенных особенностей соотносительности, наиболее отчетливо обнаруживаемая при подходе к ней со стороны словосочетания с прилагательным.

Эта особенность состоит в том, что одно и то же словосочетание с относительным прилагательным способно вступать в соотносительность с несколькими словосочетаниями с ЗС — существительным или наречием. Например: «вагонные окна» — «окна вагона», «окна в вагоне», «бельевая веревка» — «веревка для белья», «веревка под белье», «папиросная коробка» — «коробка папирос», «коробка из-под папирос», «коробка от папирос», «коробка для папирос», «коробка под папиросы» и т. д.

Данное явление отмечалось для отдельных словосочетаний с прилагательным рядом исследователей, но оставалось при этом на уровне единичных наблюдений [4]. Предметом специального исследования оно не было.

Функционально-соотносительные конструкции образуют синтаксический ряд, например: «вагонные окна» — «окна вагона» — «окна в вагоне», «бельевая веревка» — «веревка для белья» — «веревка под белье» и т. д. [5]. В синтаксический ряд с простыми словосочетаниями, имеющими в качестве ЗС относительное прилагательное, довольно свободно входят конструкции с определительным оборотом — причастным оборотом или определительным придаточным предложением. Например: «бельевая веревка» — «веревка для белья» — «веревка под белье» — *«веревка, предназначенная для белья», «веревка, которая предназначена для белья»* и т. д.

Установление по возможности наиболее полного вида таких рядов представляет определенный интерес и может быть предметом самостоятельных исследований. В статье же указанные ряды рассматриваются в основном только на уровне простых словосочетаний. Исключения сделаны лишь для некоторых конструкций, по значению предельно близких к ним, типа «фабрика по производству ковров» (ср. «фабрика ковров»), «песни военных лет» (ср. «песни войны») и т. д.

Таким образом, объектом наших наблюдений являются синтаксические ряды субстантивных словосочетаний с ЗС — от-

носительным прилагательным и существительным в косвенном падеже или наречием.

Отношения между членами таких, обычно многочисленных, рядов неодинаковы. Так, словосочетание с относительным прилагательным находится в отношениях взаимозаменяемости со всеми членами ряда, в то время как словосочетания с ЗС — существительным или наречием могут и не быть взаимозаменяемыми, а находиться, скажем, в отношениях дополнительной дистрибуции. Например, словосочетание «папиросная коробка» взаимозаменяемо с конструкциями «коробка папирос», «коробка из-под папирос», «коробка для папирос», но сами эти словосочетания по отношению друг к другу не взаимозаменяемы, а оказываются в отношении дополнительной дистрибуции. Взаимозаменяемыми среди словосочетаний с существительными здесь являются, например, конструкции «коробка из-под папирос» и «коробка от папирос».

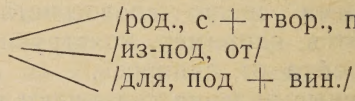
Отмеченные явления указывают в подобных случаях, однако, не на отсутствие ряда, а на его сложную структуру. В наблюдаемых в статье рядах словосочетания с прилагательным в силу отмеченных особенностей оказываются противопоставленными всем соотносительным с ними словосочетаниям с ЗС — существительным или наречием (кстати, они противопоставлены и структурно), в результате чего эти ряды, рассматриваемые в основном на уровне простых словосочетаний, являются, таким образом, двухкомпонентными. Но сами эти компоненты могут иметь сложную структуру. Так, они могут представлять собой самостоятельные ряды. Например: «гусеничный трактор» — «трактор с гусеницами» и «трактор на гусеницах», «минутная заминка» — «заминка на минуту», «заминка с минуту», и «заминка в течение минуты»; второй компонент ряда представлен здесь несколькими словосочетаниями с существительным, образующими свой ряд. В синтаксическом ряду «послереформенное время» и «пореформенное время» — «время после реформы», напротив, первый компонент представляет собой ряд, состоящий из двух членов. Следует отметить, что компонент синтаксического ряда, соответствующий словосочетанию с прилагательным, редко оказывается сложным, в то время как другой компонент ряда является сложным в подавляющем большинстве случаев.

Второй компонент ряда нередко, кроме того, представляет собой не один, а несколько рядов, находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции и образующих, таким образом,

новый, но лежащий в иной плоскости, парадигматический ряд. Например: «папиросная коробка» — *«коробка папирос», «коробка с папиросами», «коробка под папиросы»* — *«коробка из-под папирос», «коробка от папирос»* — *«коробка для папирос», «коробка под папиросы».*

Используя условные обозначения [6], облегчающие изложение, данный синтаксический ряд можно записать так: «папиросная коробка» — /род., с + твор., под + твор./ из-под, от/ для, под + вин./ Первый компонент подан здесь не как условное обозначение по той причине, что указывает на словосочетания, представленные в ряду, при необходимости он может быть записан как «б/п».

Уместно представить данную запись схематически:



Установить и описать ряды для каждого словосочетания с относительным прилагательным невозможно. Поэтому словосочетания с относительным прилагательным должны быть классифицированы по значению и объединены в определенное количество групп. Именно для таких групп могут и должны быть установлены и описаны синтаксические ряды. Однако здесь возникают свои осложнения, нарушающие в определенной степени строгость рядов, но обнаруживаются и определенные возможности в дальнейшем изучении рассматриваемой соотносительности.

Первые заключаются в том, что в связи с некоторыми различиями в значении словосочетаний группы, зависящими от лексического наполнения их, формы внутри наборов второго компонента могут также в различной степени отличаться друг от друга и не быть взаимозаменяемыми, т. е., входя в тот или иной ряд группы словосочетаний, отдельные формы могут не быть соотносительными с теми или иными словосочетаниями группы. Например, словосочетания «солдатская гимнастерка» и «хирургические инструменты» входят в одну группу, в ряду которой представлены формы «род.», «у», «на + предл.». Однако лишь первое словосочетание соотносительно со всеми тремя формами, второе же словосочетание не соотносится с третьей формой (ср. бессмысленность «инструменты на хирурге»). В зависимости от объема значения группы указанные расхождения могут быть большими или меньшими.

Возможности же дальнейшего изучения соотносительности

при классификации словосочетаний состоят в том, что, объединяя с различными целями различные группы словосочетаний с прилагательным или разукрупняя их вплоть до отдельных словосочетаний, можно получать и соответствующие объединенные или разукрупненные ряды. Например, можно объединить группы словосочетаний с прилагательным, имеющие пространственные значения («надпалубные канаты», «подводные камни», «предстартовая зона», «заречная улица» и т. д.) или временные («довоенная жизнь», послевоенное строительство», «зимние дни» и т. д.), можно объединить и эти, а также другие группы в группу словосочетаний, имеющих обстоятельственное значение. Соответственно будет меняться вид и значение рядов.

Называемые в статье группы словосочетаний в большинстве своем не являются такими объединениями, хотя и не исключают некоторые частные деления внутри групп. Приходится при этом констатировать, что в русистике пока нет классификации словосочетаний с относительным прилагательным по значению, как нет такой классификации и у относительных прилагательных[7].

Рамки настоящей статьи не позволяют дать один из возможных вариантов такой классификации словосочетаний с относительным прилагательным и установить и описать ряды полученных групп. В статье рассматриваются лишь отдельные группы и их ряды, что следует понимать как иллюстрацию названных выше положений, основания для их углубления и новых наблюдений и выводов. При этом не делается попытки установить обязательно полный вид наборов (состав их очень подвижен, изменчив), но количество самих наборов у групп относительно легко поддается учету.

Все группы словосочетаний с относительным прилагательным можно разделить на две части — на имеющие по несколько наборов форм и на имеющие по одному набору форм.

I. ГРУППЫ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ С ЗАВИСИМЫМ ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ, ИМЕЮЩИЕ БОЛЬШЕ ОДНОГО НАБОРА ФОРМ

1) Словосочетания со значением характеристики кого- или чего-либо (ГС) по его юридической принадлежности кому-либо (ЗС).

Примеры: «солдатская гимнастерка», «крестьянский двор», «танкистское кладбище», «штабной автомобиль», «отрядный барабан» и т. д.

Ряд соотносительных с ними форм можно представить так: /род., у, на (в) + предл. /от, с + род./ для, на + вин., дат./. У различных словосочетаний группы он реализуется с различной степенью полноты как в отношении наборов, так и в отношении форм внутри них, при этом (как и у словосочетаний других групп) не исключены и другие, кроме названных, формы внутри наборов. Ср.: «солдатская гимнастерка» — /род., у, на + предл., при /с + род., от/ для, на + вин, дат/; «крестьянский двор» — /род., у/ от /для, дат./ «отцовское имущество» — /род. у/от/; «отрядный барабан» — /род., у, в + предл./ из, от /для, дат., на + вин./ и под.

Контекстуальные примеры:

«От покойного отца осталась ему в наследство одна *дедовская шашка* в обтёрханных... ножнах» (Шол. П. ц., кн. I, V), — *«шашка деда», «шашка от деда»* (из-за наличия конструкции «от отца» последнее словосочетание несколько неуместно).

«...на матери было надето *отцовское пальто*... (Сим. Солд. не рожд., кн. 2, I), — ср. *«пальто отца», «пальто с отца».*

«Потом один из них, в кавалерийской монгольской *фуражке* подошел к эмке» (Сим. Тов. по ор., 15), — ср. *«в фуражке кавалериста», «в фуражке для кавалериста».*

Здесь и в других группах следует различать словосочетания не с одним, а с двумя или несколькими значениями; например, «печные инструменты» — «инструменты печника» и «инструменты для печного дела»; ряды форм в таких случаях у каждого значения — свои.

2) Словосочетания со значением характеристики чего-либо (ГС) по его принадлежности автору, создателю (ЗС).

Примеры: «середняцкий хлеб», «материнское письмо», «агентурные сведения», «чеховский «Ионыч», «синцовские (т. е. на которых писал Синцов) листки» и т. д.

В целом у группы представлен ряд из двух наборов: /род., у, со стороны/ от/, но реализуется он обычно не в полном виде.

Ср.: «середняцкий хлеб» — /род., у/от/; «материнское письмо» — /род., у/от/; «чеховский «Ионыч» — /род., у/ и т. д.

Контекстуальные примеры:

«Середняцко-бедняцким хлебом Советский Союз не прокормишь... (Давыдов)» (Шол. П. ц., кн. 1, IV), — ср. *«хлебом середняков и бедняков», «хлебом от середняков и бедняков».*

«На манер *чеховских сестер,* мечтавших о несбыточной Москве, Татьяна Васильевна мечтала разобрать книги и позвать букиниста» (И. Грекова. Под фонарем), — ср. *«сестер Чехова»*.

3) Словосочетания со значением характеристики части предмета (ГС) по ее принадлежности целому предмету (ЗС).

Примеры: а) «дверная ручка», «велосипедное колесо», «дульная нарезка», «пушечное дуло», «кухонная дверь» и т. д.; б) «скальный выступ», «речное устье», «древесная кора», «березовые листья» и т. д.

В целом у группы возможен такой ряд: /род, у, в/на/ + предл. /от, из/с/ + род./ для, к и др./.

У словосочетаний рубрики «б» отсутствуют соотносительные формы последнего набора, например: «березовые листья» — /род., у, на + предл./ с + род., от/. Напротив, у словосочетаний рубрики «а» возможны два дополнительных набора, правда, в единичных случаях типа «комнатная дверь», ср.: /род., у, в + предл./ от, из (отделённая часть) /для/ в + вин. (направление внутрь) /из (направление изнутри)/.

Другие примеры: «дверная ручка» — /род., у, на + предл./ /от/для/; «пушечное дуло» — /род., у/от/для/; «скальный выступ» — /род., у/; «речное устье» — /род., у/; «древесная кора» — /род., у, на + предл. /от/ и т. д.

К названной группе относим и словосочетания с довольно сильным добавочным значением источника типа «речная вода» в смысле «вода из реки», «книжная страница» в смысле «страница из книги» и под. Но не включаем в нее словосочетания с ослабленным значением части целого и сильным значением характеристики предмета по месту (ЗС), а именно словосочетания типа «степной цветок», «горная река», «дорожная пыль» и под. Форма «род.» у них уместна не всегда и нередко имеет дополнительные смысловые и стилистические оттенки. Ср., например, «горная река» — «река гор», «лесное яблоко» — «яблоко леса» и под.

Контекстуальные примеры:

«Помолчал, в голубоватых глазах сузились крохотные, *с булавочную головку* зрачки, и точно улыбнулся» (Шол. П. ц., кн. I, III), — ср. *«с головку булавки», «с головку у булавки»;* не исключено и *«с головку от булавки»,* что указывает на подвижность границ между наборами в контексте.

«...он с братишкой Степаном прятался туда от дела в непроглядной гуще *вязовой листвы...*» (Фед. Кост., II, 4), — ср. *«листвы вяза», «листвы на вязе».*

«Он принес кувшин холодной *колодезной воды,* теплую воду из ведра выплеснул на пол» (Шол. П. ц., кн. 2, XXVI), — ср. *«воды из колодца».*

4) Словосочетания со значением характеристики лиц, коллективов, учреждений и под. (ГС) по их отношению к лицам, коллективам, учреждениям и под. (ЗС).

Многочисленные словосочетания названной группы, отличающиеся друг от друга в различной степени по значению, могут быть по различиям в составе соотносительных форм разбиты на две группы.

а) Словосочетания, в которых прилагательное указывает на лицо. Примеры: «солдатская вдова», «стрелецкие жены», «крестьянский сын», «царские слуги», «отцовский полк» (т. е. полк, где служит отец), «маршаковский журнал», «буденновские конники» и т. д.

Здесь представлен такой ряд: /род., у, дат. (отношение) и др./ от/ для (назначение)/. Ср.: «царские слуги — /род., у, дат., при, по отношению к /от/для/; «буденновские конники»—/род., у/ от/для/; «маршаковский журнал» — /род., у/для/ и т. д.

Для словосочетаний, ГС которых называет родственника, характерны в основном лишь формы первого набора, например: «солдатская вдова» — /род./, «стрелецкие жены» — /род., у, дат. и др./.

Контекстуальные примеры:

«С одной *из ворошиловских частей* он двинул на Морозовскую — Царицын» (Шол. П. ц., кн. 1, V), — ср. «с одной *из частей Ворошилова».*

«Здесь долго *грузчицкий сын...* вообще не понимал, чего от него хотят...» (Герм. Я отв. за все, 2), — ср. *«сын грузчика».*

б) Словосочетания, в которых прилагательное указывает на коллектив, учреждение и под. Примеры: «корабельный врач», «школьный учитель», «ротный командир», «провинциальные режиссеры», «городские парни», «польский представитель», «институтская редколлегия», «монастырский хор», «государственные учреждения» и т. д.

Представлен такой ряд соотносительных с ними форм: /род., у, в (на) + предл. и др./ из (с) + род., от /для (назначение), в

(на) + вин. (назначение) и др./. Например: «корабельный врач» — /род., у, на + предл., при /с + род., от/ для, на + вин./; «ротный командир» — /род., у, в + предл./ из /для, в + вин./; «провинциальные режиссеры» — /род., у, в + предл./ из /для, в + вин.); «исполкомовская комиссия» — /род., у, при/ из, от /для/ и т. д.

По сравнению с рубрикой «а» здесь, таким образом, оказываются дополнительные формы «в (на) + предл.», «из (с) + род.», «в (на) + вин.», усиливающие или вносящие в значение ряда дополнительное значение нахождения внутри или вне предмета и связанные с ними другие оттенки значения (назначение, представительство и др.).

Контекстуальные примеры:

«Давыдову пришлось срочно посылать в войсковой *за участковым фельдшером* первую попавшуюся подводу» (Шол. П. ц., кн. 2, XXVIII); — ср. *«за фельдшером участка», «за фельдшером на участке».*

«Прямо к окопу полз *ротный санитар»* (Сок. Вторж., 3, 6), — ср. *«санитар роты», «санитар из роты».*

«После отъезда городских гостей (с дачи Пастухова—*В. Ч.*) хозяева вышли за ворота проводить Гривниных и Нелидова» (Фед. Кост., IV, 6), — ср. *«гостей из города».*

Итак, для словосочетаний группы в целом характерен ряд из трех наборов, реализуемый отдельными словосочетаниями с той или иной степенью полноты.

5) Словосочетания со значением характеристики кого-либо или чего-либо (ГС) по месту, названному ЗС.

Примеры: «полевые цветы», «лесные реки», «газетная полемика», «корабельная жизнь», «здешние жители», «заднее сидение», «настенная полка», «поясной ремень», «уличные шашлычники», «московская дорога», «бутылочное пиво» и т. д .

Реализуемый с той или иной степенью полноты ряд соотносительных с ними форм может быть представлен в таком виде: /род., в (на) + предл., нареч. и др. /из (с) + род./ для, в (на) + вин. (назначение) /из (с) + род. (направление) /в (на) + вин. (направление)/.

Первый набор, как основной, представлен обычно у всех словосочетаний группы и как единственный у словосочетаний типа: «горное озеро» — /род., у, в + предл./; «деревенская осень» — /род., в + предл./; «корабельная жизнь» — /на +

предл./; «морская прогулка» — /в + предл., по + дат./; «здешние места» — /нар./ и т. д.

Второй набор имеется лишь у тех словосочетаний, ГС которых указывает на то, что может существовать и вне места, названного ЗС. Например: «полевые цветы» — /род., на + предл./ с + род./; «московский снег» — /род., в + предл. /из/ и под.

Если при этом то, что названо ГС может быть еще и предназначено для места, указанного ЗС, то имеется и третий набор форм. Ср.: «стенные части» — /на + предл./ со + род./ для, на + вин./, «настольное стекло» — /род., на + предл./ с + род./ для, на + вин./ и т. д.

Нельзя не отметить, что у словосочетаний типа «настольное стекло», «нательная рубашка» и др. расхождение в значении с соответствующими словосочетаниями с ЗС — существительным особенно велико, а возможности взаимозамены в контексте ограничены сильнее, чем у других словосочетаний.

Два последних набора форм со значением направления возможны у ограниченного круга словосочетаний с прилагательным, образованным от географического названия или названия страны света. Например: «брестский поезд» — /в + предл./ из, ст (направление) /в (на) + вин. (направление)/, «восточный поход» — /на + вин. (направление)/ (форма «на + предл.» называет другое событие и в данном ряду невозможна); «московская дорога» — /из (направление) /в (на) + вин. (направление)/. (Форма «в + предл.» называет другой предмет и в данный ряд не входит) и под. Однако у таких словосочетаний, как это видно из примеров, обычно отсутствуют все остальные или некоторые наборы названного выше ряда.

Контекстуальные примеры:

«В этот ранний утренний час *ни степной подорожник,* ни поникшие ветки желтого донника... не источали присущих им дневных запахов» (Шол. П. ц., кн. 2, XXV), — ср. *«подорожник в степи».*

«Они сделали еще несколько километров к востоку, сначала по шоссе, потом *по лесной дороге»* (Сим. Жив. и мертв. I), — ср. *«по дороге в лесу», «по дороге лесом», «по дороге через лес».*

«...чтобы вы... на букетики *полевых цветов,* собранные руками благодарных малюток, не надеялись» (Богословский) (Герм. Дело, кот. ты сл., 9), — ср. *«цветов с поля».*

«...*к восточному походу* он готовился с присущим ему рве-

нием... Генерал знал, что *поход на Восток* замышлялся как молниеносный, ошеломляющий удар...» (Сок. Вторж., II. 24), — ср. оба выделенных словосочетания.

6) Словосочетания со значением характеристики кого- или чего-либо (ГС) по месту нахождения перед предметом (ЗС).

Примеры: «предоперационная комната», «предместные укрепления», «предстартовая зона», «предполярный район» и под., — в целом немногочисленная группа.

Основная соотносительная форма подсказывается структурой прилагательного: приставке «пред-» соответствует в словосочетании с ЗС — существительным предлог «перед», требующий творительного падежа; например, «предоперационная комната» — /перед/, т. е. «комната перед операционной».

Если не рассматривать здесь в качестве соотносительных конструкции типа «укрепления предмостной части», «укрепления предмостья»[8], то весь ряд у словосочетаний группы будет состоять из одного набора, представленного наиболее четко названной формой. По своему значению конструкции типа «укрепления предмостной части», «укрепления предмостья» отличаются от этой формы значительно меньше, чем по своей структуре, а именно тем, что в них значение группы оформлено как принадлежность к месту, в то время как у формы «перед» такого значения нет. Но само место характеризуется как находящееся перед предметом (ср.: «предмостная часть» — «часть перед мостом»). Разницу в значении формы и сравниваемых с нею конструкций можно сопоставить с разницей в значении между формами «род». и «з (на) + предл.» у словосочетаний предыдущей группы («полевые цветы» — /род., в + предл./), где обе формы оказываются в рамках одного набора.

Таким образом, упомянутые конструкции здесь и в аналогичных случаях у словосочетаний других групп целесообразно считать формами того же ряда, что и формы типа «перед». Но в таком случае увеличивается не только число форм в установленном наборе, но и число наборов, т. е. ряд соотносительных со словосочетаниями группы форм может быть представлен в таком виде: /перед, род., в + предл. /из/ для, в + вин./.

Примеры: «предстартовая зона» — /перед., род., в + предл. («зона в предстартовой части)/; «предгорная растительность» — /перед., род., в + предл. /из/ и под.

Контекстуальные примеры:

«...он скинул *в предоперационной комнате* белоснежный колпак, маску, клеенчатый фартук» (А. Коптяева, Иван Иванович, 19. — Взято с сокращением из ССРЛЯ, т. 11, стлб. 139), — ср. *«в комнате перед операционной»*.

«Вот слишком узкий *предмостный участок* шоссе...» (Фед. Оружие. — Взято с сокращением из ССРЛЯ, т. 11, стлб. 132), — ср. *«участок* (шоссе) перед мостом», *«участок* (шоссе) *в предмостной части»*.

7) Словосочетания со значением характеристики кого-или чего-либо (ГС) по месту нахождения по ту сторону предмета (ЗС).

Примеры: «заграничная поездка», «заречный совхоз», «заокеанские магнаты», «заплечный мешок», «забортная вода», «заполярная тундра», «заднепровский лес» и т. д.

Ряд соотносительных с ними форм, реализуемый с различной степенью полноты, может быть представлен в таком виде: /за + твор., род., в + предл./ из-за, из /за + вин./ в + вин. (назначение)/. При этом, даже если не принимать во внимание конструкции типа «совхоз в заречной части», «совхоз в заречье» и связанные с ними формы, ряд соотносительных со словосочетаниями группы форм будет состоять из нескольких (трех) наборов.

Примеры: «заречный совхоз»—/за + твор., род., в + пред.); «забортная вода» — /за + твор./ из-за/; «зарубежные артисты»—/за + твор./ из-за/; «заграничная поездка» — /за + вин.); (форма за + твор. называет другое явление и в ряд словосочетаний с данным значением не входит); «заречный дом» — /за + твор., род., в + предл./ из /для, в + вин./ и т. д.

Контекстуальные примеры:

«Жадными глазами оглядывала Варя незнакомую ей *задонскую,* но все же бесконечно родную *степь*» (Шол. П. ц., кн. 2, XXV),—ср. *«степь за Доном», «степь Задонья», «степь в Задонье»*.

«Кочегары и машинисты выбирались наверх, черпали брезентовыми ведрами забортную воду и обливались» (П. Капица. Ревущие сороковые),—ср. *«воду за бортом», «воду из-за борта»*.

«...вратарь *зарубежной* профессиональной *команды* уже вынул из сетки три сухих мяча» (И. Шатуновский. Мадам Дюпон из Марьиной рощи), — ср. *«команды из-за рубежа»* (игра проходила на советском стадионе).

8) Словосочетания со значением характеристики чего-либо (ГС) по месту нахождения над предметом (ЗС).

Примеры: «надстрочные надписи», «надгробные речи», «надпалубные каюты», «надбровные бугорки», «надречные ветки» и т. д.

Возможен следующий ряд форм: /над, род., в + предл./ из /для, в + вин./, но при этом два последних набора реализуются крайне редко. Ср., «надстрочные замечания» — /над, род., в + предл./ из («замечания из надстрочной части)/; «надпалубные каюты» — /над, род., в + предл./; «надбровные бугорки» — /над/ и т. д.

Контекстуальные примеры:

«Его лоб с двумя *надбровными бугорками* прорезала глубокая морщина» (Сок. Вторж., 4, 28), — ср. *«с бугорками над бровями»*.

«Древние стихийные силы сталкивали их (детей) ...с... душегубок, льдин и *надречных веток* деревьев» (А. Макаренко. Педагогическая поэма. — Взято из ССРЛЯ, т. 7, стлб. 168), — ср. *«с веток над рекой»*.

9) Словосочетания со значением характеристики кого- или чего-либо (ГС) по месту нахождения под предметом (ЗС).

Примеры: «подглазные мешки», «подводная стремнина», «подземное сообщение», «подоблачный охотник», «подкожный укол», «подголовная подставка» и под.

Ряд соотносительных с ними форм может состоять из трех наборов: /под + твор./ из-под /под + вин./. При наличии соотносительных конструкций «течение подводной части» в состав первого набора входят формы «род», «в + предл.», в состав второго — «из», в состав третьего — «в + вин», «для», при этом в значении третьего набора возможны различия в оттенках значения — направления и назначения.

Ср.: «подглазные мешки — /под + твор./; «подземное сообщение» — /под + твор., в+предл./; «подкожный укол» — /под+ вин./ (при отсутствии двух первых наборов); «подголовная подставка» — /под + твор./ из-под /под+вин./; «подземный шум»— /под + твор./ из-под/; «подводные растения» — /под + твор., род., в + предл./ из-под, из («растения из подводной части»)/ и т. д.

Контекстуальные примеры:

«Крупная мощная кладка поднималась на метр над землей, а внутри была заглублена *для подземного дымохода...*» (Сим. Жив. и мертв., 14), — ср. *«для дымохода под землей»*.

«В синеве расписывал широкие круги ястреб... Илья заметил сына, дал ему немного полюбоваться *подоблачным охотником*, разогнулся» (Фед. Кост., II, 4), — ср. *«охотником под облаками»*.

«Нашла себе работу!—сказал из-под днища машины незнакомый угрюмый голос... *Подземный голос* (т. е. из-под днища—В. Ч.) принадлежал шоферу» (К. Паустовский. Потерянный день), — ср. *«голос из-под земли»* (в переносном значении).

Подобным образом можно рассмотреть словосочетания с другими пространственными значениями («межпланетные путешествия», «придорожная трава», «внеклассные занятия» и под.), с временными значениями («июньский лес», «довоенное детство», «послевоенная жизнь» и т. д.). К словосочетаниям с прилагательным, имеющим более одного набора форм, следует отнести также словосочетания со значением характеристики вместилища (ГС) по его содержимому (ЗС) («папиросная коробка»), со значением характеристики места, времени, цели и под. (ГС) по их заполненности или связи с тем, что названо ЗС («школьные годы»). На периферии оказываются словосочетания со значением характеристики части организма (ГС) по ее принадлежности кому-либо (ЗС) («крестьянские руки», «женские волосы») и словосочетания со значением характеристики кого- или чего-либо (ГС) по деятельности, действию, их предмету, области, сфере или по тому и другому вместе (ЗС) («ковровая фабрика», «хлопкоуборочный комбайн»). Формы других наборов у них возможны, но не характерны.

Наблюдения над инвариантным значением наборов приводят к определенному выводу. Для парадигматического ряда наборов характерна трехчленность, т. е. наиболее полный вид вертикального ряда наборов имеет ряд из трех наборов. Инвариантное значение всех рассмотренных групп основано на устойчивой связи предметов, называемых компонентами словосочетания. Первый набор является основным, он характерен для основной массы словосочетаний группы и указывает на наличие этой связи. Второй набор указывает на отделение одного предмета от другого, третий — на предназначенность, на направленность к объединению одного предмета по отношению к другому. Это общее значение ряда и каждого набора конкрети-

зируется по выделяемым группам. Не трудно заметить, что наборы, указывающие на направление (см. группы «3», «5» и «7») легко объединяются со вторым или третьим набором.

II. ГРУППЫ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ С ЗАВИСИМЫМ ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ, ИМЕЮЩИЕ ПО ОДНОМУ НАБОРУ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С НИМИ ФОРМ

1) Словосочетания со значением характеристики чего-либо (ГС) по материалу (ЗС), из которого изготовлен или состоит определяемый предмет.

Например: «суконный халат», «шерстяные чулки», «чугунная решетка», «торфяная земля» и т. д. и т. д.

Для словосочетаний данной группы характерна всего одна соотносительная с ними форма — (из).

2) Словосочетания со значением характеристики кого- или чего-либо (ГС) по наличию у определяемого характерной части (ЗС).

Примеры: «колонный зал», «гусеничный трактор», «турельный пулемет», «трехосные грузовики», «моторная лодка», «ватный халат», «трехкомнатная квартира», «одноместная каюта», «однорукий майор» и т. д.

Ряд соотносительных с ними форм можно представить так: /с + твор., на + предл., на + вин., из и др./. Ср.: «колонный зал» — /с + твор./; «гусеничный трактор» — /с + твор., на + + предл./; «трехкомнатная квартира» — /с + твор., из/; «одноместная каюта» — /с + твор., на + вин./ и т. д.

Контекстуальные примеры:

«Синцов вспомнил *однорукого майора...*» (Сим. Солд. не рожд., кн. 2, 21), — ср. *«майора с одной рукой»*.

«Два узбека..., оба *в* черных *ватных халатах,* пилили ручной пилой...» (Сим. Солд. не рожд., кн. 2, 3), — ср. *«в халатах на вате»*.

3) Словосочетания со значением количественной характеристики (ЗС) того, что названо ГС.

Примеры: «трехкилометровый путь», «стометровая дистанция», «литровая банка», «стопудовый урожай», «вершковая заноза», «минутная заминка», «недельная борода», «рублевые билеты», «десятиведерная бочка» и т. д.

Возможны следующие соотносительные с ними формы: /в + + вин., за + вин., по + дат. или по + вин., на + вин, с + вин., в течение (в продолжение и под. и др.). Ср.: «Трехкилометровый путь» — /в+вин., с+вин. и др./; «стометровая дистанция» — /в + вин./; «вершковая заноза» — /в + вин., с + вин./; «недельная борода» — /за + вин./; «минутная пауза» — /на + вин., в течение (в продолжение)/; «рублевые билеты» — /по + дат., за + + вин., ценой в + вин. и др./ и т. д.

Контекстуальные примеры:

«Была *минутная заминка и молчание*» (Шол. П. ц., кн. 1, XXIX), — ср. *«заминка и молчание на минуту», «заминка и молчание с минуту», «заминка и молчание в течение минуты».*

«Синцов... с удивлением вытащил *вершковую занозу...*» (Сим. Жив. и мертвые, 1) — ср. *«занозу с вершок», «занозу в вершок», «занозу длиной в вершок»* и др.

Существует еще несколько групп словосочетаний с одним набором форм. При этом у большинства из них представлено по нескольку форм в наборе, например, у словосочетаний со значением характеристики чего-либо (ГС) по способу (ЗС) действия («групповой уход», «гнездовое расположение»), по наличию соответствия чему-либо (ЗС) («календарные изменения», «поурочная плата»), со значением источника (ЗС) («гранатные осколки», «дровяная зола»), орудия (ЗС) («пулеметная стрельба», «штыковой удар») и др. У некоторых имеется лишь по одной соотносительной форме: у словосочетаний со значением принадлежности формы (ЗС) («солнечный шар»), характеристики кого- или чего-либо (ГС) по отсутствию характерной части (ЗС) («бескурковое ружье», «беззубый старик»), по состоянию, воздействию со стороны кого- или чего-либо (ЗС) («поднадзорный студент») и др.

Итак, у большинства групп словосочетаний с относительным прилагательным, имеющих по одному набору форм в ряду, представлена не одна, а несколько форм. При этом, однако, следует иметь в виду, что эти формы нередко не находятся в отношениях взаимозаменяемости, поскольку зависят от специфического лексического наполнения словосочетаний группы.

Описанные выше наблюдения позволяют сделать, в частности, следующие выводы:

1. Функционально-смысловая соотносительность субстантивных словосочетаний с относительным прилагательным с субстантивными словосочетаниями с зависимым существительным

или наречием отличается определенной сложностью, связанной с тем, что объем значения первых больше, чем у вторых.

2. Указанное явление находит отражение в сложности соответствующего синтаксического ряда, заключающейся в том, что оба компонента такого синтаксического ряда в свою очередь могут состоять из рядов. Особенно это относится к компоненту ряда, представляемому конструкциями с зависимым существительным или наречием. В большинстве случаев этот компонент представлен не одной, а сразу несколькими конструкциями, которые при этом часто образуют не один, а несколько рядов, составляющих новый, парадигматический ряд.

3. Инвентарь сложных синтаксических рядов представляет определенную систему взаимоотношений сравниваемых конструкций на данном синхронном срезе. Сравнение полученного состояния с состоянием таких же срезов других времен дает картину изменений в соотносительности изучаемых конструкций.

Отсутствие соответствующих системных описаний прошлых состояний рассматриваемой соотносительности лишает нас возможности указанного сравнения. Опираясь на имеющиеся исследования, можно установить две тенденции в историческом изменении рассматриваемых рядов: с одной стороны, число форм в рядах сокращается вследствие изменения значения относительного прилагательного — от указательного к значению свойственности, качественности; с другой стороны, вследствие развития именных словосочетаний, особенно субстантивных словосочетаний с предлогами, число форм в рядах увеличивается.

4. Рассматриваемые синтаксические ряды позволяют более глубоко исследовать характер и систему значения относительных прилагательных. У большинства из них отмечают лишь общее значение отношения к предмету, а между тем это общее значение представляет собой о п р е д е л е н н у ю, о г р а н и ч е н н у ю систему частных значений.

Ряды обнаруживают двухступенчатый процесс реализации значения прилагательным. Одно из частных значений реализуется в словосочетании (ср. «речной» и «речной ветер»), другое более частное его значение и частное значение словосочетания реализуется в контексте более широком, чем простое словосочетание (*«речной ветер* шевелил занавески на окнах домов», — *«ветер с реки»*).

Установление системы значений относительных прилагательных и субстантивных словосочетаний с ними еще требует своего изучения.

5. Установление синтаксических рядов обнаружило возможность по-новому подойти и к классификации по значению субстантивных словосочетаний с зависимыми существительными или наречием: не с точки зрения каждый раз новой структуры, а с точки зрения лексического наполнения словосочетания и варьирования получающегося лексического значения за счет изменения структуры зависимого слова (ср. *«шинель офицера» — «шинель на офицере», «шинель для офицера»* и т. д.), не с аналитической, а с синтаксической точки зрения [9].

В связи со сказанным уместно заметить, что синтаксические ряды полезны не только при изучении истории различных конструкций, но и при решении других вопросов.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАБОТЕ:

Герм. Дело, кот. ты сл.; Я отв. за все. — Ю. Герман. Дело, которому ты служишь. Я отвечаю за все.

Сим. Тов. по ор.; Жив. и мертв.; *Солд. не рожд.* — К. Симонов. Товарищи по оружию. Живые и мертвые. Солдатами не рождаются.

Сок. Вторж. — В. Соколов. Вторжение.

Фед. Кост. — К. Федин. Костер.

Шол. П. ц. — М. Шолохов. Поднятая целина.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М., 1949—1965.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] См.: О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху (вместо предисловия. Е. А. Иванчикова). «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 18, 22.

[2] Ср.: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 6.

[3] Подробнее об этом см. нашу статью «О соотносительности субстантивных словосочетаний с зависимым существительным в родительном падеже без предлога — Уч. зап. Вологодского пединститута, т. 32, вып. 2. Гуманитарные науки. Вологда, 1967.

[4] См., например: М. Н. Мурзина. Синонимика словосочетаний с согласованными и несогласованными определениями. Канд. диссерт. Куйбышев, 1959, стр. 109—110, 129—130; З. М. Волоцкая. Один из способов описания стандартизованного русского языка. «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», вып. 5. М., 1961; В. А. Белашапкова и Е. А. Земская. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. V, М., 1962, стр. 18; Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 29.

[5] О синтаксическом ряде и значении его выделения см.: Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 6—7 и др.

[6] Назовем ряды, из которых могут состоять компоненты наборами, а члены этих рядов — формами и примем следующие условные обозначения: две параллельные линии указывают границы набора; формы внутри набора у словосочетаний с ЗС — существительным представлены либо сокращениями названий падежей — род., дат., вин., твор., предл. — без предлогов или с предлогами, если они есть, либо одними предлогами, если последние употребляются только с одной падежной формой; у словосочетаний с ЗС — наречием — нар., а у словосочетаний с ЗС — прилагательным — по приставкам, например: «настенная полка» — на-, «стенные часы» — /б/п (т. е. без приставки)/ и под.

В качестве набора может выступать и отдельная форма, представляющая в этом случае потенциальный ряд (см. Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 15).

[7] Правда, есть исследования, посвященные отдельным структурным группам прилагательных и отчасти словосочетаний с ними, а также ряд предельно общих замечаний в учебных пособиях и др. работах.

[8] Ср. ССРЛЯ, т. 11, стлб. 132.

[9] См. Ю. Д. Апресян. Идеи и методы структурной лингвистики. М., 1966, стр. 18—19 и сл.

В. А. Шитов

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОДНОРОДНЫМ СОПОДЧИНЕНИЕМ ТРЕХ ПРИДАТОЧНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Сложные предложения с однородным соподчинением характеризуются широкой употребительностью в различных стилях современного русского литературного языка. Однако изучены такие сложные предложения недостаточно. В частности, в опубликованных работах (кстати, очень немногочисленных), специально посвященных исследованию вопроса о соподчинении предложений [1], также, впрочем, как и в общих курсах синтаксиса [2], до сих пор анализировались, как правило, лишь конструкции с однородным соподчинением двух придаточных и почти ничего не говорилось об однородном соподчинении трех и более придаточных [3]. Между тем, сложные предложения с однородным соподчинением трех и более придаточных широко распространены в современном русском литературном языке и, характеризуясь существенными структурными и иными отличиями от сложных предложений с однородным соподчинением двух придаточных, безусловно, заслуживают специального рассмотрения.

Сложные предложения с однородным соподчинением представляют собой одну из широко распространенных разновидностей так называемых сложных предложений усложненного типа. «Соотношение между минимальными конструкциями сложного предложения и сложными предложениями усложненного типа, — как справедливо отмечает В. А. Белошапкова, — совершенно тождественно соотношению между простыми и сложными словосочетаниями. Изучение сложных словосочетаний и сложных предложений усложненного типа должно составить особый раздел синтаксиса, у которого, кроме задач установления типов

возможных комбинаций (соподчинение, последовательное подчинение и под.), могут быть и другие задачи»[4].

В настоящее время понятие «однородное соподчинение придаточных» в различных специальных работах определяется по-разному, объем этого понятия является у разных авторов различным. В связи с этим пока еще, как справедливо отмечает В. К. Покусаенко[5], не очерчен с достаточной ясностью круг тех конструкций, которые рассматриваются как конструкции с однородным соподчинением придаточных частей.

Нами разделяется такое понимание однородности соподчиненных частей, которое можно обнаружить, например, в работах И. А. Василенко[6], Л. Д. Чесноковой[7], Г. Ф. Калашниковой[8], на английском материале — у Л. Л. Иофик[9].

Сложными предложениями с однородным соподчинением целесообразно, как нам представляется, называть такие сложные предложения, в которых один из членов главной части, главная часть в целом или совокупность главных частей поясняется с какой-либо стороны связанными между собою через посредство сочинительных союзов или бессоюзно придаточными частями, причем смысловые отношения между этими придаточными частями могут быть столь же разнообразными, сколь разнообразны они между частями обычных сложносочиненных или бессоюзных сложных предложений.

Близкое к изложенному понимание однородности (правда, применительно к членам предложения, а не к придаточным частям) находим в опубликованном в 1966 году плане монографии «Русский язык и советское общество». В разделе «Синтаксис» этой монографии говорится о том, что одной из тенденций в развитии синтаксиса, обусловленных внутренними закономерностями развития языка и преобразованных под влиянием социальных причин, является

«увеличение емкости категории однородности (расширение возможности объединения — союзного и бессоюзного — в качестве синтаксически однородных таких членов предложения, которые неоднородны морфологически и выражают разные по своему характеру отношения к господствующему слову)»[10].

Несколько иное понимание однородности соподчиненных придаточных обнаруживается в работах В. В. Казмина[11] и в работах В. К. Покусаенко[12].

Анализ особенностей строения и употребления в русском языке сложных предложений с однородным соподчинением трех и более придаточных в сопоставлении с имеющимися в на-

учной литературе сведениями о соответствующих же особенностях сложных предложений с двумя придаточными позволяет установить некоторые закономерности, характеризующие собою определенную зависимость грамматических признаков сложных предложений с однородным соподчинением, употребительности этих предложений, особенностей их стилистического функционирования и т. п. от количества однородно соподчиненных придаточных частей в упомянутых сложных предложениях.

Среди сложных предложений с числом однородно соподчиненных придаточных более двух решительно преобладают сложные предложения с тремя придаточными.

Предлагаемая статья представляет собою первую попытку исследования структурных типов и разновидностей сложных предложений с однородным соподчинением трех придаточных.

Сложные предложения с однородным соподчинением трех придаточных можно было бы называть предложениями с трехзвенным однородным соподчинением.

Наиболее специфичной для трехзвенного однородного соподчинения структурной особенностью является наличие при одной главной части сложного предложения трех придаточных частей, разъясняющих или дополняющих в каком-либо одном и том же отношении главную часть.

Одним из существенных признаков, определяющих структуру сложного предложения с однородным соподчинением трех придаточных, является количество подчинительных союзов (или союзных слов), присоединяющих к соответствующей главной части три придаточных.

В зависимости от этого признака в составе сложных предложений с однородным соподчинением трех придаточных могут быть выделены три группы конструкций:

I. Все три придаточные части присоединяются к соответствующей главной части лишь одним (употребленным в составе данного сложного предложения один раз) союзом (или союзным словом). Такое трехзвенно-однородное соподчинение можно было бы называть также и односкрепным (термином «скрепа» здесь и далее обозначаем подчинительный союз или союзное слово, присоединяющее придаточную часть к соответствующей главной, а термином «звено» — любую из однородно соподчиненных придаточных частей);

II. Две придаточные части из трех соподчиненных присоединяются к соответствующей главной части одним союзом (или союзным словом), иначе говоря, — одной скрепой, а

третья придаточная часть — другой скрепой. Такое трехзвенно-однородное соподчинение можно было бы назвать также и двухскрепным;

III. Придаточные части в рассматриваемых сложных предложениях присоединяются к соответствующей главной части каждая своим союзом (или союзным словом), то есть, иначе говоря, каждая — своей скрепой. Такое трехзвенно-однородное соподчинение можно было бы называть также и трехскрепным.

Наиболее продуктивный тип сложных предложений с трехзвенно-однородным соподчинением — это, бесспорно, предложения трехскрепные, в которых каждая из трех однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части своей скрепой (подчинительным союзом или союзным словом). Конструкции с трехскрепным однородным соподчинением трех придаточных употребляются в современном русском литературном языке гораздо более широко, чем конструкции с односкрепным и двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных вместе взятые.

Разновидности и структурные варианты рассматриваемых сложных предложений иллюстрируются ниже конкретными примерами употребления соответствующих конструкций в языке художественной литературы и публицистики. Некоторое количество исследуемых в предлагаемой статье структур извлечено из газетной периодики, что является, по нашему мнению, в подобных случаях принципиально необходимым по тем причинам, о которых писала Н. Ю. Шведова: «Язык газеты дает богатый материал для наблюдений над живыми синтаксическими процессами: обращенный к массовому читателю и в значительной степени ориентирующийся на его языковые навыки, язык этот чужд консервативности, он очень проницаем, и почти все то новое, что входит в систему письменной речи из «говорения», проходит через каналы ежедневной периодической печати. Сравнительно с системой литературного языка в целом, проблема стилистических дифференциаций в языке газеты значительно упрощена, может быть, неизбежно «обеднена», и тенденции общеязыкового развития выступают здесь более обнаженно, ясно и непосредственно, чем в языке художественной литературы или в специальных, более узких сферах языкового общения. Все это позволяет использовать газетные материалы для того, чтобы сделать некоторые общие выводы о тенденциях развития современной синтаксической системы в целом» [13].

Охарактеризуем каждую из намеченных трех групп рассматриваемых сложных предложений.

I. ОДНОСКРЕПНОЕ ОДНОРОДНОЕ СОПОДЧИНЕНИЕ ТРЕХ ПРИДАТОЧНЫХ

Среди сложных предложений с односкрепным однородным соподчинением трех придаточных решительно преобладают такие, в которых однородно соподчиненные придаточные присоединены к соответствующей главной части союзом *что,* причем однородно соподчиненные придаточные части могут связываться в рассматриваемых сложных предложениях как с помощью сочинительных союзов, так и бессоюзно.

Примеры.

Бессоюзное соединение придаточных частей:

«Кажется, жала бы так до вечера, не разогнувшись, и не почувствовала бы, *что* болит поясница, ломит плечи, в висках стучит кровь». (В. Гроссман. За правое дело; 3, 47).

Союз *а* между первой и второй придаточными частями при бессоюзном соединении второй и третьей придаточных частей:

«Колхозница рассказала, *что* бензовоз стоит у нее во дворе, *а* в хату набилось «видимо-невидимо» немецкой солдатни, они натаскали кур и теперь заставляют ее их жарить». (М. Алексеев. Солдаты, 11, 1, 5).

Союзы *а, и, но* между второй и третьей придаточными частями при бессоюзном соединении первой и второй придаточных частей:

«А Сима к этому прибавляла с милой своей улыбкой и застенчивым поворотом головы, *что* они — зрячие, им легко, *а* как же она вступила в студенческое научное общество, да еще Московского университета?..» (А. Акимова. Первое сентября; 17);

«Стоит ли нам гордиться сейчас тем, *что* здесь звучала волшебная скрипка Паганини, дебютировал Шопен *и* Карл Чарни воспитывал великого Листа!» (М. Шутов. Апрель; 7);

«Рихтер сказал ему, *что* Гильда тяжело больна, скрывает это от отца, необходима операция, *но* нет денег». (И. Эренбург. Девятый вал; 57).

Единичны в современном русском литературном языке случаи употребления других союзов или союзных слов (кроме союза *что*) в функции односкрепно присоединять к соответствующей главной три однородно соподчиненные придаточные части. Об этих случаях говорится, помимо прочего, в нашей статье «Об одной разновидности соподчинения предложений в современном русском литературном языке» [14].

II. ДВУХСКРЕПНОЕ ОДНОРОДНОЕ СОПОДЧИНЕНИЕ ТРЕХ ПРИДАТОЧНЫХ

Сложные предложения с двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных (подобно сложным предложениям с односкрепным однородным соподчинением трех придаточных) употребляются в современном русском литературном языке значительно реже, чем предложения соответствующей структуры с тремя скрепами.

В зависимости от того, первая или вторая скрепа присоединяет к соответствующей главной сразу две придаточные части, можно выделить среди сложных предложений с двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных две группы:

1. Первая скрепа присоединяет к соответствующей главной первую из числа трех соподчиненных придаточную часть, вторая же скрепа присоединяет к той же главной вторую и третью придаточные части в их совокупности.

2. Первая скрепа присоединяет к соответствующей главной первую и вторую придаточные части в их совокупности, вторая же скрепа присоединяет к той же главной части только третью (иначе говоря, последнюю из числа однородно соподчиненных в рассматриваемых сложных предложениях) придаточную часть.

Сложные предложения каждой из этих двух групп характеризуются приблизительно одинаковой употребительностью в различных стилях современного русского литературного языка. Дифференциация рассматриваемых сложных предложений по этому различающему их признаку (первая или вторая скрепа присоединяет к соответствующей главной сразу две придаточные части) внутренне, видимо, не связана с другими особенностями строения и употребления в языке сложных предложений, о которых идет речь.

Более важной, в связи с этим, оказывается классификация рассматриваемых сложных предложений, основанная на учете того, одинаковыми или разными являются две скрепы, присое-

диняющие к соответствующей главной части три соподчиненных придаточных (независимо от того, первая или вторая скрепа присоединяет к главной сразу две придаточные части). Дифференциация рассматриваемых сложных предложений по этому различающему их признаку (одинаковые скрепы или разные) тесно связана с другими особенностями строения и употребления анализируемых сложных предложений. В частности, в сложных предложениях с разными скрепами совершенно не встречаются — в отличие от сложных предложений с одинаковыми скрепами — некоторые типы придаточных; сложные предложения с разными скрепами характеризуются гораздо более редкой употребительностью в языке по сравнению со сложными предложениями с одинаковыми скрепами и т. д.

Таким образом, в зависимости от характера скреп сложные предложения с двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных могут быть подразделены на две большие группы:

1. Скрепы являются одинаковыми;
2. Скрепы являются неодинаковыми.

Продуктивной, видимо, можно считать лишь первую из намеченных двух групп рассматриваемых сложных предложений. Предложения с одинаковыми скрепами составляют по своей употребительности не менее 90% общего количества употребляемых в различных стилях современного русского литературного языка сложных предложений с двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных.

Охарактеризуем каждую из двух намеченных групп рассматриваемых сложных предложений.

1. Предложения с одинаковыми скрепами

Такие сложные предложения, как было отмечено, составляют подавляющее большинство сложных предложений с двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных. Придаточные в этих сложных предложениях присоединяются обычно к соответствующей главной части союзом *что* (чаще всего), союзом (или союзным словом) *когда,* союзным словом *где* и, наконец, союзом (или союзным словом) *как.*

Синтаксические взаимоотношения соподчиненных придаточных с соответствующей главной частью рассматриваемых сложных предложений в принципе могут быть столь же разнообразными, как и при присоединении к главной части с помощью данного союза (или союзного слова) лишь одной придаточной

части (в сложных предложениях, например, состоящих из одной главной и одной придаточной частей). Союз *что* может, например, присоединять к соответствующей главной части подлежащные, дополнительные, определительные и некоторые другие виды придаточных (имеем в виду традиционную их классификацию).

Примеры:

а) Сложные предложения рассматриваемой структуры с союзом *что:*

«В этот день ему почему-то казалось, *что* дети ведут себя отвратительно, жена плохо следит за прислугой, *что* расходы ведутся несообразно с доходами». (А. Чехов. Тина; 11);

«И кажется Меркулову, *что* теперь теплый вечер ранней весны *и что* вся дорога, черная от грязи, изборождена следами копыт, *а* в глубоких колеях стоит вода, розовая и янтарная от вечерней зари». (А. Куприн. Ночная смена);

«Было очень кстати, *что* здесь полутемно *и* никого нет, *что* Аня работает и не задает вопросов». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 2, 5).

Придаточные части в этих сложных предложениях являются подлежащными. Отличаются эти сложные предложения одно от другого тем, что в первом и третьем из них употребленный первый раз союз *что* присоединяет к главной части совокупность первых двух придаточных, третья же придаточная часть присоединяется своим *что;* во втором же сложном предложении, наоборот, первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной своим союзом, а совокупность второй и третьей придаточных — вторым (употребленным один раз) союзом *что.*

Кроме этого, в первом из трех приведенных сложном предложении двухскрепное соподчинение можно было бы при желании легко трансформировать в соподчинение трехскрепное, употребив союз *что* также и перед второй придаточной частью (смысловые взаимоотношения частей в составе данного сложного предложения изменились бы при этом незначительно); во втором же сложном предложении такая трансформация была бы невозможной, так как односкрепно присоединяемые в этом сложном предложении к соответствующей главной вторая и третья соподчиненные придаточные части связаны одна с другой союзом *а,* служащим в данном случае для выражения сопоставительных или близких к ним взаимоотношений между

частями сложного предложения; в третьем из числа только что приведенных сложном предложении названная трансформация двухскрепного соподчинения в трехскрепное также невозможна, но уже по другой причине: в связи с тем, что в данном сложном предложении односкрепно присоединяемые первая и вторая соподчиненные придаточные части имеют общий второстепенный член — обстоятельство «здесь».

С помощью союза *что* могут выражаться и другие, кроме подлежащных, синтаксические взаимоотношения частей в рассматриваемых сложных предложениях.

Примеры.

«Неужели же не пора сдать в архив это щеголянье, этот пошлый хлам вместе с избитыми фразами о том, *что* у нас, на Руси, никто с голоду не умирает, *и* езда по дорогам самая скорая, *и что* мы шапками всех закидать можем?» (И. Тургенев. Дым; XIV);

«Напротив, все забыли, *что* уже половина первого, *а* в час погаснет свет, *и что* по темным улицам, по осеннему разливу, ой как трудно будет добираться домой...» (А. Акимова. Первое сентября; 19).

«Из штаба бригады прибыл на броневичке связной и сообщил, *что* Сарычев час назад ранен осколком мины, *что* его надо везти в тыл, *а* он отказывается». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 22);

«Старик в этой связи с полной серьезностью объяснил, *что* не может же он идти на чужой участок искать свою лодку, *что* участков много *и* не каждый разрешит постороннему человеку шляться по своей земле». (Э. Казакевич. Сердце друга; VIII, 2);

«Горше ревности и подозрений было сознание, *что* в трудный для мужа час она оказалась слабой, никчемной, бессильной, *что* к другой женщине пошел ее муж за помощью и поддержкой, другая оказалась ближе ему». (Г. Николаева. Жатва; 1);

«Видно было, *что* люди собираются не в первый раз, *что* между ними установился крепкий и не совсем понятный новичку контакт, создалась немногословная, но дорогая им близость». (Г. Николаева. Жатва; 111).

В последнем из числа приведенных сложном предложении синтаксические взаимоотношения соподчиненных придаточных с соответствующей главной частью — промежуточного характе-

ра, именно подлежащно-дополнительные. Кроме этого, специфическая особенность структуры данного сложного предложения состоит в том, что односкрепно присоединяемые придаточные части имеют общий второстепенный член («между ними»), формально употребленный в составе первой из двух односкрепно соподчиненных придаточных, но бесспорно относящийся к совокупности обеих придаточных частей и потому находящийся как бы вне их; характерно, в этой связи, что этот второстепенный член употреблен сразу после подчинительного союза, присоединяющего к соответствующей главной части совокупность двух придаточных.

В числе рассматриваемых встречаются и такие сложные предложения, в которых однородно соподчиненные придаточные части, обычно независимые одна от другой, равноправные в смысловом отношении находятся, сохраняя грамматическую однородность в очевидной смысловой зависимости друг от друга, что, помимо прочего, выражается и пунктуационно (постановкой между этими соподчиненными придаточными не запятой, как обычно, а двоеточия).

Пример.

«И сделав это, почувствовал, *что* результат получился желаемый: *что* он тронут *и* она тронута». (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича; 1).

А. Б. Шапиро отмечает [15], что такие предложения характерны преимущественно для разговорной речи.

б) Предложения с союзом (или союзным словом) *когда*.

Синтаксические взаимоотношения придаточных с соответствующей главной частью — определительные или временные.

Примеры.

«Он хорошо знал это состояние молодых, только что выпущенных лейтенантов, *когда* каждая встреча с начальством волнует необычайно *и* всякое сказанное там слово кажется особенно значительным, *когда* нечетко отданная честь может на весь день испортить настроение». (Г. Бакланов. Южнее главного удара; 7);

«В самый разгар подготовки к прорыву немецкой обороны на горном хребте Муста-Тунтури, *когда* вся операция уже была разработана до тонкостей *и* каждая часть знала полосу своего наступления; *когда* морская и полевая пехота, расположенная на полуостровах Рыбачьем и Сред-

нем, ликовала в предвкушении великого часа, — отдельный батальон морской пехоты, стоявший на левом фланге, получил приказ о смене». (Э. Казакевич. Сердце друга; VII, 1);

«Как это просто и как недоступно в обычной, будничной суете, *когда* смерть играет в прятки, *когда* мелькают часы, буквы, лица *и* не успеваешь сосредоточиться, ощутить полноту, тепло жизни!» (И. Эренбург. Девятый вал; 72).

В последнем сложном предложении три соподчиненных придаточных присоединены с помощью двух *когда* к совокупности двух главных частей.

в) Предложения с союзным словом *где*.

Синтаксические взаимоотношения придаточных с соответствующей главной частью — обстоятельственные места или определительные.

Примеры.

«Звенят в пыли велосипеды там, *где* святой монах сожжен, *где* Леонардо сумрак ведал, Беато снился синий сон!» (А. Блок. Флоренция; 1);

«Теперь образ лебедя в моем представлении как-то удивительно сливался с прекрасным образом моей страны, чистой и гордой, *где* все трудятся, никто не боится тяжелой работы, *где* общими силами покоряют, переделывают природу, чтобы всем лучше жилось». (И. Арамилев. Рассказы охотника).

«Люблю следить весны рожденье не в хвойных сумрачных лесах, *где* только слабым отраженьем запечатлен ее размах, *где* и студеною зимою все тот же на ветвях наряд, Все так же ветры в звонкой хвое неумолкаемо шумят». (Н. Браун. Рождение весны).

В последнем сложном предложении односкрепно присоединяемые к соответствующей главной вторая и третья придаточные части имеют общий, второстепенный член (обстоятельство времени «и студеною зимою»).

г) Предложения с союзом (или союзным словом) *как*.

Примеры.

«Ведь она сама сердилась, наблюдая, *как* бегает на сцене пожилой, с одышечкой Ромео, *как* толстенький Ленский, привстав на цыпочки, поет свою арию, *а* у самого щечки лезут на воротник...» (Б. Полевой. Москвичка);

«Видел Егорушка, *как* мало-помалу темнело небо *и* опускалась на землю мгла, *как* засветились одна за другой звезды». (А. Чехов. Степь; VI);

«В бинокль было видно, *как* серый дым застилал виноградники и деревья, *как* суетились серо-голубые фигурки *и*, словно потревоженные жуки и мокрицы, расползались замаскированные в виноградниках и между тополями немецкие танки». (В. Гроссман. За правое дело; 111, 2);

«Пролетка остановилась у дома, и слышно было, *как* дышала лошадь, щелкнул замок кошелька, *как* дергали за ручку двери и нетерпеливо топали ногой по каменным плитам крыльца. (М. Горький. Открытие).

Помимо союза *что,* а также скреп *когда, где* и *как,* используемых в функции двухскрепно присоединять к соответствующей главной три однородно соподчиненные придаточные части, в этой же функции, правда, в гораздо более редких случаях используются союзы *если, чтобы, пока, потому, что* и союзные слова *который, почему, чей.*

Примеры.

Союз *если*:

«*Если* вы человек средних лет *и* у вас есть дети, *или если* вы преподаете в школе, в техникуме, в институте, — вы почувствуете себя членом этого великого братства первого сентября». (А. Акимова. Первое сентября; 4).

Союз *чтобы:*

«Я, видите ли, люблю, *чтоб* хозяин собака был, *чтобы* он мне душеньку грыз, *а* я бы ему мог противоречить». (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина.);

Союз *пока:*

«*Пока* вода в реке бежит, *Пока* пчела в цветке жужжит *И* рожь под ливнями дрожит, Любовь моя — ткачу!» (С. Маршак. Из Роберта Бернса. Где к морю катится река...).

Союз *потому что:*

«И хотя 1951 год был далеко не старым годом, для нас он уже сегодня, на пороге нового года, является старым, *потому что* каждый день нашей Родины устремлен вперед, *потому что* все мы вместе и каждый порознь сегодня думаем о новых победах, составляем новые планы *и* все эти

планы выше прошлогодних». (А. Софронов. Все сбудется. «Известия» от 1 января 1952 года).

Союзное слово *который:*

«Следуя за капитаном Артемьевым, *которого* действительно используют и в оперативном отделе, и в разведке, *которого* ранение приводит в госпиталь, *а* случай — в авиационную группу, читатель видит, как ведется война на различных участках разными родами войск, понимает всю важность взаимодействия частей армии, сложный и тяжелый труд войны». (В. Смирнова. «Товарищи по оружию». «Правда» от 24 февраля 1953 года.).

Союзное слово *почему:*

«Нельзя было понять, *почему* Спивак всегда подчеркивает Инокова, *почему* мать и Варавка явно симпатизируют ему, *а* Лидия часами беседует с ним в саду и дружелюбно улыбается». (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Союзное слово *чей:*

«Было в нем что-то призрачное, и напоминал он одного из тех отреченных, *чьи* образы неясно мелькали предо мною в книгах, *чья* жизнь всегда была одинакова, непонятна людям, *а* судьба — безжалостна». (М. Горький. Рассказ о герое.);

«Мир не отнять у тех, *чьи* руки держали оружие *и* воспаленные губы осушали слезы на щеках осиротевших детей, *чьи* глаза видели и навсегда запечатлели в памяти ужасы прошлой войны». (М. Шолохов. Любимая мать-отчизна. «Правда» от 1 января 1952 года.).

2. Предложения с неодинаковыми скрепами

Это, как отмечено выше, редкий тип рассматриваемых сложных предложений.

В качестве двух скреп, соединяющих в таких сложных предложениях три однородно соподчиненные придаточные с соответствующей главной частью, могут выступать самые различные сочетания союзов и союзных слов, причем союзы могут сочетаться не только с союзами же, а союзные слова — с союзными же словами, — в качестве одной скрепы может выступать союз, а в качестве другой — союзное слово.

Примеры.

а) Союз *чтобы* и союз *что:*

«Она взяла себя в руки и твердым голосом, успокоившим и удивившим ее отца и генерала Верстовского, сказала, *чтобы* они не волновались за нее, *что* она всё понимает *и* ей приятно, что и мертвый Акимов так же страшен врагам, как он был им страшен живой». (Э. Казакевич. Сердце друга; IX, 3).

б) Союзное слово *куда* и союзное слово *где:*

«Мы жили в той большой гостинице (И это важно для рассказа), *Куда* не каждый сразу кинется *И* каждого не примут сразу, *Где* ежедневно на рекламе, От типографской краски влажной, Отмечен номерами каждый, Кто осчастливлен номерами; Конечно, только знаменитый, А знаменитых тут — засилие: Два короля из недобитых, Три президента из Бразилии, Пять из подшефных стран помельче И уж, конечно, мистер Черчилль». (К. Симонов. Красное и белое).

в) Союзное слово *какой* и союз (или союзное слово) *как:*

«Всю дорогу домой Чебышева думала о том, *с какой* удивительной естественностью и простотой было решено по-новому множество проблем, специфических для автоматизированного производства, *как* в ходе проектирования завода был найден принцип комплексного автоматического предприятия, *а* в ходе отладки этот принцип был проверен». (И. Горелик. Первые страницы; II, IX, 3).

г) Союзное слово *что* и союз *что:*

«И только после глаза поверят, *Чему* поверить бы не могли: *Что* никуда не уходит берег — Уходят от берега Корабли». (А. Пришелец. Берег).

Данное сложное предложение характеризуется также и тем, что между соподчиненными придаточными в нем налицо очевидная смысловая зависимость, которая в большинстве случаев однородно соподчиненным придаточным не бывает свойственна; обычно такие придаточные равноправны, «однородны» не только грамматически, но и в смысловом отношении.

д) Выступающий в функции союза фразеологизм *«не успел* + инфинитив» и союз *только что:*

«*Не успело окончиться* торжество открытия навигации, *только что* уехал Леднев, разошлись работники управления, а уже ко всем причалам порта одно за другим начали

подходить суда». (А. Рыбаков. Екатерина Воронина; 11, 12).

Таковы основные разновидности сложных предложений с двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных.

III. ТРЕХСКРЕПНОЕ ОДНОРОДНОЕ СОПОДЧИНЕНИЕ ТРЕХ ПРИДАТОЧНЫХ

Сложные предложения с трехскрепным однородным соподчинением трех придаточных характеризуются тем, что придаточные в них присоединяются к соответствующей главной части каждая своей скрепой (подчинительным союзом или союзным словом).

Такие сложные предложения употребляются в различных стилях современного русского литературного языка гораздо более широко, чем предложения с односкрепным или двухскрепным однородным соподчинением трех придаточных.

Вместе с тем, сложные предложения с трехскрепным соподчинением трех придаточных отличаются от предложений с односкрепным и двухскрепным соподчинением трех придаточных значительно большим разнообразием своих структурных и иных особенностей.

Среди рассматриваемых трехскрепных сложных предложений в зависимости от характера подчинительных скреп, используемых для связи придаточных с соответствующей главной частью, можно выделить три группы конструкций:

1. Все три скрепы являются одинаковыми;
2. Одинаковыми являются две скрепы из трех;
3. Все три скрепы являются разными.

В соответствии с этим, можно говорить о трех структурных типах сложных предложений с трехскрепным однородным соподчинением трех придаточных. Сложные предложения всех этих трех типов характеризуются приблизительно одинаковой употребительностью в различных стилях современного русского литературного языка.

Любопытно, что среди сложных предложений с двухскрепным однородным соподчинением двух придаточных решительно преобладают конструкции с одинаковыми скрепами [16]. Видимо, с увеличением количества однородно соподчиненных придаточных в сложном предложении соответственно увеличиваются и возможности разноскрепного присоединения придаточных.

При двухскрепном соподчинении двух придаточных скрепы могут быть или одинаковыми, или различными; по этому при-

знаку в составе сложных предложений с двухскрепным соподчинением двух придаточных выделяется две группы конструкций [17]; в составе же сложных предложений с тремя (или более) соподчиненными придаточными, присоединяемыми к соответствующей главной части тремя (или более) скрепами, необходимо выделять по указанному признаку уже не две, а три группы конструкций, поскольку при трех, четырех и т. д. скрепах «степень их «одинаковости» (или «различности») может быть разной. В составе трех скреп могут быть одинаковыми, например, или все три, или же только две скрепы; в составе четырех — все четыре, или только три или две скрепы и т. д.

Охарактеризуем каждый из намеченных трех структурных типов сложных предложений с трехскрепным однородным соподчинением трех придаточных.

1. Предложения с тремя одинаковыми скрепами

В качестве таких скреп могут выступать практически, видимо, все подчинительные скрепы (союзы и союзные слова), употребляемые и в функции присоединять к соответствующей главной одну придаточную часть.

В сложных предложениях рассматриваемой структуры нами зафиксировано около двух десятков таких скреп, однако подавляющее большинство конструкций характеризуется наличием в составе сложного предложения трижды употребленного союза *что*.

Сложные предложения с союзом *что* решительно преобладают также и среди предложений с двухскрепным однородным соподчинением двух придаточных [18].

Употребительными в составе анализируемых трехскрепных сложных предложений являются также и предложения со скрепами *где, когда, если, который, чтобы, как, кто, ли, что* (союзное слово).

Единичны рассматриваемые сложные предложения с другими скрепами *(будто, как будто, как бы ни, какой, пока, потому что, почему, хоть, чем)*.

Выражаемые с помощью подчинительных скреп синтаксические взаимоотношения частей в сложных предложениях с однородным соподчинением трех придаточных в принципе являются аналогичными тем, которые можно наблюдать и в сложных предложениях с одной придаточной частью (при наличии соответствующей скрепы).

Примеры.

Союз *что*.

Дополнительные придаточные.

Сочинительные союзы между придаточными отсутствуют:

«Я думал, *что* любовь погасла навсегда, *Что* в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный, *Что* дружбы наконец отрадная звезда Страдальца довела до пристани надежной». (А. Пушкин. Я думал, что любовь погасла навсегда...).

Вторая и третья придаточные части соединены между собою сочинительными союзами *(а, но, и)*:

«Вернувшись с работы, он видел на столе записку, сообщавшую о том, *что* в углу его ждет закутанный в полушубок обед, *что* за окном следует взять к щам сметану, *а что* масло для каши не в пузатой стклянке, а в круглой баночке». (Б. Полевой. Вернулся.);

«Петрашек писал, *что* находится на Каталонском фронте, *что* Интернациональные бригады уже четыре месяца как распущены, *но что* он остался служить лейтенантом в испанской армии». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 2);

«Тогда мы видим, *что* пуста была златая чаша, *Что* в ней напиток был — мечта, *И что* она — не наша!» (М. Лермонтов. Чаша жизни; 3).

Сочинительные союзы располагаются между первой и второй, а также между второй и третьей придаточными частями *(но — и, или — или)*:

«Девчонка воротилась, объявляя, *что* барышня почивала-де дурно, *но что* ей-де теперь легче *и что* она-де сейчас придет в гостиную». (А. Пушкин. Метель.);

«За обедом оба доктора говорили о том, *что* при высоком стоянии диафрагмы иногда бывают перебои сердца, *или что* множественные невриты в последнее время наблюдаются очень часто, *или что* вчера Дымов, вскрывши труп с диагностикой «злокачественная анемия», нашел рак поджелудочной железы». (А. Чехов. Попрыгунья; VI).

Подлежащные придаточные:

«Ему нравилось, *что* его товарищ хорошо живет, *что* машины на заводе делают чудеса, *что* в пятом классе задают трудные задачи». (И. Эренбург. Девятый вал; 54);

«И даже обидно отчасти, *Что* встреча была коротка, *Что* так далеко это счастье, *Что* слишком страна широка». (Н. Грибачев. Сибирский вечер.);

«Кажется, *что* немая песня звучит в груди, *что* работа эта и есть песня, *и что* нет на свете ничего лучше ее». (В. Гроссман. За правое дело; 2, 50).

Определительные придаточные:

«Белкин сразу сделал вид, *что* ему на уход самых уважаемых гостей наплевать, *что* он не менее знаменит, чем они, *что* он не менее уважаем». (Г. Гор. На университетской набережной; VI, 2).

Причинные придаточные:

«Я люблю тебя так оттого, *Что* из пошлых и гордых собою не напомнишь ты мне никого Откровенной и ясной душою, *Что* с участьем могла ты понять Роковую борьбу человека, *Что* в тебе уловил я печать отдаленного, лучшего века!» (А. Апухтин. Я люблю тебя так оттого...).

В последнем сложном предложении мы усматриваем наличие простого союза *что,* присоединяющего однородно соподчиненные придаточные к обстоятельству причины в составе главной части «оттого».

Союзное слово *где.*

Придаточные обстоятельственные места, определительные или дополнительные.

Примеры.

«Там, *где* море вечно плещет На пустынные скалы, *Где* луна теплее блещет В сладкий час вечерней мглы, *Где,* в гаремах наслаждаясь, Дни проводит мусульман, Там волшебница, ласкаясь, Мне вручила талисман». (А. Пушкин. Талисман.);

«В стране, *где* я забыл тревоги прежних лет, *Где* прах Овидиев пустынный мой сосед, *Где* слава для меня предмет заботы малой, Тебя недостает душе моей усталой». (А. Пушкин. Чаадаеву.);

«И вы, читатель благосклонный, В своей коляске выписной, Оставьте град неугомонный, Где веселились вы зимой; С моею музой своенравной Пойдемте слушать шум дубравный Над безыменною рекой В деревне, *где* Евгений

мой, Отшельник праздный и унылый, Еще недавно жил зимой В соседстве Тани молодой, Моей мечтательницы милой; *Но где* его теперь уж нет... *Где* грустный он оставил след». (А. Пушкин. Евгений Онегин; VII, V);

«Сербы-таможенники показывали нам, *где* центральная часть города, *где* порт, *а* где песчаный остров — место летних купаний белградцев». (В. Солоухин. По Дунаю.);

«— Нет, — сказал я, — я приехал с Вислы, *Где* дымы от выстрелов повисли, *Где* мы днем и ночью переправы Под огнем наводим у Варшавы *И где* бранным полем в бой идут поляки Без нашивок «Poland» на английском хаки». (К. Симонов. Баллада о трех солдатах.);

«Как-то по-новому увидел он и Владыкина, и контр-адмирала, и Хазова, и всю катерную дружную семью, и весь тот умный, рассчитанный ход флотской службы, *где* взвешивается всё, *и где* каждому человеку есть своя особая цена, *и где* каждый человек судьбой своей неразрывно связан с судьбами других во имя боеспособности одного только катера». (Л. Соболев. Зеленый луч; VI);

«*Где* в кипарисах ветер *И где* полярный наст — Везде, *где* солнце светит, Товарищи у нас: От Сунгари, до Ладоги, От Терека идут, Готовятся к докладам, Со мной трамвая ждут, В снегах, в воде, хоть выжми, Под пулями стоят Товарищи по жизни, Хорошие друзья...» (С. Щипачев. Товарищи.).

Последнее из числа приведенных сложное предложение заслуживает особого рассмотрения. В нем три соподчиненные придаточные [19] поясняют собою обстоятельство места в составе главной части «везде», причем два первых придаточных расположены препозитивно по отношению к поясняемому ими члену главной части (и вместе с тем препозитивно по отношению к главной части в целом), третья же придаточная часть расположена после поясняемого члена главной части (интерпозитивно по отношению к главной части в целом). Это крайне редкий случай. Аналогичные конструкции изредка встречаются и среди сложных предложений с однородным соподчинением двух придаточных [20]. Такое «опоясывающее» поясняемый член главной части расположение однородно соподчиненных придаточных встречается, по нашим наблюдениям, только в стихотворной речи. Вообще же, однородно соподчиненные придаточные части — сколько бы их ни было — обычно располагаются при одночленно-

однородном соподчинении все вместе, в своей совокупности либо перед поясняемым членом главной части, либо после него.

Союз (или союзное слово) *когда.*

Придаточные временные или условные.

Примеры.

«*Когда бы* жизнь домашним кругом Я ограничить захотел; *когда б* мне быть отцом, супругом Приятный жребий повелел; *когда б* семейственной картиной Пленился я хоть миг единый, — То верно б кроме вас одной Невесты не искал иной». (А. Пушкин. Евгений Онегин; IV, XIII);

«И *когда* кипящая сталь обожгла ладонь, *когда* прямо в мозг ударила, как гвоздь, острая боль *и когда* запахло горелым мясом, у него хватило мужества не заорать, не завыть, а более или менее спокойно сорвать огненную нашлепку с руки вместе с мясом до кости и без посторонней помощи дойти до медпункта». (В. Кочетов. Молодость с нами; X. I);

«Он отходил душой, *когда* Харламов приносил сложные чертежи — «Станок-то можно приспособить, чтобы сразу делал несколько операций, это огромная экономия», — *или когда* Белкин приходил в цех первым и уходил последним, холил машину, как любимое существо, *или когда* шестидесятилетний мастер Ясинский говорил: «На нас, можно сказать, весь мир смотрит, а ты что, хочешь план сорвать?..» (И. Эренбург. Девятый вал; 37);

«Нельзя только хандрить, не такое время, нужно жить со сжатыми крепко зубами — *и когда* не клеится на работе, *и когда* перед тобой чересчур осторожный Кошарев, *и когда* Вера уходит, не на день, не на месяц — навсегда». (И. Эренбург. Девятый вал; 68).

Союз *если.*

Примеры.

«Нехорошо, *если* вы больны, *если* чахнете в канцелярии, *если* знаетесь с музами». (А. Чехов. Весной.);

«*Если* дойдет до него, *если* поймет, *если* загорится, — первый опорой станет во всех наших новшествах». (Г. Николаева. Жатва; III);

«А *если* появится на пороге улыбающийся, разрумяненный от мороза Василий, *если* притянет ее к заиндевелым усам *да если* возьмет на руки дочь, то нет уже на зем-

ле женщины счастливее Дуни». (Г. Николаева. Жатва; I);

«Да, все хорошо в это счастливое время года, в особенности, *если* вы молоды, любите природу, *и если* вы не капризны, не истеричны, *и если* по службе не обязаны сидеть в четырех стенах с утра до вечера». (А. Чехов. Весной). Союзное слово *который.*

Примеры.

«Первый вопрос: Почему московский театр Сатиры, *в котором* уже долгие годы далеко не всё благополучно с репертуаром, *которому* не хватает для постановок новых комедий, *в котором* идут иногда комедии и водевили, оставляющие желать лучшего, — почему при все этом театр Сатиры был и остается одним из самых посещаемых и любимых москвичами театров?» (К. Симонов. От разговоров — к делу! «Комсомольская правда» от 2 ноября 1952 года);

«Он страшно боялся бомбежки, и, однако, в этом страхе не было ничего унизительного; это был страх за беспомощных людей, лежавших вокруг него, *которых* он только что оперировал, *которым* только что по его указанию накладывали лубки и повязки *и которых* сейчас снова будут бомбить». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 9).

Необходимо отметить, что если в составе рассматриваемых сложных предложений употреблен только один какой-либо сочинительный союз, то этот союз, как правило, располагается между второй и третьей, а не между первой и второй придаточными частями из числа трех однородно соподчиненных. Это, вероятно, связано с тем, что соединение, например, первых двух придаточных частей в рассматриваемых сложных предложениях не бессоюзно, а с помощью какого-либо сочинительного союза во многих случаях делает данную группу придаточных замкнутой и употребление еще одной уже бессоюзно присоединяемой придаточной части становится, в этой связи, неуместным.

В последнем из числа приведенных сложном предложении сочинительный союз *и* употреблен именно между второй и третьей придаточными частями, первая же и вторая придаточные части связаны между собою бессоюзно. Сделать наоборот: употребить союз *и* в данном сложном предложении между первой и второй придаточными и не употребить его между второй и третьей придаточными частями нельзя как по только что указан-

ной общей причине, так и потому, что в данном сложном предложении вторая и третья однородно соподчиненные придаточные части, вообще, не могут быть связаны бессоюзно; именно наличие союза *и* между этими частями делает данное сложное предложение предложением с трехзвенно-трехскрепным однородным соподчинением; при опущении этого *и* без каких-либо других существенных трансформаций данное сложное предложение превратится в предложение с двухзвенно-двухскрепным соподчинением и двухстепенным последовательным подчинением, ибо без *и* последняя придаточная часть, вводимая союзным словом *которые,* неизбежно должна будет относиться не к члену главной части «людей», как это имеет место при трехзвенном соподчинении, а к субстантивному члену второй из числа соподчиненных придаточной части «лубки и повязки».

Аналогичной является и структура следующего сложного предложения с союзом *но* между второй и третьей соподчиненными придаточными частями:

> «Бывают люди, *которых* очень хорошо знают, *к которым* чувствуют уважение и интерес, *но с которыми* по тем или иным причинам встречаются через большие промежутки времени». (В. Панова. Встречи и судьбы. «Правда» от 1 января 1952 года).

В этом сложном предложении сочинительный союз *но* употреблен между второй и третьей придаточными частями, первая же и вторая придаточные части связаны между собою бессоюзно. Сделать наоборот — употребить *но* (или любой другой сочинительный союз) между первой и второй придаточными и не употреблять сочинительного союза между второй и третьей придаточными частями — опять же нельзя не только потому, что при наличии *но* между первой и второй придаточными частями они будут представлять собою замкнутую структуру, но, в данном случае, также и потому, что без сочинительного союза между второй и третьей придаточными частями вообще разрушится характерная для трехзвенного соподчинения структура — сложное предложение с трехзвенно-трехскрепным соподчинением превратится, как и в предыдущем случае, в предложение с двухзвенно-двухскрепным соподчинением и двухстепенным последовательным подчинением; третья придаточная часть, вводимая словом «которые» неизбежно должна будет относиться не к поясняемому соподчиненными придаточными члену главной части

«люди», а к субстантивному члену второй из числа соподчиненных придаточной части «интерес и уважение»[21].

Союз *чтобы*.

Придаточные цели, определительные или дополнительные.

Примеры.

«И даже сегодня он так поторопился рассказать ей о своих огорчениях со стрельбами не просто, *чтобы* она знала, *но и чтобы* у них было общее семейное мнение, *чтобы* она согласилась с ним». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 1);

«Одну заботу ведал он: *Чтоб* дочери любимой доля Была, как вешний день, ясна, *Чтоб* и минутные печали Ее души не помрачали, *Чтоб* даже замужем она Воспоминала с умиленьем Девичье время, дни забав, Мелькнувших легким сновиденьем». (А. Пушкин. Бахчисарайский фонтан);

«Не потерплю, *чтоб* развратитель Огнем и вздохов и похвал Младое сердце искушал; *Чтоб* червь презренный, ядовитый Точил лилеи стебелек; *Чтобы* двухутренний цветок Увял еще полураскрытый». (А. Пушкин. Евгений Онегин; VI, XV—XVII);

«Теперь ему хотелось, *чтоб и* дождь его промочил, *и чтоб* ветром прохватило насквозь, *и чтоб* захворать, а проснуться — и снова сесть на беговушку и работать, работать...» (В. Карбовская. Осенний сон.).

Последнее сложное предложение можно, видимо, рассматривать как такое, в котором при каждой из трех однородно соподчиненных придаточных частей (в том числе и при первой придаточной части) употреблен сочинительный союз *и*. Такое употребление союза *и* (при каждой, включая первую, соподчиненной придаточной части) в сложных предложениях с соподчинением встречается редко. Может быть, это связано с тем обстоятельством, что при таком употреблении первое *и* оказывается расположенным (при постпозиции соподчиненных придаточных по отношению к соответствующей главной части) как раз на границе между главной частью и совокупностью однородно соподчиненных придаточных, что определенным образом затрудняет восприятие данной конструкции как именно сложноподчиненной, ибо получается при этом, что подчинение «начинается» там, где употреблен сочинительный союз *и*. Видимо,

связанной с этим особенностью данного сложного предложения является то, что первое *и* употреблено в этом сложном предложении не перед подчинительной скрепой, а непосредственно после нее.

Другой пример.

«— Немногого я хотел, Только того, *чтобы* мал и стар Не прокляли свой удел, *Чтобы* не знали нужды и зла Все расы и все края, *А* вместе с ними *чтоб* цвела Эстония моя». (И. Сельвинский. Баллада о Лааре).

В данном сложном предложении в составе третьей придаточной части подчинительный союз *чтобы* не начинает собою придаточной части, а употреблен в ее составе после второстепенного члена. Видимо, такое употребление является характерным для последующих (не первой!) придаточных частей при однородном соподчинении и практически не встречается в сложных предложениях с одной придаточной частью. В данном сложном предложении эта особенность связана еще и с тем, что вторая и третья придаточные части соединены между собою сочинительным союзом *а,* который употребляется, как известно, обычно при односкрепном, а не при двухскрепном соединении двух соподчиненных придаточных.

Скрепа (союз или союзное слово) *как.*

Примеры.

«Он не слыхал, *Как* подымался жадный вал, Ему подошвы подмывая, *Как* дождь ему в лицо хлестал, *Как* ветер, буйно завывая С него и шляпу вдруг сорвал». (А. Пушкин. Медный всадник; 1);

«Видно было, *как* кругами расходился зной от беспощадного белого солнца, *как* мелко дрожал и зыбился весь воздух, словно отягощенный тяжкими потоками зноя, *как* плыло и качалось знойное марево». (Г. Николаева. Жатва; 11).

Синтаксические взаимоотношения совокупности придаточных и соответствующей главной части в данном сложном предложении двойственного характера — подлежащно-дополнительные.

Другие примеры.

«И думалось теперь только о том, *как* он сядет в поезд, *как* будет ехать *и как* приедет в Москву». (Б. Зубавин. Любовь);

«Помню, *как* папа приехал на грузовике, *и как* вместе с ним заходил сержант-танкист, *и как* папа привез новый трофейный пистолет». (В. Катаев. Поездка на юг);

«Иногда видела, *как* он ночует в землянке, положив голову на вещевой мешок, смешно улыбаясь губами, *или как* идет с солдатами глухим лесом, сторожко прислушиваясь к близкой стрельбе, *или как* сидит вечером у костра, курит и думает о ней...» (М. Бубеннов. Белая береза; 2, I, III);

«Мы не против того, чтобы писатели показали нам *и как* плавится сталь, *и как* добывается уголь, *и как* на воду сходит новый корабль, но не с точки зрения только технического процесса или географических данных». (М. Синодова. Интересоваться жизнью книги. «Новый мир», 1954, № 12).

В последнем из числа приведенных сложном предложении сочинительный союз *и* употреблен три раза (перед каждой — в том числе и перед первой — из трех соподчиненных придаточной частью). Такое употребление союза *и* в рассматриваемых конструкциях, как уже отмечалось выше, встречается очень редко. При таком употреблении союза *и* возникают, помимо прочего, также и число пуктуационного характера затруднения, связанные с тем, что в конструкциях, аналогичных по структуре анализируемому сложному предложению, запятую перед первым *и как* ставить не следует. (Практически ее в таких случаях и не ставят; разного же рода руководства по пунктуации обычно не предусматривают каких-либо правил постановки знаков препинания в этих редко встречающихся конструкциях) [22]. При таком употреблении союза *и* совокупность придаточных частей и интонационно отграничивается от соответствующей главной части гораздо менее четко, чем обычно (при отсутствии *и* перед первой из двух или нескольких подчиненных скреп, присоединяющих однородно соподчиненные придаточные части). Получается, таким образом, что при таком употреблении союза *и* граница между главной частью и совокупностью однородно соподчиненных придаточных в рассматриваемых конструкциях остается пунктуационно совсем не обозначенной, интонационно же эта граница выражается с гораздо меньшей отчетливостью, чем обычно.

При наличии в главной части рассматриваемых сложных предложений особого оттенка предупреждения о последующем разъяснении (в этих случаях перед первым сочетанием *и как* выдерживается длительная пауза) перед совокупностью трех со-

подчиненных придаточных частей, соединяемых тремя *и* (то есть, иначе говоря, перед первым *и*) ставится двоеточие[23].

Пример.

«Многое должен знать рыболов: *и как* правильно разжечь костер, *и как* сохранять пойманную рыбу, *и как* предсказать погоду». (В. Зорин. На рыбной ловле. «Здоровье», 1967, № 8).

Скрепа (союзное слово) *кто*.

Придаточные дополнительные, определительные и подлежащные.

Примеры:

«Хотелось пойти куда-нибудь, к кому-нибудь, *кто* ждет, *кто* любит, *кто* может выслушать и посочувствовать». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 4, 12);

«Он разберется, *с кем* ему работать, *кто* его истинные друзья, *а кто* интригует по всяким личным мотивам». (Д. Гранин. После свадьбы; III, 3);

«На печи, забившись в угол, Та следит исподтишка С уважительным испугом За повадкой старика, *С кем* жила — не уважала, *С кем* бранилась на печи, *От кого* всегда держала По хозяйству все ключи». (А. Твардовский. Василий Теркин; 1);

«И покамест неизвестно, *Кто* там робкий, *кто* герой, *кто* там парень расчудесный, — А наверно — был такой». (А. Твардовский. Василий Теркин; 1).

Скрепа *ли*.

Придаточные дополнительные, подлежащные, а также близкие к условным и причинным.

Примеры.

«Мари часто вставала среди ночи, глядела, есть *ли* свет в кабинете, ушел *ли* профессор в спальню, не нужно *ли* ему чего-нибудь». (И. Эренбург. Девятый вал; 87);

«Ей хочется узнать у Федора, был *ли* он сегодня на стройке, накрыли *ли* плотники крышу *и* подрядился *ли* он с печниками, но жаль тревожить его сон». (Д. Осин. Лучший месяц; 6).

«И право же, дело не в том, говорят влюбленные о своих трудовых неурядицах *или* достижениях, говорят *ли* они о будущей своей совместной жизни, о прочитанных книгах,

о спектакле, о красоте природы или о доверии друг к другу, клянутся в вечной любви или высказывают ревнивые подозрения, но ведь любовь — прежде всего беседа, прежде всего — общение человека с человеком». (Второй Всесоюзный съезд Советских писателей. Советская кинодраматургия. Содоклад С. Герасимова. «Литературная газета» от 20 декабря 1954 года).

В этих сложных предложениях скрепа (союз — частица) *ли* присоединяет к соответствующей главной дополнительные придаточные части.

В последнем сложном предложении первая из числа соподчиненных придаточная часть не имеет «своего» *ли;* это, видимо, объясняется тем, что в составе этой придаточной части имеются однородные члены, связываемые союзом *или;* при наличии *или* в составе придаточной части подчинительная скрепа *ли* нередко опускается, но может употребляться и при наличии *или* в составе данной же придаточной части, как это имеет место во второй и третьей придаточных частях рассматриваемого сложного предложения.

Другие примеры:

«Нужно *ли* получить сведения об академической успеваемости или подать отчет в деканат, требовалось *ли* распределить нагрузку или переделать расписание, возникала *ли* необходимость созвать совещание или ответить на запрос учебной части, — все это так или иначе проходило через руки Вероники Андреевны». (К. Лебедев. Люди и степени; I).

В данном случае перед нами препозитивное соподчинение подлежащных придаточных частей.

«Брожу *ли* я вдоль улиц шумных, Вхожу *ль* во многолюдный храм, Сижу *ль* меж юношей безумных, Я предаюсь моим мечтам». (А. Пушкин. Брожу ли я вдоль улиц шумных...).

В этом сложном предложении соподчиненные придаточные можно, вероятно, рассмотреть в качестве условных.

В принципе очень сходно с рассмотренным и следующее сложное предложение:

«Доносились *ли* в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал *ли* он романс или

орган в ресторане, *или* завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти всё: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи». (А. Чехов. Дама с собачкой; III).

В Академической Грамматике такие сложные предложения (в том числе — данное) рассматриваются в качестве сложносочиненных [24]. Такое рассмотрение не представляется нам убедительным, тем более что в той же Академической Грамматике (причем на той же странице) [25] говорится и о том, что союз *ли* выступает в составе сложноподчиненного предложения, присоединяя к главному дополнительные придаточные. Получается, таким образом, что при наличии изъяснительных взаимоотношений между структурой с *ли... или...* и какой-то иной (грамматически независимой) структурой в составе того же предложения — перед нами сложноподчиненное предложение, а при наличии временных или причинно-следственных взаимоотношений между теми же самыми структурами — перед нами сложносочиненное предложение, то есть, иначе говоря, если с помощью союза *ли... или* выражаются изъяснительные отношения, то это подчинение, а если с помощью того же союза выражаются, например, временные или причинные отношения, то это — уже сочинение. С этим трудно согласиться.

Сходно с рассмотренными и следующее сложное предложение:

«Он хотел спросить Чепыжина о десятках вещей, и каждая из них была важной и нужной для него, касалась *ли* она его работы, правильности методики, перспективности проблемы; касалась *ли* войны, движения немцев к Волге; касалась *ли* человеческого сердца, его сомнений, боли, разочарований». (В. Гроссман. За правое дело; I, 38).

Здесь главная часть и совокупность однородно соподчиненных придаточных частей находятся в сложных синтаксических взаимоотношениях, которые, вероятно, ближе всего (имеем в виду традиционную классификацию придаточных) к отношениям частей в сложноподчиненных предложениях с причинными придаточными. Сходные в некоторых отношениях с рассмотренными придаточные И. Г. Чередниченко называет «придаточными вероятной причины» [26]. Необходимо отметить, что характерные для сложных предложений с такими придаточными синтаксические взаимоотношения главной и придаточных частей, видимо, не могут быть свойственными сложноподчиненным пред-

ложениям с одной придаточной частью, присоединяемой скрепой *ли;* иначе говоря, одиночно придаточные части этого типа не употребляются. Это связано с тем, что смысл совокупности однородно соподчиненных придаточных, соединямых с главной частью скрепами *ли — ли — ли,* в таких сложных предложениях состоит как раз в указании именно на несколько (по числу соподчиненных придаточных) возможных причин или обстоятельств, содействующих осуществлению того, о чем говорится в главной части сложного предложения.

Вообще же, отнесение рассматриваемых конструкций, включающих в свой состав части, присоединяемые скрепами типа *ли... или,* к сочинению или подчинению, зависит, конечно, от того, как определяются эти понятия.

Одно из наиболее удачных, на наш взгляд, определений понятия «Сложноподчиненное предложение» принадлежит Б. Скаличке: «Два предложения составляют сложноподчиненное предложение, если по содержанию они так тесно связаны друг с другом, что ни одно из них само по себе не образует по форме и по содержанию законченного целого (при этом поясняемое предложение психологически более веско, чем поясняющее) или если поясняющее предложение определяет только какой-нибудь член психологического более значимого предложения. При этом поясняемое предложение или предложение, содержащее поясняемый член предложения, называется главным предложением, а поясняющее — придаточным»[27].

Полагаем, что в соответствии с цитированным определением рассматриваемые конструкции со скрепами типа *ли... или* (в том числе те, в которых части с названными скрепами находятся в причинно-следственных, условных и т. п. отношениях к части, не имеющей в своем составе таких скреп) необходимо относить именно к союзному подчинению, а не к сочинению.

Союзное слово *что.*

Примеры.

«А люди торопятся: хотят своими глазами увидеть то, *за что* страдали, *за что* теперь воюют, *во* имя *чего* отказывают себе во всём». (И. Эренбург. Девятый вал; 76);

«И тех нет уж и дней, *Что* летели стрелой, *Что* любовью нас жгли, *Что* палили огнем!» (А. Кольцов. Русская песня);

«Жил он как-то незаметно для других, существовал — и всё тут, а *о чём* он думал, *что* у него было на душе, *чем* он занимался во внеслужебное время, никто не знал». (Л. Кассиль. Великое противостояние; XV);

«Всё равно, *что* фрак, *что* мундир, *что* этот халат...» (А. Чехов. Палата № 6; XVII);

«*Что* у меня тогда под ногами, *что* передо мною, *что* по бокам — ничего я этого не знаю и не помню». (Ф. Достоевский) [28].

Для последнего из числа приведенных сложного предложения характерна обязательная препозитивность однородно соподчиненных придаточных частей. Придаточные такого типа И. Г. Чередниченко называет «придаточными, предваряющими главное предложение» [29].

Сложные предложения рассматриваемой структуры с другими подчинительными скрепами характеризуются крайне незначительной употребительностью.

Некоторые примеры.

Союз *будто:*

«Но ни одно, даже самое малейшее, мое замечание не было учтено, *будто* бы меня и не было, *будто* бы это не моя пьеса, *будто* бы не я ее писал и не имею к ней никакого отношения». (Ю. Чепурин. Как я расстался с театром Советской Армии. «Новый мир», 1956, № 8).

Союз *как будто:*

«Пусть посидит один в дому, *Как будто* утром в бой ему, *Как будто,* если лжет сейчас, Он, может, лжет в последний раз, *Как будто* хлеб он не дает Тому, кто к вечеру умрет, И палец подает тому, Кто завтра жизнь спасет ему». (К. Симонов. Дом в Вязьме) .

Союз *как бы ни:*

«*Как бы ни* пытались враги мира и свободных народов обострить международную обстановку, *как бы ни* изливали потоки клеветы разные радиостанции, специально предназначенные для этого, *как бы ни* лгали подкупленные газеты, жизнь Советского государства в будущем году будет, независимо от человеконенавистнической политики поджигателей войны, направлена на мирное сосуществование народов и на уважение их независимости и свободы» (Н. Ти-

хонов. На пороге великой даты. «Правда», от 1 января 1957 года).

Союзное слово *какой:*

«Людмила Николаевна втолковывала мужу, *в каком* порядке разложены вещи в чемодане, *какие* продукты следует есть в первую очередь, *какие* оставить под конец путешествия, просила привезти обратно пустые баночки и бутылки — в казанской эвакуации добыть все это представляло много хлопот». (В. Гроссман. За правое дело; I, 30).

Союз *пока:*

«Все 450 шахтеров поднялись на-гора и заявили управляющему, что никто из них не опустится под землю до тех пор, *пока* зарплата не будет повышена до минимального прожиточного уровня, *пока* не прекратятся издевательства надсмотрщиков над рабочими, *пока* хозяин не перестанет экономить крепежный лес, из-за чего люди ежеминутно находятся под угрозой гибели». (А. Кожин. Забастовочное движение в Японии. «Правда», от 17 ноября 1952 года).

Союз *потому что:*

«Неужели она ушла? И уходит все дальше по спящим улицам, трогает холодными ладонями щеки, и торопится домой, *потому что* ей наплевать на него, и *потому что* она хочет спать, *и потому что* она обиделась на Яшку». (В. Конецкий. Завтрашние заботы; 1, 5).

Союзное слово *почему:*

«Щербак слушал тяжелые военные сводки и недоумевал, *почему* до сих пор не окружают гитлеровцев, *почему* не разворачиваются воздушные бои, *почему* не врываются армады советских танков в расположение противника». (А. Былинов. Рота уходит с песней; 11, 2).

Союз *хоть:*

«Вот яд, последний дар моей Изоры. Осьмнадцать лет ношу его с собою — И часто жизнь казалась мне с тех пор Несносной раной, и сидел я часто С врагом беспечным за одной трапезой, И никогда на шопот искушенья Не преклонился я, *хоть* я не трус, *Хотя* обиду чувствую глубоко, *Хоть* мало жизнь люблю». (А. Пушкин. Моцарт и Сальери; I);

Союз *чем:*

«Чем дальше мы отходим от войны прошедшей, *чем* больше нам угрожают новой войной, *чем* шире становится на земле круг друзей мира, тем строже и требовательней мы ко всему, что говорится и пишется о войне». (В. Смирнова. Об ответственности таланта. «Литературная газета» от 12 февраля 1953 года).

2. Предложения, в которых из трех скреп одинаковыми являются две

В составе сложных предложений этого структурного типа в зависимости от того, какие именно две скрепы из трех (первая и вторая, вторая и третья, или же первая и третья) являются одинаковыми, можно выделить три структурные разновидности:

а) Одинаковыми являются первая и вторая скрепы;

б) Одинаковыми являются вторая и третья скрепы;

в) Одинаковыми являются первая и третья скрепы.

Первая и вторая разновидности имеют общую для них особенность: одинаковые скрепы присоединяют в сложных предложениях этих структурных разновидностей соподчиненные придаточные части, находящиеся рядом в непосредственной близости одна от другой.

Сложные предложения всех трех намеченных разновидностей употребляются в различных стилях современного русского литературного языка одинаково широко.

Приведем примеры некоторых структурных вариантов каждой из намеченных разновидностей сложных предложений.

А. Одинаковыми являются первая и вторая скрепы.

Повторяющееся *как* (в первой и второй придаточных частях) и скрепы *каков, какой, что* (союзное слово), *ли* (в третьей придаточной части).

Примеры:

«Приятно в тихой спокойной обстановке встретить старого друга, узнать, *как* жизнь, *как* дела, *каковы* успехи». (Б. Ласкин, Б. Привалов. Мы смеемся. «Огонек», 1955, № 1);

«Как он стрижет сумасшедших *и как* Никита помогает ему делать это *и в какое* смятение приходят больные вся-

кий раз при появлении пьяного улыбающегося цирульника, мы говорить не будем». (А. Чехов. Палата № 6; IV);

«Напиши мне, *как* ты, *как* Оля, *что* делается в Москве?» (И. Эренбург. Девятый вал; 105);

«У женщин восемьдесят процентов красоты зависит от того, *как* она одевается, *как* завита, шикарная *ли* вокруг обстановка». (В. Гроссман. За правое дело; 3, 34).

Повторяющееся *что* (союзное слово) и скрепы *ли, как, какой, кто.*

Примеры:

«Видимо, отец приходил домой поздно, только переночевать и ему было совершенно безразлично, *что* тут творится в доме, *что* происходит с его дочерью *и* жива *ли* она». (В. Кочетов. Молодость с нами; X, 5);

«Они не задумывались над тем, *что* же является главным, *а что* второстепенным *и как* можно этим Словарем пользоваться». (В. Мацуев. 1695 «бы». «Литературная газета» от 15 января 1957 года);

«Корреспонденты сперва налетели; Сенсации им разные любы: *Да что* наши пили, *да что* они ели, *Какие* глаза у них, мускулы, зубы». (А. Софронов. За Ла-Маншем. Необычайное происшествие в Хенли.);

«Вот и подумал бы, *чего* тебе не хватает, *что* могло бы и должно сделать партбюро, *кому* бы ты хотел доверить решение партийных дел в цехе». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 2, 12).

Что (союз) и скрепы *чтоб, почему.*

Примеры:

«Отца и мать мою едва ль Застанешь ты в живых... Признаться, право, было б жаль Мне опечалить их; Но если кто из них и жив, Скажи, *что* я писать ленив, *Что* полк в поход послали *И чтоб* меня не ждали». (М. Лермонтов. Завещание);

«Но кончилось лето, начались тайфуны, дожди, и Лариса вдруг стала жаловаться, *что* ей скучно, *что* она не хочет сидеть дома *и почему,* мол, мы всё время вдвоем?» (П. Сажин. Капитан Кирибеев; X).

Последнее из числа приведенных сложное предложение характеризуется наличием в его составе несобственно прямой ре-

чи. Вероятнее всего, этим объясняется необычное для рассматриваемых конструкций сочетание двух союзов *что* с союзным словом *почему* в данном сложном предложении. Вообще, в анализируемых сложных предложениях в качестве трех скреп фигурируют обычно только союзные слова (к исключениям относятся редко употребляемые конструкции типа «повторяющийся союз *что* — союз *чтобы*», «какое-либо союзное слово — союз *ли*» и т. п. — примеры см. выше). Аналогичную картину можно наблюдать и в сложных предложениях с двухзвенно-разноскрепным однородным соподчинением, в которых соподчиненные придаточные также почти во всех случаях (за аналогичными же исключениями типа «союз *что* — союз *чтобы*», «союзное слово — союз *ли*» и т. п.) присоединяются к соответствующей главной части именно различными союзными словами, а не различными союзами и не сочетаниями «союз — союзное слово»[30].

Какой и *что* (союзное слово):

«Он хотел сказать, что Данилов не может себе представить *каким* ангелом была Сонечка *и каким* ангелом была Ляля *и что* они значили для него, доктора». (В. Панова. Спутники; II, 7).

Когда и *как:*

«*Когда* твой друг на глас твоих речей Ответствует язвительным молчаньем; *Когда* свою он от руки твоей, Как от змеи, отдернет с содроганьем; *Как,* на тебя взор острый пригвоздя, Качает он с презреньем головою; Не говори: «Он болен, он дитя, он мучится безумною тоскою»; Не говори: «неблагодарен он, Он слаб и зол, он дружбы не достоин; Вся жизнь его какой-то тяжкий сон...» (А. Пушкин. Коварность).

Кто и *что* (союзное слово):

«А Холодков читал в газете Сперва министров имена— *Кто* преуспел и на примете, *Кто* «полетел» *и в чём* вина». (Н. Грибачев. Пришла газета...).

Который и *кто:*

«Видишь ли, Прохоров», сказал бригадир от имени всей честной компании, «все мы поднялись на твое приглашение; остались дома только те, *которым* уже невмочь, *которые* совсем развалились, *да у кого* остались одни кости

без кожи, но и тут один не утерпел — так хотелось ему побывать у тебя...» (А. Пушкин. Гробовщик).

Ли и *что* (союзное слово):

«Спросил я, много *ли* народу в селе, есть *ли* мужчины, *что* они делают». (А. Федоров. Подпольный обком действует; 11).

Почему и *что* (союзное слово):

«Писателю важно выяснить, *почему* мы терпели поражения в 1941 году, *почему* наша армия была принуждена отступать, *в чем* состоял вред культа личности в подготовке страны к активной обороне и т. д.» (И. Козлов. Герои поры военной. «Литература и жизнь» от 8 мая 1960 года).

Сколько и *как:*

«Просто удивительно, *сколько* она, оказывается, знала, *сколько* удерживала ее память *и как* свободно она могла говорить на международные темы!» (С. Залыгин. Свидетели).

Иногда одна из соподчиненных придаточных частей может присоединяться к соответствующей главной двумя подчинительными скрепами одновременно, в этом случае в качестве скреп могут выступать только союзные слова.

Например:

Скрепы *где* и *как* (первая придаточная часть из числа соподчиненных), *где* (вторая придаточная часть), *как* (третья придаточная часть):

«Карацупа показывал, *где и как* устраиваются засады, *где* удобнее всего лежать в секрете, *как* берет след розыскная собака». (Е. Рябчиков. Следопыт).

Б. Одинаковыми являются вторая и третья скрепы.

Повторяющееся (в составе второй и третьей соподчиненных придаточных частей) *где* и скрепы *как, который, кто, куда, откуда* (в первой из числа соподчиненных придаточной части).

Например:

«Сделай план квартиры: *как* расположены комнаты, *где* двери, окна, *где что* стоит». (М. Горький. В людях; IV).

В этом сложном предложении третья из соподчиненных придаточная часть присоединяется к соответствующей главной одновременно двумя союзными словами *(где, что)* [31].

Другие примеры.

«Кровь стучала в висках: ведь он пробирался после долгой разлуки не просто в село, *в котором* родился, провел детство, учился, работал, *где* впервые полюбил, *где* похоронил мать и отца, — уже одно это заставит всколыхнуться любое человеческое сердце, — он, крадучись, шел в родное село, занятое врагом». (М. Алексеев. Солдаты; I, 1, 12);

«Я не ведаю, *кто* эти люди, *Где* их дом, *где* родные места, Только жизнь у них также пусть будет Беспокойна, легка и чиста». (Е. Винокуров. У дороги березы стеною...);

«Дом друзей, *куда* можно зайти без всякого, *Где* и с горя и с радости ты ночевал, *Где* всегда приютят и всегда одинаково, Под шумок, чем найдут, угостят наповал». (К. Симонов. Дом друзей);

«Володя скоро призывается в армию, он выбрал военно-техническое училище и, наверное, не раз скажет спасибо родному заводу, *откуда* в сорок первом году его отец ушел защищать Родину, *где* работает мать, *где* с пятнадцати лет началась его биография». (М. Прилежаева. О молодых рабочих. «Новый мир», 1955, № 9).

Повторяющееся *как* и скрепы *какой, когда, сколько, что* (союзное слово).

Например:

«Он весь день обдумывал, *какими* словами надо начать объяснение, *как и когда* увидит дядю Васю, *как* подойдет к нему». (Е. Катерли. Дальняя дорога; XI, 3).

В данном сложном предложении вторая из соподчиненных придаточная часть присоединяется к соответствующей главной одновременно двумя скрепами (*как* и *когда*).

Другие примеры:

«Всё это Решетников запомнил в мельчайших деталях, хотя никак не мог толком рассказать потом, *когда* именно он заменил своими матросами раненых катерников у носо-

вого орудия, *как* вышел на правый борт транспорта и встретил новую группу самолетов плотной, хорошо поставленной завесой *и как* подбил при этом второй самолет». (Л. Соболев. Зеленый луч; II);

«Долго стоял так Семен Еремеевич один на пустынной улице, на ветру и на холоде, размышляя о том, *сколько* мелких случайностей мешают нормальной работе, *как* трудно руководить большим коллективом *и как* много выдержки требуется от руководителя». (С. Антонов. Анкета);

«День целый ожидал Я тайного свидания с Мариной, Обдумывал всё то, *что* ей скажу, *Как* обольщу ее надменный ум, *Как* назову московскою царицей; Но час настал — и ничего не помню; Не нахожу затверженных речей; Любовь мутит мое воображенье». (А. Пушкин. Борис Годунов.).

Кто и скрепы *какой, куда, чей.*

Примеры:

«Командование армейской группы «Центр», насчитывающей 51 дивизию, распределило, *какой* из этих дивизий занять Кремль, *кто* разместится в университете на Моховой, *а кто* в Третьяковской галерее». (Б. Леонтьев. Победа Москвы. «Литературная газета» от 8 декабря 1956 года);

«Бывало и поскучаешь, и зевнешь от нечего делать, и, свесившись через борт кабины, понаблюдаешь, *куда* пошел начальник цеха, *с кем* пококетничала подружка, *на кого* накричал Гусаков...» (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 3, 6);

«Я говорил: «Стократ блажен, *Чей* век, свободою прекрасный, Как век весны промчался ясной И страстью не был омрачен, *Кто* не страдал в любви напрасной, *Кому* неведом грустный плен». (А. Пушкин. Я думал, что любовь погасла навсегда...).

Ли — ли (*ли — или*) и скрепы *где, как.*

Примеры.

«Лена не понимала, *где* она идет, дорога *ли* была под ногами *или* ступала она прямо по низким тучам». (Г. Николаева. Жатва; II);

«Терентию захотелось разузнать, *как* тут дела с советами: крепки *ли* они, успешно *ли* работают». (Д. Фурманов. Чапаев, II) [32].

Что (союз) и скрепы *словно, чтобы, что* (союзное слово).

Примеры.

«У него было странное чувство, *словно* они не просто плывут с одного берега на другой, а поднимаются, медленно, с трудом восходят на какую-то высокую, бесконечную гору, *и что* это очень нужно, чтобы они вскарабкались на самую ее вершину, прежде всего Пашке Башилову зачем-то нужно, *и что* это очень хорошо будет, если они все-таки ее достигнут». (Л. Кабо. В трудном походе; 23);

«Взял да написал свое имя на этой вот бумаге — и говорит, *чтобы* я показала — *и что* его пустят; *и что* если точно Алексея Дмитриевича дома нет, так он и подождать может». (И. Тургенев. Новь; XXX);

«Он вдруг припомнил всё, *что* забывал, когда работал или воевал: *что* много дел, *что* он уже не молод». (М. Алигер. Роман).

Сложные предложения, подобные последнему из только что приведенных, характерны преимущественно для разговорной речи [33]. Союз *что* в таких сложных предложениях, по мнению А. Б. Шапиро [34], не выполняет своей обычной подчинительной функции.

Что (союзное слово) и скрепы *как, сколько.*

Примеры.

«*Как* живу, *что* у меня на душе, *что* на сердце — это ему без интереса». (Г. Николаева. Жатва; I);

«Следовало бы договориться также о том, *сколько* залогов имеется в русском языке, *чем* является категория вида — лексической или грамматической категорией *и чем* считать видовые образования — словообразованием или формообразованием». (Е. М. Галкина-Федорук. О месте курса «Современный русский литературный язык» в системе лингвистического образования при подготовке кадров для средней школы. «Русский язык в школе», 1957, № 1).

Который и *что* (союзное слово):

«Но было другое, *о чём* Надя не знала, *но которое* тоже произошло в это время *и которое,* если вдуматься, было чем-то сродни позолоченным шпингалетам». (Н. Москвин. Два долгих дня; II, 4).

Почему и *что* (союзное слово):

«Он никак не мог понять, *к чему* этот покорный, вышколенный пес во дворе, *почему* половину комнаты занимает огромный платяной шкаф *и почему* сам хозяин так поблек и отяжелел». (А. Фесенко. За родным столом; 2).

Чтобы и *что* (союз):

«Я твердо решил, *что* передавать натуру надо как можно ближе, в упор, вплотную, не давая преимущества ни форме, ни цвету, *но чтобы* была полная гармония *и, главное, чтобы* это было правдиво, верно и жизненно». (Художник-патриот. К 95-летию В. Н. Бакшеева. «Огонек», 1957, № 51).

В сложных предложениях данной разновидности, как и в рассмотренных выше сложных предложениях структурной разновидности А, в составе трех скреп употребляются в подавляющем большинстве случаев союзные слова. Союзы редко сочетаются с союзными словами, сочетания же трех союзов (из числа которых один повторяется дважды) в анализируемых конструкциях представлены, вообще, лишь одним вариантом: *что* (союз) — *чтобы* — *чтобы,* — см. последний пример.

В. Одинаковыми являются первая и третья скрепы.

Повторяющееся (в составе первой и третьей придаточных частей) *как* и скрепы *какой, кто* (во второй придаточной части).

Примеры.

«И он рассказывает, *как* жилось прежде здорово, весело и интересно, *какая* была в России умная интеллигенция *и как* высоко она ставила понятия о чести и дружбе». (А. Чехов. Палата № 6; VI);

«А еще прошу, брось ты про эту любовь писать и не расстраивай мое здоровье, пиши больше про то, *как* дела идут в МТС *и кто* из друзей остался дома, *и как* работает новый директор». (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

Повторяющееся *что* (союзное слово) и скрепы *как, какой, почему.*

Примеры.

«...А потом потребуешь отчёт о том, *Что* сделал я, живой, *Как* жил, *Чем* больше жизни дорожил». (Г. Поженян. Впередсмотрящий; 19);

«В любой момент здесь известно, *что* творится там, у доски — «выплывают» или «засыпаются», *какое* настроение у самого, *что* он сказал». (Д. Гранин. После свадьбы; III, 2);

«Вот вам тема для диссертации—*что* такое монополия, *почему* всё валится у нее из рук *и чем* она отличается от настоящего коллектива». (В. Дудинцев. Не хлебом единым; IV, 3).

Какой и *как:*

«— Я никак не могу научить вас понимать, *какое* огромное значение в деле определения человеческой личности имеют рукава, *как* много могут объяснить ногти *и какие* важные заключения можно вынести из шнуровки ботинок». (К. Чуковский. О Шерлоке Холмсе; II).

Коль (коли) и *когда:*

«*Коль* непрошенным гостем Вломился ты в дом, Нашумел по-пустому И поднял содом, *Когда* сердце твое Не горит, а коптит Горьким дымом раздоров И мелких обид, *Коли* прожил ты жизнь, Никого не любя, — Добрым словом никто Не помянет тебя». (В. Полторацкий. Следы).

Ли и *какой:*

«Он старался по лицу отгадать, видела *ли* она Степана, *какие* мысли разбудила в ней встреча, не угрожает *ли* снова опасность семейному благополучию». (Г. Николаева. Жатва; III).

Сколько и *какой:*

«Нет, вероятно, никакой возможности сосчитать, *сколько* студентов прошло по этим ступеням вверх и вниз, *в какие* уголки земного шара проложили отсюда пути молодые люди, *сколько* судеб со счастьем и несчастьем началось от-

сюда». (С. Залыгин. Без перемен. «Новый мир», 1958, № 11).

Что (союзное слово) и *ли:*

«Пробираясь, как зверь, по вытоптанным полям, по сожженным пустым деревням Белоруссии, обходя города и избегая езженых дорог, он тоскливо гадал, *что* увидит в маленьком родном доме, удалось *ли* его близким уйти *и что* с ними сталось, если они не ушли». (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке; II, 2).

Из приведенных примеров очевидно, что в сложных предложениях рассмотренной структурной разновидности в качестве скреп выступают, как и в сложных предложениях первых двух структурных разновидностей, как правило, лишь союзные слова. Сочетания «союзное слово — союз» встречаются очень редко, сочетания же «союз — союз» в анализируемых сложных предложениях нами вообще не зафиксированы.

3. Предложения с тремя разными скрепами

Примеры:

Скрепы *где — какой — зачем:*

«Ее сильно интересовал вопрос, *где* будет ее комната, *какие* обои будут в этой комнате, *зачем* у меня пианино, а не рояль и т. д.» (А. Чехов. Любовь).

Скрепы *где — куда — как:*

«Этот свой план лейтенант не без гордости и объяснил Луникову, показав на карте, *где* станет катер, *куда* будет направлен луч *и как* должна грести шестерка». (Л. Соболев. Зеленый луч; IX).

Скрепы *где* и *как — ли — каков:*

«Девушки в ватниках берут у Антоши сразу шесть штук и, попробовав, допытываются, *где и как* растет голубика, трудно *ли* ее собирать *и каково* в тайге по ночам». (Д. Осин. Дальние поезда; «Огонек», 1958, № 27).

Где — что (союзное слово) — *кто:*

«Я не узнаю, *где* солдатский дом, *Что* думал он, ползя навстречу смерти, *И кто* получит весточку о нем В казенном проштампованном конверте». (М. Матусовский. Памяти неизвестного солдата).

Зачем — кто — что (союзное слово):

«Расскажет спутник спутнице своей, *Зачем* он едет в край глухих степей, *И кто* он есть, *И чем* он в жизни занят». (М. Алигер. Из записной книжки; 2).

Зачем — что (союзное слово) — *какой:*

«И она тотчас же возмущенно заговорила, что союз городов — организация, не знающая, *зачем* она существует *и что* ей нужно делать, *какие* у нее права». (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Как — какой — кто:

«Я не спросила, *как* зовут его племянницу, *в каком* направлении она уехала, *кто* был на проводах». (В. Каверин. Доктор Власенкова; I, 2).

Как — какой — что (союзное слово):

«Он знал не больше их о том, *как* идет проектирование *и какие* ведутся исследования, *о чём* говорят на третьем этаже в кабинете Васютинского, в комнате Краевского или в партийном бюро». (И. Горелик. Первые страницы; I, III, 6).

Как — ли — что (союзное слово):

«Мы обсуждали, *как* действуют на чрезмерно нервных детей чересчур яркие краски, влияет *ли* на коллективное сознание многоголосая декламация *и что* может дать ритмическая гимнастика в борьбе с детской проституцией». (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь; II, 10).

Как — почему — что (союзное слово):

«Чернышев подробно расспросил его, *как* идет изготовление камнедробилки, *почему* остановился монтаж мойки, *что* удалось сделать по КД». (Д. Гранин. После свадьбы; II, 6).

Как — что (союзное слово) — *какой:*

«А у нас в деревне всё на виду; *и как* работает человек, *и что* у него дома делается, *и какое* к людям отношение — всё нам известно». (В. Овечкин. Трудная весна; II, 7).

Как — что (союзное слово) — *ли:*

«Она расспрашивала, *как* было в Стокгольме; *что* говорили американские делегаты; будут *ли* подписывать воззвание». (И. Эренбург. Девятый вал; 76).

Каков — как — ли:

«Карацупа переводил взгляд с одного курсанта на другого, прикидывал в уме, *каковы* эти пареньки в гимнастерках, *как* сильны и ловки их тела, способны *ли* они любить собак, верить в них, заставлять их атаковывать врага». (Е. Рябчиков. Следопыт).

Какой — как — что (союзное слово):

«Бедный смотритель не понимал, *каким* образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, *как* нашло на него ослепление, *и что* тогда было с его разумом». (А. Пушкин. Станционный смотритель).

Кто — где — зачем:

«Он действительно любил ловить рыбу; это занятие лучше всякого иного позволяет человеку забыть, *кто* он, *где* он *и зачем* он». (М. Горький. Репетиция).

Кто — где — ли:

«Я женат», — продолжал Бурмин: «я женат уже четвертый год и не знаю, *кто* моя жена *и где* она, и должен *ли* я свидеться с нею когда-нибудь!» (А. Пушкин. Метель).

Ли — как — что (союзное слово):

«Леру совершенно не интересовало, есть *ли* у него деньги на такси, *и как* он тут жил без нее, *и что* с поэмой». (К. Лапин. Простая история; 13).

Сколько — какой — почему:

«Он знает, *сколько* людей живет на земном шаре, *с какой* скоростью летают космические корабли *и почему* закрыт городской каток». (Н. Родин. Полинкин парень. «Литература и жизнь» от 7 марта 1962 года).

Что (союзное слово) — *где* — *как:*

«Он обстоятельно рассказал о том, *чего* он добивается, *где* на заводе слабые места *и как* он думает укрепить их». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 3, 16).

Что (союзное слово) — *зачем* — *почему:*

«Для читателя остается неясным, *в чём* проявляется красота комбинации, *зачем* черные отдали пешку «д» *и почему* эндшпиль войдет в учебники». (Б. Вайнштейн. Об одном турнирном сборнике. «Шахматы в СССР», 1956, № 10).

Что (союзное слово) — *как* — *ли:*

«Яворский стал расспрашивать учителей, *в чём* они нуждаются, *как* у них идет дело, довольны *ли* они новыми учебниками». (Э. Казакевич. Дом на площади; III, IV).

Что (союзное слово) — *кто* — *зачем:*

«Гляжу на тебя и не понимаю: *что* ты, *кто* ты *и зачем* ты?» (М. Горький. В людях).

Приведенные в достаточном количестве примеры употребления в современном русском литературном языке сложных предложений данной структурной разновидности (с тремя разными подчинительными скрепами, присоединяющими к соответствующей главной части три однородно соподчиненных придаточных) убедительно свидетельствуют как о довольно широкой распространенности таких сложных предложений в языке современной художественной литературы, так и о разнообразии структурных вариантов сложных предложений данной разновидности.

Многообразие структуры данных сложных предложений может служить иллюстрацией той действующей в настоящее время тенденции развития синтаксиса, которая состоит в усиливающейся продуктивности «разнообразных способов сцепления синтаксических единиц в пределах сложного синтаксического целого» [35] и в возникновении новых способов такого сцепления.

Однако сложные предложения данной структурной разновидности при всем разнообразии союзных сочетаний, используемых для присоединения к соответствующей главной части трех однородно соподчиненных придаточных обладают и некоторы-

ми общими для всех их особенностями. Из числа таких особенностей, прежде всего, необходимо отметить следующее.

Для сложных предложений данной структурной разновидности характерно то, что в качестве скреп, присоединяющих к соответствующей главной три однородно соподчиненные придаточные части, употребляются почти исключительно союзные слова. Сочетания трех союзов или двух союзов и одного союзного слова в сложных предложениях анализируемой структуры, вообще, видимо, никогда не встречаются. Сочетания же типа «два союзных слова + союз» встречаются очень редко, причём в этих единичных конструкциях в качестве союза выступает только союз — частица *ли*.

Можно с большой долей вероятности утверждать, что возможности разноскрепного с участием союзов однородного соподчинения по мере увеличения в сложном предложении количества соподчиненных придаточных уменьшаются.

Самая возможность в анализируемых структурах разноскрепного с участием союзов и союзных слов однородного соподчинения иллюстрирует собою тенденцию в развитии синтаксиса к «контаминации разных синтаксических конструкций»[36].

Для сложных предложений рассматриваемой структуры (с тремя разными скрепами) характерно также то, что соподчиненные придаточные части в них по характеру своих синтаксических взаимоотношений с соответствующей главной частью (имеем в виду традиционную классификацию придаточных) являются гораздо менее разнообразными и по сравнению с взаимоотношениями главной и придаточной в сложноподчиненных предложениях с одной придаточной частью, и по сравнению с упомянутыми взаимоотношениями частей в сложных предложениях с двухзвенным соподчинением, и, наконец, по сравнению с взаимоотношениями частей в сложных предложениях с трехзвенным однородным соподчинением всех рассмотренных выше структурных разновидностей (кроме, естественно, последней — сложных предложений с тремя разными скрепами).

В подавляющем большинстве случаев придаточные в сложных предложениях с разноскрепным однородным соподчинением трех придаточных являются дополнительными. Редки случаи употребления подлежащных и определительных придаточных в сложных предложениях данной структурной разновидности. Другие типы придаточных в сложных предложениях рассматриваемой структуры с разноскрепным трехзвенным соподчинением нами вообще не зафиксированы.

По мере увеличения количества разноскрепно присоединяемых к соответствующей главной части однородно соподчиненных придаточных возможности употребления различных союзов в данной функции, видимо, сокращаются; чем более многозвенным является разноскрепно-однородное соподчинение, тем более вероятным становится употребление в функции разных скреп только союзных слов, а не союзов.

Изложенное позволяет, как нам представляется, прийти к следующим основным выводам.

Сложные предложения с однородным соподчинением трех придаточных в структурном отношении представляют собою совокупность трех типов конструкций: односкрепного, двухскрепного соподчинения трех придаточных.

Каждая из трех однородно соподчиненных придаточных частей в рассмотренных сложных предложениях только при трехскрепном соподчинении «раздельно» соотносится с соответствующей главной частью.

Односкрепное присоединение трех придаточных уменьшает «раздельность» соотнесения каждой придаточной части с соответствующей главной. При односкрепном соподчинении совокупность трех придаточных частей представляет собою, как правило, гораздо более тесное смысловое и грамматическое единство, чем при соподчинении трехскрепном. Это выражается, в частности, в том, что обычно именно односкрепно присоединяемые придаточные имеют в своем составе один и тот же общий для всех трех придаточных второстепенный член, употребленный только один раз (в составе первой из числа соподчиненных придаточной части).

Широкое распространение односкрепных структур (в том числе и в конструкциях с четырьмя и пятью однородно соподчиненными придаточными), бесспорно, является проявлением действующей в настоящее время в развитии синтаксиса тенденции к упрощению и лаконизации синтаксических конструкций, пропуску промежуточных звеньев в них [37].

При двухскрепном соподчинении две придаточные части (из числа трех соподчиненных), присоединяемые к соответствующей главной одной общей для них скрепой, также обычно представляют собою тесное смысловое и грамматическое единство; между совокупностью односкрепно присоединяемых к соответствующей главной части двух придаточных, с одной стороны, и третьей придаточной частью, присоединяемой к той же главной своей скрепой, с другой стороны, в рассмотренных

сложных предложениях нередко наблюдаются соединительные, сопоставительные, противительные и иные (изредка же изъяснительные) взаимоотношения.

В сложных предложениях с трехскрепным однородным соподчинением трех придаточных характер скреп (являются они одинаковыми или разными) зависит от структуры соподчиненных придаточных частей, выражаемых ими значений, а также от взаимоотношений придаточных с соответствующей главной частью.

При разноскрепно-однородном соподчинении трех придаточных в качестве скреп употребляются, как показано выше, в подавляющем большинстве случаев только союзные слова; сочетания типа «три разных союза», «два союза и союзное слово» никогда не употребляются, сочетания же типа «два союзных слова и союз» встречаются крайне редко. В этих условиях разноскрепно присоединяемые к соответствующей главной соподчиненные придаточные части подобны простым обязательно распространенным (с наличием в их составе второстепенных членов—обстоятельств или дополнений) предложениям; в функции второстепенных членов в таких придаточных как раз и выступают союзные слова. Нераспространенными однородно соподчиненные придаточные в сложных предложениях с трехскрепным соподчинением могут быть, видимо, только тогда, когда они присоединяются к соответствующей главной части одинаковыми скрепами (повторяющимися в составе каждой из трех соподчиненных придаточной части).

Одинаковые скрепы в составе каждой из трех придаточных частей подчеркивают «однородность» придаточных, при наличии одинаковых скреп все соподчиненные придаточные, если их рассматривать в качестве простых предложений в составе сложного, очень часто характеризуются аналогичностью своего строения, чего обычно не наблюдается при разноскрепном соподчинении придаточных.

Наконец, употребление одинаковых скреп в рассмотренных сложных предложениях дает возможность выражать самые различные синтаксические взаимоотношения между совокупностью соподчиненных придаточных, с одной стороны, и соответствующей главной частью, с другой стороны. В конструкциях же с разноскрепным соподчинением эти взаимоотношения почти всегда сводятся к так называемым изъяснительным; целевые, причинные, уступительные, а также соподчиненные придаточные некоторых других типов, видимо, принципиально не могут

разноскрепно присоединяться к соответствующей главной части.

Это зависит, вероятно, от того, каким количеством подчинительных скреп может присоединяться к соответствующей главной части в разных случаях своего употребления одиночная придаточная часть данного типа. Чем больше подчинительных скреп может быть использовано для связи одиночных придаточных данного типа с соответствующей главной частью, тем шире возможности разноскрепно-однородного соподчинения этих придаточных. Например, одиночные дополнительные придаточные части могут присоединяться к соответствующей главной части самыми различными подчинительными скрепами; в связи с этим, дополнительные придаточные широко распространены и в конструкциях с разноскрепно-однородным соподчинением; придаточные же, например, скажем, целевые, употребляясь одиночно, присоединяются к соответствующей главной части очень небольшим количеством скреп (то есть, собственно, в подавляющем большинстве случаев только одной скрепой *чтобы*), поэтому целевые (а также и причинные, и уступительные, и некоторые другие) придаточные практически никогда не употребляются в конструкциях с разноскрепно-однородным соподчинением.

Независимо от количества подчинительных скреп, присоединяющих к соответствующей главной части три соподчиненных придаточных, придаточные части могут связываться между собою как бессоюзно, так и с помощью сочинительных союзов, причем бессоюзные конструкции являются, в общем, редкими (особенно для односкрепного соподчинения); это, видимо, находится в связи с тем обстоятельством, что при наличии сочинительных союзов можно с гораздо большей четкостью, чем при бессоюзной связи, выражать различные оттенки смысловых взаимоотношений между однородно соподчиненными придаточными. Изредка, как отмечалось выше, именно наличие в сложном предложении сочинительного союза создает характерную для однородного соподчинения структуру, при опущении сочинительного союза такие конструкции без каких-либо иных трансформаций превращаются в сложные предложения с последовательным подчинением.

Анализ особенностей строения и употребления в современном русском литературном языке сложных предложений с однородным соподчинением трех придаточных в сопоставлении с имеющимися в научной литературе сведениями о соответственных же особенностях сложных предложений с однородным со-

подчинением двух придаточных позволяет установить определенную зависимость грамматических и иных признаков сложных предложений с однородным соподчинением от количества однородно соподчиненных придаточных частей в упомянутых сложных предложениях.

Названная зависимость грамматических и иных признаков сложных предложений с однородным соподчинением от количества соподчиненных придаточных частей в них выявляется особенно ярко при сравнении сложных предложений с однородным соподчинением двух придаточных не только со сложными предложениями, имеющими в своем составе три придаточных, но также и со сложными предложениями с четырьмя и пятью однородно соподчиненными придаточными. Конкретные данные, характеризующие упомянутую зависимость (на материале сопоставления структур с однородным соподчинением двух, трех, четырех и пяти придаточных), содержатся в нашей статье «Структурные типы сложных предложений с однородным соподчинением пяти придаточных в современном русском литературном языке» [38].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Перечень этих работ см. в примечании 1 к нашей статье «Структурные типы сложных предложений с однородным соподчинением пяти придаточных в современном русском литературном языке», опубликованной в сборнике «Вопросы теории и истории русского языка»; Северо-Западное книжное издательство, 1967; стр. 82. Этот перечень должен быть дополнен работой В. К. Покусаенко «К вопросу о разграничении конструкций с однородным и неоднородным соподчинением», опубликованной в книге «Вопросы современного русского языка и истории его развития» (Сборник статей). Краснодарский педагогический институт; Краснодар, 1966.

[2] См., например: АН СССР. Грамматика русского языка, том II, часть II, М., 1954, стр. 361—363; Современный русский язык. Синтаксис. Под редакцией Е. М. Галкиной-Федорук. Издательство МГУ, 1958, стр. 412—413; А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык: часть II, синтаксис, 1958, стр. 265—267; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис, 1958, стр. 174, Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич. Современный русский язык. «Высшая школа», 1961, стр. 425—426; то же, 1964, стр. 429—431; А. Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка; М., 1963, стр. 322—323.

[3] См., впрочем, наши работы: «Об одной разновидности соподчинения предложений в современном русском литературном языке» (Ученые записки Вологодского педагогического института, том XXVI, языковедческий, 1961); «Сложные предложения с однородным соподчинением четырех придаточных в современном русском литературном языке» («Вопросы теории и истории языка». Сборник статей кафедры русского языка и факультета иностранных

языков Вологодского педагогического института. Ученые записки, том XXVIII, Северо-Западное книжное издательство, 1964); «Однородное соподчинение четырех придаточных в современном русском языке» (в книге: «Вопросы теории и методики изучения русского языка», Труды VII научной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья. Издательство Саратовского университета, 1965); «Структурные типы сложных предложений с однородным соподчинением пяти придаточных в современном русском литературном языке» (в книге: Вологодский педагогический институт, Череповецкий педагогический институт, «Вопросы теории и истории русского языка»; Северо-Западное книжное издательство, 1967), «Структурные типы сложных предложений с однородным соподчинением шести и более придаточных в современном русском литературном языке» (в книге: Архангельский педагогический институт, «Вопросы филологии и методики преподавания языка». Тезисы докладов языковедческой конференции пединститутов Архангельска, Вологды и Череповца. Архангельск. 1966).

[4] В. А. Белошапкова. О понятии «формула предложения» на уровне синтаксиса сложного предложения. В книге: АН СССР. Институт языкознания, Институт русского языка. Советско-чехословацкий симпозиум 18—22 апреля 1967 года. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Доклады советских ученых. М., 1967, стр. 126, примечание 1.

[5] В. К. Покусаенко. О границах однородного соподчинения. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1962, № 3, стр. 105. См. также: В. К. Покусаенко. К вопросу о разграничении конструкций с однородным и неоднородным соподчинением. В книге: Краснодарский педагогический институт. «Вопросы современного русского языка и истории его развития» (Сборник статей). Краснодар, 1966.

[6] И. А. Василенко, например, пишет: «Синтаксическая однородность придаточных частей, различных по их конкретному содержанию, состоит в одинаковой роли по отношению к сказуемому-глаголу главной части. Состав предложений не отражается на однородности соподчинения». (И. А. Василенко. Сложное предложение в современном русском литературном языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук; М., 1954, стр. 14). Аналогичные формулировки содержатся и в других работах И. А. Василенко, например, в его статье «Сложное предложение с однородным соподчинением», опубликованной в журнале «Русский язык в школе» (1955, № 1, стр. 8).

[7] Л. Д. Чеснокова дает, например, следующее очень удачное, на наш взгляд, определение понятия грамматической однородности: «Грамматическая однородность, в конечном счете, является выражением того, что различные предметы, процессы или признаки вещей объективного мира, одинаково относящиеся к чему-то общему для них, осознаются человеком именно как равно, одинаково соотнесенные с этим общим, то есть наличие общего и одинаковых соотношений с этим общим и лежит в основе однородности. Однородность как языковое явление заключает в себе единство сочинения и подчинения. Сочинение имеет место при связи функционально равнозначных компонентов друг с другом, подчинение же — при связи этих компонентов с каким-то общим для них компонентом, который либо характеризуется ими, либо характеризует их с какой-то одной стороны и по отношению к которому они выполняют одну и ту же синтаксическую функцию». (Л. Д. Чес-

нокова. Типы синтаксических конструкций с однородными компонентами. «Вопросы изучения русского языка». Доклады VI научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка (5—8 июня 1963 года). Ростов-на-Дону, 1963, стр. 51).

[8] Г. Ф. Калашникова. К вопросу о классификации сложных предложений с соподчиненными придаточными. Ростовский-на-Дону педагогический институт. Доклады научно-теоретической конференции аспирантов (декабрь 1962 г.); Ростов-на-Дону, 1962, стр. 129.

[9] Л. Л. Иофик. Проблема структуры сложного предложения в новоанглийском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук; Ленинград, 1965.

[10] «Русский язык и Советское общество» (план монографии). Синтаксис. В книге: «АН СССР. Русский язык и Советское общество. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Сектора современного литературного языка. Москва, 1966, стр. 25.

[11] В. В. Казмин относит к предложениям с однородным соподчинением только такие сложные предложения, в которых однородно соподчиненные придаточные характеризуются смысловой независимостью друг от друга. Такие придаточные части «передают одновременность или совместность действий, временную последовательность, взаимное соответствие, сопоставление, чередование, возможность реального осуществления только одного из названного в них». (В. В. Казмин. Сложное предложение с однородными придаточными частями (союзное подчинение). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 1954, стр. 2). Сложные предложения, в которых однородно соподчиненные придаточные характеризуются наличием между ними пояснительных, причинно-следственных, условно-следственных, присоединительных и тому подобных отношений, В. В. Казмин к числу предложений с однородным соподчинением не относит. Это представляется нам неубедительным, так как, несмотря на смысловую неравноправность и семантическую неоднородность придаточных частей в таких сложных предложениях, придаточные в них, характеризуясь тесной спаянностью друг с другом и принципиально однотипным отношением к соответствующей главной части, являются, по нашему мнению, в такой же мере грамматически однородными, как и придаточные в предложениях, анализируемых В. В. Казминым.

[12] В. К. Покусаенко, например, с одной стороны, относит к предложениям с одночленно-однородным соподчинением конструкции, традиционно рассматриваемые (см., например, работу И. А. Василенко «Сложные предложения с разночленным соподчинением», опубликованную в журнале «Русский язык в школе», 1953, № 6) как сложные предложения с разночленным соподчинением, в составе которых соподчиненные придаточные относятся к однородным соотносительным словам главной части, а, с другой стороны, исключает из сферы однородного соподчинения конструкции, в составе которых «каждая из соподчиненных придаточных описательно обозначает какое-то явление». Таким образом, В. К. Покусаенко относит к однородному соподчинению только те структуры, в которых «все вместе взятые соподчиненные придаточные служат описательным обозначением одного и того же явления действительности». (В. К. Покусаенко. К вопросу о разграничении конструкций с однородным и неоднородным соподчинением; в книге: «Вопросы современного русского языка и истории его развития». (Сборник статей). Краснодарский педагогический институт. Краснодар, 1966, стр. 115).

[13]) Н. Ю. Шведова. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе. (Наблюдения над языком газеты). «Вопросы языкознания», 1964, № 2, стр. 3.

[14] В. А. Шитов. Об одной разновидности соподчинения предложений в современном русском литературном языке. Ученые записки Вологодского педагогического института, том XXVI, языковедческий; Вологда, 1961.

[15] А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации; М., 1955, стр. 159.

[16] Подробнее об этом см. в наших статьях «Сложные предложения с однородным соподчинением в современном русском литературном языке» (Ученые записки Вологодского педагогического института, том XVIII, филологический; Вологда, 1956) и «Сложные предложения с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением в современном русском литературном языке» (Ученые записки Вологодского педагогического института, том XXII, филологический; Вологда, 1958).

[17] См. там же.

[18] См. нашу работу «Сложные предложения с однородным соподчинением в современном русском литературном языке» (Ученые записки Вологодского педагогического института, том XVIII, филологический; Вологда, 1956).

[19] В. К. Покусаенко (в статье «К вопросу о разграничении конструкций с однородным и неоднородным соподчинением», — в книге: Краснодарский педагогический институт. «Вопросы современного русского языка и истории его развития»; Краснодар, 1966, стр. 119), находя в сложных предложениях такого типа (в том числе — в данном) не три, а лишь две одночленно соподчиненных придаточных части («Где в кипарисах ветер и где полярный наст») не относит эти придаточные к числу однородно соподчиненных, поскольку они «обозначают разные явления действительности» («в кипарисах»— юг, «...полярный наст» — север). С этим же связывается у В. К. Покусаенко и возможность или невозможность трансформаций, например, двухскрепных структур с соподчинением двух придаточных в односкрепные: если «все вместе взятые соподчиненные придаточные служат описательным обозначением одного и того же явления действительности» — названная трансформация возможна, в конструкциях же с придаточными, «обозначающими разные явления действительности», количество союзных слов, связывающих придаточные с соответствующей главной частью, обязательно должно быть равным числу придаточных. Высказываемые В. К. Покусаенко мысли о том, что сложные предложения, традиционно именуемые предложениями с однородным соподчинением, представляют собою совокупность разнообразных и неоднотипных конструкций, бесспорно, являются плодотворными и иллюстрируются убедительными фактами. Эти факты свидетельствуют о том, что традиционное понятие однородного соподчинения является более сложным, более внутренне дифференцированным и противоречивым, чем можно было полагать до исследований В. К. Покусаенко. Однако оставлять традиционное наименование «однородное соподчинение» лишь за одной очень узкой и редко встречающейся разновидностью сложных предложений и никак не называть терминологически большинство структур, относимых ранее к однородному соподчинению, как это предлагает В. К. Покусаенко, на наш взгляд, нецелесообразно, тем более что главный недостаток традиционных определений понятия однородности придаточных В. К. Покусаенко видит в том, что эти определения дают возможность рассматривать в качестве однородных не вполне однотипные, особенно с точки зрения их семантического на-

полнения, придаточные. Полагаем, однако, что любые определения объединяют собою более или менее разнообразные факты и что выделяемые В. К. Покусаенко типы рассматриваемых сложных предложений (в том числе и те, которые она относит к неоднородному соподчинению) было бы целесообразно рассматривать в качестве разновидностей именно однородного соподчинения, понимаемого, как это было определено в начале работы, в грамматическом, а не в семантическом плане.

[20] См. нашу работу «Сложные предложения с однородным соподчинением в современном русском литературном языке» (Ученые записки Вологодского педагогического института, том XVIII, филологический; Вологда, 1956).

[21] Подобные случаи синтаксического омонимизма, когда в одном и том же предложении придаточные могут быть рассмотрены без каких-либо трансформаций и в качестве однородно соподчиненных, и в качестве последовательно подчиненных. А. Н. Гвоздев называет случаями «стилистической дефектности конструкций, соответствующих целям автора и отвечающих нормам языка». (А. Н. Гвоздев. Об одной проблеме стилистики. В книге: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка; издание третье, М., 1965, стр. 393—394).

[22] См., впрочем: К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь. Трудные случаи пунктуации. М., 1959, стр. 137 (§ 96, примечание 2).

[23] Об аналогичных в пуктуационном отношении конструкциях см. в книге: К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь. Трудные случаи пунктуации. М., 1959, стр. 152—153.

[24] «Сложносочиненные предложения с союзом *ли... или...* могут входить в состав трехчленного или многочленного сложного предложения, в последней (присоединенной бессоюзной связью) части которого дается как бы заключение тому, о чем сообщается в первой части — сложносочиненном предложении с союзом *ли... или...* Эти две основные части объединяются отношениями причинно-следственными или временными... Предложение, содержащее в себе заключение или вывод и следующее за сложносочиненным предложением с союзом *ли... или...*, может присоединяться при помощи... союзного сочетания *как вдруг*». (АН СССР. Грамматика русского языка, том II, часть II; М., 1954, стр. 253—255).

[25] Там же, стр. 255.

[26] И. Г. Чередниченко. Особые случаи придаточности в современном русском языке. «Ученые записки Львовского университета. том VII. 1948, книга I, «Вопросы славянского языкознания», стр. 117—118.

[27] Й. Вахек. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, стр. 165—166.

[28] Пример заимствован из упомянутой статьи И. Г. Чередниченко; стр. 108.

[29] И. Г. Чередниченко. Упомянутая работа; стр. 107—108.

[30] Подробнее об этом см. в нашей работе «Сложные предложения с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением в современном русском литературном языке» («Ученые записки Вологодского педагогического института, том XXII, филологический; Вологда, 1958).

[31] О пунктуационных особенностях данного сложного предложения см. в книге А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации; М., 1955, стр. 160—161.

[32] См. примечание 31.

[33] А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации; М., 1955, стр. 159.

[34] Там же.

[35] «Русский язык и Советское общество» (план монографии). Синтаксис. В книге: АН СССР. Русский язык и Советское общество. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Сектора современного литературного языка. Москва, 1966, стр. 25.

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] В книге: Вологодский педагогический институт, Череповецкий педагогический институт. «Вопросы теории и истории русского языка». Северо-Западное книжное издательство, 1967, стр. 79—81.

А. А. Шумилова

ПОРЯДОК СЛОВ В АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ ИЛИ МЕСТОИМЕНИЕМ В РОЛИ ЗАВИСИМОГО СЛОВА

(на материале древнерусских памятников XV—XVI веков)

Порядок слов в адъективном словосочетании исследован совершенно недостаточно. Можно указать лишь несколько работ, в которых этот вопрос затрагивается [1].

Специальных работ, посвященных порядку слов в древнерусском словосочетании вообще и адъективном в частности, нет. Имеются лишь небольшие замечания в работах, посвященных синтаксису древнерусского предложения [2]. Как показывают исследованные материалы, в древнерусском языке XV—XVI веков порядок слов в адъективном словосочетании отличается от современного [3]. Среди случаев, зарегистрированных в исследованных памятниках, можно обнаружить и препозицию зависимых слов, и постпозицию их, и смешанные случаи.

Всего в текстах XV—XVI вв. обнаружено около тысячи случаев препозиции слов, зависимых от прилагательного (*людям не надобна, ему оугодна, имже достоинъ, в ответе сладок*). Более двух третей из них зафиксировано в памятниках XVI века: ...быть *мужеством светелъ*... (Ст. кн., стр. 131); и вечным *мукамъ повиненъ* будетъ... (Стоглав, стр. 128); ...злобою младенствуйте, а умом совершени бывайте; *во благое же крепци и тверди*... (Пов. о Стеф., стр. 156); ...велми *о томъ скорбни* быхомь... (Доп. ак., стр. 368); ...хочет сам отцелуется, что *в том не виноват*, или у креста положит... (Судеб 1550, стр. 148).

Как в текстах XV века, так и в текстах XVI века большая часть прилагательных стоит в краткой форме. Прилагательные в полной форме и степенях сравнения с препозицией зависимых слов в XV веке единичны: *...нравом же лукавии*... (Ак. ист., т. I, стр. 28; ...бе бо *ихъ стареи* (Ипат. лет., стр. 618); но пребысть

убо онъ *зверя всякого суровейши*... (Доп. ак., стр. 340). В текстах XVI века и количество, и удельный вес имен прилагательных в полной форме и степенях сравнения с препозицией зависимых слов возрастает.

Конструкция словосочетаний с препозицией зависимых слов довольно разнообразна. В текстах XV века в большинстве случаев зависимые слова стоят непосредственно перед именем прилагательным: ...светъ мои да боудет *ти вгоденъ*... (Ипат. лет., стр. 915); ...и они сложатъ на Митрополита, кто будетъ *обейма любъ*... (Сб. Мух., стр. 8); Соблюде же и по браце тело чисто и *греху непричастно* (Моск. лет., стр. 215).

Если зависимое имя существительное имеет при себе какое-либо определение, оно стоит, как правило, перед ним: ...занеже, сыну, ведомо ми, что *божественному писанию искусенъ* еси... (Ак. ист., т. I, стр. 507); ...*отъ мирския власти уцеломудренъ* будет... (Ак. ист., т. I, стр. 43). Иногда к зависимому существительному относятся не одно, а несколько слов, все в препозиции: ...но онъ, *по нашей къ нему великой духовной любви воленъ*, а не *долженъ*, къ намъ и къ своимъ сыновемъ богомолцемъ писатись... (Ак. ист., т. I, стр. 500).

Несколько зависимых слов в разных падежах тоже могут стоять перед именем прилагательным: *Ратным же въ бранех страшен* являшеся... (Моск. лет., стр. 215); Си же бешеть *емоу всихъ милее*... (Ипат. лет., стр. 862); Весу Полоцкому быти *Ризького полупудомъ* болши... (Рус.-лив. ак., стр. 130).

Как правило, препозитивно и такое зависимое слово, которое относится сразу к нескольким именам прилагательным (таких случаев немного): ...она же бе *отъ юности мудра и богобоязлива и милостива*... (Пуг. Зос., стр. 42); ...о великомъ божиемъ священстве ...иже есть и самемъ *ангеломъ страшна и ужасна* (Дон. ак., стр. 325).

В текстах XV века встретилось около ста случаев, когда зависимое имя отделено от прилагательного другими словами. Чаще всего это глагол-связка: ...и всея священничьския *чти* да будет *лишенъ*... (Ак. ист., т. I, стр. 39); ...паче *млстнеею* бяше *млтвъ*... (Ипат. лет., стр. 921); ...ано, господине, въистину *всехъ* сми *человекъ окаяннее и грешнее*... (Ак. ист., т. I, стр. 56). Между прилагательным и зависимым от него именем может стоять и подлежащее, иногда с определением: ...аще *кому* се *непотребно* будетъ, да сущимъ по насъ оставимъ... (Лет. Авр., стр. 85); ...не *всемъ* вера *права* (Ак. ист., т. I, стр. 523); ...и *в той четверти* мати моя *волна*... (Ак. соц.-экон., стр. 387).

Иногда в совершенно аналогичных условиях в одном случае стоит сказуемое, в другом — подлежащее: ...а *съ кимъ* будеть *мирень* Король и Великий Князь Казимир, ино и мы съ тимъ мирны; в *съ кимъ* Король и Великий Князь *немиренъ*, ино и мы съ тимъ немирны... (Сб. Мух., стр. 11). В первом случае словосочетание *съ кимъ мирен* разделено сказуемым *будет;* во втором случае словосочетание *съ кимъ немиренъ* разделено подлежащим Король и Великий Князь. Встречаются единичные случаи, когда словосочетание разделяется и подлежащим, и сказуемым одновременно: А матери, которыи, *еи* сынъ будетъ *собръ*... тому дастъ свое (Лет. Авр., стр. 287—288). Подлежащее и сказуемое могут стоять и не рядом: ...а естьли *зъ нихъ* хто *кому* будетъ *виноватъ*... (Сб. Мух., стр. 96). Все три компонента словосочетания разделены.

Единичными случаями представлена и постпозиция определения к зависимому препозитивному имени существительному: ...но своими *доспехи* всеми *доволни* бяху (Моск. лет., стр. 288); но пребысть убо онъ *зверя* всякого *суровейши*... (Доп. ак., стр. 340). В единичных случаях разделяющим словом является наречие: ...и в *томъ* велми *скорбни* есмы (Ак. ист., т. I, стр. 500).

В текстах XVI века так же, как и в текстах XV века, чаще всего встречаются случаи, когда зависимое имя стоит непосредственно перед главным: хочет сам целует, что *в достали не виноват,* или исцу поверит (Суд. 1589, стр. 355); а которые *имъ приятны,* и те имъ сказываютъ тайно (Воск. лет., т. 8, стр. 293); холопъ *съ Бельскимъ ровенъ* (Ак. ист., т. I, стр. 385). Определение к зависимому слову, как правило, препозитивно: *многихъ бо даровъ достоинъ* бысть (Пов. о Стеф., стр. 169); и *въ всехъ странахъ славенъ быхъ* (Воск. лет., т. 8, стр. 285). Встречаются и такие случаи, когда к одному имени прилагательному относится несколько слов, все в препозиции: А мы *в чемъ передъ вами виновати,* и вы бъ насъ пожаловали простили, а вы *въ чемъ передъ нами виновати,* и васъ во всемъ Богъ проститъ (Ак. ист., т. I, стр. 406); а те деи меновные обжи *землею* и *пашнею* и *всякими угодьи* и *доходом ровны* (Доп. ак., стр. 90); *обычаемъ* же и *деломъ немилостивъ* (Соф. II. лет., стр. 124).

В текстах XVI века единично встречаются случаи, когда одно препозитивное имя относится к нескольким прилагательным: *къ злымъ страшенъ и яръ* бываше, *къ добрымъ же милостив и тихъ* бываше (Ник. лет., т. II, стр. 176). Встретились и такие случаи, когда несколько имен существительных, стоящих препозитивно, зависит сразу от нескольких имен прилагательных: А

ныне, государь, *от обид, и от волокиты наг и босъ и пешь* (Пересветов, стр. 80). Существительные *от обидъ* и *от волокиты* зависят сразу от трех имен прилагательных — *наг, бось, пешь*.

По-видимому, это явление новое. В текстах XV века не встретилось ни одного подобного случая. Во всем остальном качественных различий с XV веком не наблюдается. Однако они сразу же обнаружатся, если обратиться к случаям, где исследуемые словосочетания разделены другими словами. Во-первых, удельный вес подобных конструкций в текстах XVI века по сравнению с текстами XV века, возрастает. Если в текстах XV века эти конструкции в общем числе препозитивных конструкций составляли 25,6%, то в текстах XVI века их число возрастает до 27,1%. Изменяется эта группа и качественно, что можно видеть из следующей таблицы (данные указаны в процентах):

Член предложения, отделяющий прилагательное от зависимого слова	Век	
	XV	XVI
Подлежащее	33,8	27,6
Сказуемое (связка)	36,5	30,4
Согласованное определение	14,9	13,1
Наречное обстоятельство	5,4	8,7
Другие члены предложения	—	10,1
Несколько членов предложения одновременно	9,4	10,1

Как видно из таблицы, в текстах XVI века так же, как и в текстах XV века, есть случаи, когда между прилагательным и зависимым от него препозитивным именем стоит подлежащее: такова ли *вамъ* межа люба (Ак. юр., стр. 247); а *потрохомъ* семья *сыта* во всю осень (Домострой, стр. 81); коли мы царю не надобны и *намъ* царь не *надобенъ* (Воск. лет., т. 8, стр. 276).

Может разделять части адъективного словосочетания и связка: дети боярские и стрельцы *съ вами* были *готовы* (Доп. ак. стр. 176).

Однако удельный вес обеих групп в текстах XVI века снижается.

Снижается удельный вес и группы с постпозитивным согласованным определением к зависимому имени: бысть... *въ вере*

православной *крепок* (Ст. кн., стр. 131); и *чувьствии* душевными и телесными *благопотребен* есть (Пов. о Стеф., стр. 148). Если зависимое слово имеет два согласованных определения, то одно из них может быть препозитивным, другое постпозитивным и отделять главное слово от зависимого: всякому *созданию* Божию не *лихъ* буди (Домострой, стр. 12).

В отличие от этого резко возрастает удельный вес конструкций с разделяющим словом — наречием, которое зависит от тех же самых имен прилагательных, что и интересующее нас имя: Бе бо и самъ Цымисхий телеснымъ *подобиемъ* вельми *доброродень* (Ст. кн., стр. 13); *ратнымъ* же всегда *въ бранехъ страшенъ* бываше (Воск. лет., т. 8, стр. 53); онъ же *во* всемъ своемъ *писании* отнюдь *безответенъ* сый (Соф. II лет., стр. 249); *другим* же паки *неугоденъ* (Ак. ист., т. I, стр. 386). Рост подобных конструкций объясняется по-видимому, тем, что в XVI веке происходит усиленный рост адъективных словосочетаний вообще, в том числе и таких, где зависимым словом выступает наречие.

Новыми для XVI века являются и конструкции, где разделяющие слова — имена существительные в косвенных падежах (чаще с предлогами) с определительными, дополнительными и обстоятельственными значениями, — относящиеся к зависимому имени: в том царстве люди не храбры *къ бою* против недруга *не смелы* (Пересветов, стр. 75); *игуменьства* тоя обители *достоинъ* бывъ (Пост. о Ионе, стр. 28); *во бранехъ* же на супротивныя враги *страшенъ* бе (Ст. кн., стр. 190).

В текстах XVI века возрастает и удельный вес таких конструкций, в которых «разделяющими» являются сразу несколько членов предложения. Изменяется и качество этих конструкций. Если в текстах XV века разделяли адъективные словосочетания только подлежащее и сказуемое, то в текстах XVI века встречаются, кроме этого, и другие варианты (определение и обстоятельство, обстоятельство и подлежащее, подлежащее и дополнение и другие): *сему* убо есмъ азъ *непричастенъ* (Стоглав, стр. 21—22); старым же и новымъ *воемъ* русским добро *ратен* воевода (Каз. лет., стр. 136).

И, наконец, встретилось предложение, где в одном ряду с зависимыми существительными стоит инфинитив: избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ... *грамоте* бы и *чести* и *писати горазди* (Стоглав, стр. 59). Это тоже говорит о росте всевозможных адъективных словосочетаний в XVI веке.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в общей массе

конструкций с препозицией зависимого слова, отделенного от главного, число конструкций с именем прилагательным в полной форме ничтожно — четыре. Это свидетельствует о том, что соединение полных имен прилагательных с зависимыми словами еще не было достаточно крепким. Разделение их другими словами в большинстве случаев было невозможно, так как вело к распадению всего словосочетания. Распадение не происходило при кратких формах, поэтому они довольно легко допускали разрыв самыми разнообразными словами.

II.

Конструкции с постпозицией зависимых слов встречаются намного чаще конструкций с препозицией и в текстах XV, и в текстах XVI века: а купля же и мерила правая благословена суть и *приятна отъ Бога* (Ак. ист., т. I, стр. 60); И оттоле бяша видети очи его *полны слезъ* (Соф. I лет, т. 5, стр. 213); Старецъ же *недостоина себе* глаголаше и грешьна (Сказ. о старце, стр. 77); Да Подольска земля *обильна всемъ* (Аф. Ник., стр. 25); Царь есть *подобен еродиу* (Ак. ист., т. I, стр. 540); а был онъ *боленъ сердцем* недели съ две (Ак. ист., т. II, стр. 15); понеже бе многокозненъ человекъ и *огненъ дерзостию,* и *великъ телесемъ* (Каз. лет., стр. 20); младые бы люди не ужасалися... храбры *против недруга* были (Пересветов, стр. 74). Такие конструкции встречаются в самых разнообразных текстах и XV, и XVI веков. Однако в словосочетаниях, извлеченных из текстов XVI века, можно заметить и некоторые особенности.

Во-первых, удельный вес конструкций с постпозицией зависимых слов в текстах XVI века несколько уменьшается (с 65,2% до 58%), хотя количественно эта категория и возрастает. Происходит это за счет роста конструкций с препозитивными зависимыми словами. Их удельный вес соответственно повышается с 34,8% до 42%.

Во-вторых, в исследуемых словосочетаниях XVI века с постпозитивными зависимыми словами увеличивается удельный вес имен прилагательных в полной форме. Встречаются они в разнообразных памятниках: реку же убо азъ *подобная Давиду,* иже рыдая глаголаше... (Ак. ист., т. I, стр. 35); зажгоша мостъ на Днестр безаконьный лихый Семьюнько, *подобныи лисици, черьмности ради* (Ипат. лет., стр. 759); хранилища их *полнимъ тщи* обращаются (Лест., стр. 29); и поедаетъ его инокъ *дивий*

злохитроствомъ (Ак. ист., т. I, стр. 431); Имъ же бяше благочестию начальница *богомудрая въ женахъ* (Ст. кн., стр. 5).

Часто встречается и постпозиция зависимых слов при именах прилагательных в формах степеней сравнения. Как в текстах XV, так и в текстах XVI века подобные конструкции есть в самых разнообразных памятниках: а живете делающе злая *горше нечестивыхъ* (Ак. ист., т. I, стр. 490); ему чести *больши того* не хотелъ делати (Сб. Мух., стр. 78); аще бо и христиана нарицахуся, а дела ихъ бяху *горее неверныхъ* (Ник. лет., т. 12, стр. 132); оже ты даси выходъ *болши князя* Михаила Тверьского, а мы тебе княжение великое дадимъ (Воск. лет., т. 7, стр. 189); видение бо есть *вернейши слышаниа* (Пов. о Стеф., стр. 119).

Среди исследуемых словосочетаний с постпозицией зависимых слов большую группу представляют такие, в которых главное и зависимое слово разделены. В текстах XV века они составляют почти половину и встречаются в самых разнообразных памятниках. Чаще всего в текстах XV века словом, отделяющим главное от зависимого, является глагол-связка составного именного сказуемого: и *рад* быс *емоу* Болеславъ и Кондратъ и Локотко акы отцю своему (Ипат. лет., стр. 935); вся *возможна* сутъ *Богу* (Др. Рос. Вив., стр. 142); *сице же великъ* бе *в добродетелехъ* (О бесе Зер., стр. 203); купля неправедна и мерила лукаваа *мерзка* суть *Богу* (Ак. ист., т. I, стр. 60); *готови* будите *къ ответу* благу въпрашающимъ васъ (Ак. ист., т. I, стр. 161).

Среди остальных групп выделяется та, в которой разделяющим является препозитивное согласованное определение зависимого слова: а иного, странна и нова и *тужда* благочестивыя нашия православныя християньскыя *веры,* молихом его, не приносити къ намъ (Ак. ист., т. I, стр. 494); бракъ вашь честенъ съблюдется и *чистъ безъ* всякого *зазора* (Доп. ак., стр. 345); не азъ *повиненъ* твоей *смерти* (Пов. о мул. воев., стр. 400); Вера *равна* добрымъ *деломъ* (Пут. Зос., стр. 62). Другие группы представлены незначительным количеством случаев: И бысть, *люба* речь *князю* и всемъ людемъ (Лет. Авр., стр. 253); Бысть же та церковь *чюдна* велми *величеством* и *высотою, светлостью* и *звоностью* и *пространством* (Моск. лет., стр. 323—324).

Шире представлена группа, в которой разделяющими являются несколько слов одновременно: и *ради* быша Ятвязе *о мире.* (Ипат. лет., стр. 871); людие... *ради* быши вси *сему*

(Моск. лет., стр. 285); Вы же, нарочитии града, молю вы, *доволны* бывайте своими *урокы* (Ак. ист., т. I, стр. 60).

В текстах XVI века структура анализируемых словосочетаний, в которых главное слово отделено от зависимого, несколько иная. Если основываться на количестве, то можно видеть, что группы образуются почти так же, как и в XV веке. Самая большая та, где разделяющим является сказуемое: яко отци и деды наши всегда *мир ни* бываху *съ Витовтомъ,* также и азъ (Твер. лет., стр. 476); Самъ же *воздержателенъ* бе *от объядения и пьянства и* от плотских *сладострастий* (Ст. кн., стр. 173); сего ради всякъ книжникъ, научився царствию небесному, *подобенъ* естъ *человеку* домовитому (Пов. о Стеф. стр. 134); ...всяко бо писание богодуховное *полезно* есть *ко учению,* и *ко обличению,* и *ко исправлению* и *наказанию* (Ак. ист., т. I, стр. 432); темь *благосерденъ* буди *о насъ* (Ак. собр. стр. 21).

Вторую группу образуют такие, в которых разделяющим является определение, согласованное с зависимым словом: ту бо суть Турецкий царь Махмет-салтанъ самъ былъ философъ *мудрый* по своимъ *книгамъ* по турецкимъ (Пересветов, стр. 71); и да не погибнет братъ *немощный въ* том *разуме* (Письма, стр. 15); и тотъ, Государь, кашевар *болен* чернымь *недугомъ* (Ак. ист., т. II, стр. 15); А по моему, государь, худому уму, ино, государь, *пригожи къ* тому *делу* (Доп. ак., стр. 364).

Остальные группы представлены небольшим количеством случаев: *Дивен* Богъ *во святыхъ* своихъ (Пов. о Мих., стр. 48); И бысть *великъ* той бесъ *у сатаны* (Лег. о винок., стр. 138), ни едино же слово *довольно* наше *къ похвалению* чудесъ твоихъ (Каз. лет., стр. 171); *божественень* божественныхъ *ученикъ* быша (Письма, стр. 56).

Такой анализ можно сделать, если говорить о количественном составе групп.

Качественно же эти группы несколько изменяются. Изменяется и удельный вес отдельных групп в общей сумме исследуемых словосочетаний XVI века, в которых главное слово отделено от зависимого. Это можно видеть на таблице на следующей странице (результаты даны в процентах).

Таблица показывает, что в XVI веке происходит частичное изменение порядка слов в предложении вообще и в исследуемых словосочетаниях в частности. Во-первых, значительно уменьшается удельный вес той группы, в которой главное и зависимое слово отделены друг от друга несколькими членами предложения одновременно, ибо такая конструкция предложе-

Член предложения, отделяющий прилагательное от зависимого слова	Век	
	XV	XVI
Подлежащее	7,4	5,6
Сказуемое (связка)	45,4	47,3
Согласованное определение к зависимому слову	19,1	25,7
Согласованное определение к слову, не входящему в данное словосочетание	2,7	0,3
Наречное обстоятельство к главному слову	2,7	3,2
Другие члены предложения к зависимому слову	0,4	0,8
Несколько членов предложения одновременно	25,0	17,1

ний нередко создает двусмысленность. Во-вторых, значительно увеличивается удельный вес группы, где разделяющим словом является определение, согласованное с зависимым существительным, что свидетельствует об усложнении исследуемых словосочетаний и об укреплении связи между главным словом и зависимым. Наличие определения, согласованного с зависимым словом, не разрывает эту связь. В-третьих, увеличивается удельный вес словосочетаний, в которых разделяющим компонентом становится наречие, зависимое от главного слова, что также подтверждает развитие, усложнение данных словосочетаний и укрепление связи между прилагательным и зависимым от него существительным.

В XVI веке резко возрастает способность имен прилагательных к управлению [5]. По всей видимости возрастает и способность прилагательных присоединять к себе примыкающие слова. Этим объясняется количественный рост всевозможных адъективных словосочетаний в XVI веке. Вместе с тем несколько меняется и направление этой силы. В XVI веке прилагательное значительно охотнее, чем в XV веке, присоединяет к себе препозитивное зависимое имя.

Этим можно объяснить тот факт, что группа с препозицией зависимого имени растет в XVI веке интенсивнее, чем группа с постпозитивным зависимым именем. Повышением способности к управлению объясняется и рост полных форм в данных конструкциях XVI века. Но интенсивность роста полных прилагательных в группе с препозицией зависимого имени больше, чем в группе с постпозицией.

Стремление к препозитивному расположению зависимого имени приводит к некоторому изменению порядка слов в XVI веке, о чем говорит следующая таблица (результаты анализа даны в процентах):

От чего зависит разделяющее слово	Век			
	XV		XVI	
	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
От главного слова	5,4	4,5	21,5	5,2
От зависимого слова	12,3	26,1	15,3	30,9
Не зависит от членов словосочетания	82,3	69,4	63,2	63,9

Как видно из таблицы, в XVI веке резко возрастает удельный вес словосочетаний, где в препозиции к главному слову стоят по меньшей мере два зависимых, чаще всего существительное и наречие.

Увеличивается удельный вес словосочетаний, где разделение прилагательного и зависимого от него имени происходит за счет усложнения конструкций. Чаще всего «усложняющий» компонент — местоимение, прилагательное, причастие, зависимое от имени существительного, или наречие, зависимое от прилагательного.

Интересно, что в XVI веке увеличивается и количество наречий, которые могут быть «разделяющими». Если в текстах XV века их встречается только два — *вельми* и *зело,* то в текстах XVI века их уже десять — *вельми, зело, борзо, ныне, воистинну, добро, добре, паки, всегда, отнюдь.* Вместе с тем наблюдается стремление к контактному расположению членов словосочетания, что приводит к снижению удельного веса таких словосочетаний, где разделяющим было «постороннее» слово.

Представляют интерес и такие конструкции, где в одном предложении встречаются несколько исследуемых словосочетаний, одни из которых с препозицией, другие — с постпозицией зависимых слов: Государь нашъ старший леты, а вашъ Госу*молодший летыш* хотя нашъ Государъ *молодший леты,* а *ничымъ* его милостъ *во чти не меньший* (Сб. Мух., стр. 60).

В текстах XVI века они употребляются часто тогда, когда проводится сопоставление и противопоставление: Бяше бо *нравомъ кротокъ, молчаливъ же во всемъ* (Ст. кн., стр. 323); Яко

же он *враждебенъ* есть *намъ* тако и мы *къ нему враждебни* (Ст. кн., стр. 204); ...азъ бо *не радъ* есмь *злу* братьи своей, но *добру* есмь радъ (Воск. л., т. 7, стр. 2); Царь же *кротокъ* и *смиренъ на царстве* своемъ, царство его оскудеетъ, слава его низится. Царь *на царстве грозенъ* и *мудръ,* царство его ширеетъ (Пересветов, стр. 70—71). В первых двух случаях дано сопоставление, в двух последних — противопоставление. И то, и другое выступает ярче благодаря разному порядку слов в словосочетаниях. Этот прием встречается и в текстах XV века, но очень редко.

Особую стилистическую задачу могут выполнять и смешанные конструкции, когда при имени прилагательном есть и препозитивные и постпозитивные зависимые имена *(того ради повинен муце; мне же покорен вашимъ дръжавствомъ).*

Иногда постпозитивное зависимое имя носит характер повторения, уточнения того, о чем говорит препозитивное: и мы *тому ради вашему здоровью* (Рус. — лив., ак., стр. 231).

Есть случаи, где препозиция и постпозиция зависимых членов используется для сопоставления и противопоставления: *милости достоинъ* есть таковы, *а не муце и казни* (Каз. лет., стр. 165).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ак. ист. — Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. I—II. СПб., 1841.

Ак. собр. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедицией Императорской Академии Наук. Т. II, СПб., 1836.

Ак. соц.-эк. — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I, М., АН СССР, 1952.

Ак. юр. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. I, СПб., 1857.

Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472 гг.), М.—Л., АН СССР, 1948.

Воск. лет. — Воскресенская летопись. — ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856; т. 8. СПб., 1859.

Домострой — Домострой. Изд. 2. Одесса, 1887.

Доп. ак. — Дополнение к актам историческим. Т. I, СПб., 1846.

Др. Рос. Виф. — Древне-Российская Вифлиофика. Ч. XIV, М., 1790.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. Изд. 2. — ПСРЛ. Т. 2, СПб., 1908.

Каз. лет. — История о Казанском царстве (Казанской летописи).—ПСРЛ. Т. 19, СПб., 1903.

Лег. о винок. — Легенда о происхождении винокурения. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. Вып. I СПб., 1800.

Лет. Авр. — Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. — ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889.

Лест. — Лествица. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. В. III. СПб., 1862.

Моск. лет. — Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ, т. 25. М.—Л., АН СССР, 1949.

Ник. лет. — Летописный сборник, именуемый патриаршею или никоновскою летописью. — ПСРЛ. Т. II. СПб., 1897; Т. 12, СПб., 1901.

О бесе Зер. — О бесе Зерефере. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. В. I, СПб., 1860.

Пересветов — Сочинения И. П. Пересветова. — В кн.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI века. М., 1908.

Письма — Письма князя А. М. Курбского к разным лицам. СПб., 1913.

Пов. об Ионе — Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. В. IV. СПб., 1862.

Пов. о Мих. — Повесть о Михаиле Клопском, — В кн.: Памятники старинной русской литературы. В. IV. СПб., 1862.

Пов. о мул. воев. — Повесть о мультянском воеводе Дракуле. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. В. II. СПб., 1860.

Пов. о Стефане — Повесть о Стефане, епископе Пермском. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. В IV. СПб., 1862.

Пут. Зос. — Путешествие Иеродиакона Зосимы по святым местам в 1420 г. — В кн.: И. Сахаров. Путешествие русских людей в чужие земли. Ч. 2. Изд. 2, СПб., 1837.

Рус.-лив. ак. — Русско-ливонские акты. СПб., 1868.

Сб. Мух. — Сборник Муханова. Изд. 2, СПб., 1866.

Сказ о старце — Сказание о старце, низведшем дождь с неба. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. В. I. СПб., 1860.

Соф. I лет. — Софийская первая летопись. — ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851; Т. 6. СПб., 1853.

Сов. II лет. — Софийская вторая летопись. — ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.

Ст. кн. — Книга степенная царского родословия. Ч. I — ПСРД. т. 21. СПб., 1908.

Стоглав — Стоглав. Изд. 2-ое, Казань, 1887.

Суд. 1550 — Судебник 1550 года.—В кн.: Судебники XV—XVI вв. М.—Л., АН СССР, 1952.

Суд. 1589 — Судебник 1589 года. — В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., АН СССР, 1952.

Твер. лет. — Летопись тверского княжения. — ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] См., например, Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3, ч. II, М., 1869, стр. 373; Востоков А. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной полнее изложенная. Изд. 2, СПб., 1835, стр. 347; Э. В. Самосюк. Сочетание прилагательного с зависимым от него существительным в современном русском литературном языке. Канд. дисс. Машинопись. Ростов-на-Дону, 1954, стр. 202; Н. Н. Прокопович. Адъективные словосочетания в современном русском языке. Докт. дисс. Машинопись. М., 1955; В. И. Остапенко. Расположение определений по отношению к определяемому слову в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. Автореферат канд. дисс. М., 1966.

[2] См., например, В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века. — В кн.: Уч. зап. Ярослав. гос. пед.

ин-та. В. IV. Русское языкознание, 1944, стр. 40; С. М. Вачнадзе. Некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка. В кн.: Труды Тбилис. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина. IX. 1952, стр. 7; Л. А. Булаховский: Курс русского литературного языка. Т. II, Киев, 1953, стр. 376—388.

[3] Для исследования привлекались тексты различных жанров. Выборка проводилась сплошная.

[4] Орфография примеров приближена к современной.

[5] См. об этом в статье: А. А. Шумилова. Новое в приадъективном управлении XVI века. «Вопросы теории и истории русского языка». Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967.

А. А. Данилов

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УДАРЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Диалектное ударение в целом и ударение глагольных форм в частности почти не изучено. А между тем теоретическое и практическое значение исследования систем диалектного ударения трудно переоценить. Ударение связано буквально со всеми сторонами языка, поэтому изучение ударения помогает выявить специфику других языковых явлений. Известно также, что значительная доля орфоэпических погрешностей представлена различного рода нарушениями литературных акцентуационных норм под влиянием диалектного ударения. Вполне естественно, что борьба с акцентными диалектизмами будет вестись тем успешнее, чем бóльшими данными о диалектном ударении мы будем располагать.

Настоящая статья, представляющая собою часть кандидатской диссертации автора, основана главным образом на материалах южновеликорусских говоров, из которых всестороннему анализу подвергается говор деревни Дулово Белёвского района Тульской области, хорошо известный автору, родившемуся и долго жившему в этой деревне. Статья посвящена лишь таким особенностям словесного ударения глагольных форм исследуемого говора, которые обусловлены спецификой их образования или отличным от литературного ударением инфинитива; ударение причастий и деепричастий при этом не анализируется.

Рассмотрению конкретного материала необходимо предпослать некоторые общие замечания об ударении глагола.

Внутри глагола не только по образованию и употреблению, но и в отношении закономерностей размещения ударения в нашем говоре, как и в литературном языке, противопоставлены в первую очередь спрягаемые (Verbum finitum) и неспрягаемые

(Verbum infinitum) формы. Все изменяемые глагольные формы, подобно большинству изменяемых форм других частей речи, распределяются по трем основным акцентуационным группам — баритонированной (неподвижное ударение на основе), окситонированной (неподвижное ударение на окончании) и подвижной. Однако условия, при которых схемы ударения тех или иных глагольных форм считаются подвижными, для разных глагольных форм различны. Этим глагол отличается, например, от имен существительных, в которых тип ударения распространяется на всю лексему.

Не имея возможности подробно остановиться на освещении в акцентологии сложного и спорного вопроса о сущности подвижности — неподвижности ударения, здесь заметим только, что, на наш взгляд, ударение следует считать неподвижным, если оно в пределах однотипных (однородных) неосложных форм слова падает на один и тот же слог (морфему); ударение необходимо считать подвижным, если оно в пределах тех же форм падает на разные слоги (морфемы) [1]. Данное определение подвижности—неподвижности ударения распространяется только на ударение словоизменения, которое можно называть парадигматическим, имея в виду его местоположение в рамках парадигмы, т. е. однотипных форм данного слова. Так называемое «словообразовательное ударение» [2], не имеющее, строго говоря, к словесному ударению никакого отношения, в настоящей статье рассматривается только в тех случаях, когда отличное от литературного ударение глагольных форм исследуемого говора обусловлено влиянием ударения соответствующих производящих словоформ [3]. При определении схем ударения мы везде исходим из так называемого условного ударения [4].

Применительно к глаголу вопрос о неподвижности — подвижности ударения должен решаться отдельно для форм настоящего (будущего простого) времени, прошедшего времени, повелительного наклонения, сослагательного наклонения, полных причастий, кратких причастий, деепричастий. Ударение форм инфинитива, как начальных (исходных, словарных) форм глагола, может лишь использоваться для сопоставления с ударением других глагольных форм, облегчения формулировки ряда правил размещения ударения в этих формах, но не для определения типа ударения последних [5]. То же самое можно сказать, о любой глагольной форме, с ориентировкой на которую формулируется правило размещения ударения в другой форме.

Установление определенных акцентных соотношений между

всеми глагольными формами, начало чему положил еще А. Х. Востоков[6], идеи которого плодотворно развил Я. К. Грот[7], несомненно, имеет большое теоретическое и практическое значение, однако, повторяем, подобные соотношения между неоднотипными формами ни в коей мере не должны предопределять решение вопроса о типе ударения в тех или иных формах. Из того, например, что в формах 1-го лица единственного числа настоящего (будущего простого) времени ударение в абсолютном большинстве случаев падает на тот же слог, что и в инфинитиве[8], вовсе не следует, что глаголы, у которых ударение в формах настоящего (будущего простого) времени падает на иной слог, чем в инфинитиве, имеют в этих формах подвижное ударение[9].

Поэтому представляются неприемлемыми любые формулировки, согласно которым вопрос о неподвижности — подвижности ударения решается при сопоставлении местоположения ударения в разнотипных формах[10].

Наконец, особенно следует подчеркнуть, что неподвижным или подвижным ударением называется лишь такое, которое в пределах однотипных неодносложных форм слова *падает* (помещается, располагается, находится и т. п.) на один и тот же (неподвижное ударение) или на разные слоги (подвижное ударение). Ставшие привычными формулы о том, что подвижное ударение *перемещается*, *переходит*, *переносится* и т. п. с одного слога на другой, даже как метафоры должны быть признаны по меньшей мере неточными, а для ряда случаев — заведомо неверными. О *перемещении* ударения можно говорить только тогда, когда это перемещение действительно имело место в *истории* языка. Поскольку же во многих случаях очень трудно решить, какое ударение является исконным, а какое перемещенным, целесообразнее при определении подвижности — неподвижности ударения говорить лишь о месте ударения в настоящее время, считая это место как бы постоянно закрепленным за данным слогом (данной морфемой) данной словоформы. И уж совсем неудачны столь же ходовые и привычные формулировки о переносе ударения с одних форм на другие. Подобные формулировки алогичны и, как правило, антиисторичны: если бы ударение переносилось с одной формы на другую, то первая форма должна бы была стать безударной, а вторая, если не была до того безударна, должна была бы иметь два ударения.

Большинство глаголов, известных нашему говору, во всех однотипных формах, как и в литературном языке, имеет непод-

вижное ударение, чаще всего помещаемое на основе и по месту совпадающее с литературным. Однако и среди глаголов, которым в литературном языке свойственно неподвижное ударение, встречается немало таких, ударение в которых у нас отличается от литературного. Еще больше подобных глаголов среди тех, которые в литературном языке имеют подвижное ударение.

Заметим здесь, что в нашем говоре, как и в литературном языке, в формах 2-го лица множественного числа настоящего (будущего простого) времени и повелительного наклонения ударение никогда не падает на конечный слог. Глаголы совершенного вида с приставкой *вы-* во всех формах имеют неподвижное ударение на этой приставке. Отмеченные положения ниже больше не оговариваются, а глаголы с приставкой *вы-* не приводятся.

Ниже рассматриваются особенности ударения тех глагольных форм, которые были упомянуты в начале статьи.

УДАРЕНИЕ ГЛАГОЛА, ОБУСЛОВЛЕННОЕ ОСОБЕННОСТЯМИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ГОВОРА

1. Ударение, обусловленное особенностями образования неопределенной формы глагола

Среди глаголов, ударение в которых не совпадает с литературным вследствие особенностей образования в говоре инфинитива, выделяется, во-первых, группа глаголов, ударение в которых отличается от литературного, как правило, только в инфинитиве, совпадая с литературным во всех остальных формах. Речь идет о глаголах 4-й непродуктивной группы на *-сти, -ти,* у которых по аналогии с другими глаголами данной группы инфинитив обычно не оканчивается на *-сти, -ти,* и о некоторых глаголах, занимающих обособленное положение в системе спряжения [11]. Таковы глаголы *везти, вести, грести, мести, нести, расти, трясти, цвести* и др. и производные от них, а также *бечь* [12], *идти,* с их производными и приставочные глаголы, образованные от *-шиби́ть.*

Из глаголов 4-й непродуктивной группы сюда не войдут только *пасти* («присматривать за скотом и птицей на пастбище»), *блюсти, грясти, мясти, обрести.* Четыре последних, как книжные и для литературного языка, нашего говору совершенно неизвестны, а вместо первого обычно употребляется *стире́ч.* Малоупотребителен в говоре и глагол *гнести* [13].

Приведем некоторые примеры: *(да-, за-, на-, ад-, пири-, па-, при-, пра-, у-, уз-) брéсь* (М и др.) [14]; *(да-, за-, на-, аб, ат-, пири-, па-, пад-, при-, пра-, раз-, с-, у-), вéсь, узвéсь (ввезти)*: Нéкуда бы́ла *весь* (М), Тибé дамóй *давéсь*? (Барм), Идé ш так *давéсь!* (т. А.), Нюспéим *пиривéсь* (М), дров нáда *привéсь* (М), *правéсь* (М), Мыявó грачя́ паймáл/ и хатéл *увéсь* (ВК); *(да-, за-, из-, на-, аб-, ат-, пири-, па-, пад-, при-, пра- раз-, с-, у-) вéсь узвéсь* (ввести): у́лицыми глухи́ми прихади́лась иё *весь* (М), ны ринген *весь* (М), парóдистых кур нáда *завéсь* (М), ср. и в частушке: ни магу́ сибé *завéсь*, нáда иё *атвéсь* дамóй, нáда ло́шать ишó *привéсь, правéсь* (М), А *развéсь* та (пенициллин) ка́гжа? (ПБ); *(да-, на-, аб-, ад-, па-, пад-, при-, пра-, раз-, з-) грéсь:* стал рука́ми *гресь*, сéна *гресь*/ и салóму *гресь*/ и зёрны гресь мóжна// (М), Сéна *гресь*// Пайдём сéна *гресь*// (М), *падгрéсь*/ *разгрéсь* нáда// (М), нáда зёрны *згресь* (М, 5 р.); *(да-,* за-, *на-, аб-, ат-, па-, пад-, пра-, раз-, с-) мéсь:* нáда пол *падмéсь* (М), дарóшку нáда *прамéсь* (М), нáда (рожь) *смесь* (М); *(ваз-, да-, за-, на-, аб-, ат-, пири-, па-, пад-, при-, пра-, раз-, с-, у-) нéсь, узнéсь* (внести): Илю́шки абéдать нáда *несь*// (М), А у другóй рас уш пыбаялси *несь*// (ВК), Он (цыпленок) бу́дить па двáтцать штук ийи́ц *несь* за́ динь/ кусóк сáла/ и палéна дров! (Барм), табé ни *данéсь* (М), Ана́ далжна́ миné *принéсь* (Р), Нáвлыку *принéсь?* (КА, 2 р.), Нáда пайди́ть зы карвéгай схади́ть/ *принéсь* (М. 3 р.), мох *принéсь* даждя́ (КИН), нáда свиньй *снесь* (М), нáда драва́ у хáту *узнéсь* (М); *(да-, за-, на-, ап-, па-, пат-, при-, пра-, с-, у-) плéсь:* лáпти *(да-, па-, пат-, пра-, с-) плéсь* (М), плитéнь *заплéсь*, плятýшак *наплéсь*, гарóжу *апплéсь*, чюгýн картóх *уплéсь* и т. п. (М и др.); *прибрéсь* (приобрести): Типéрь ишó сóшычку *прибрéсь* (М), *приабрéсь* (М); *рассвéсь:* скóра далжнó *рассвéсь* (М и др.); *(да-, за-, на-, ап-, ат-, пири-, па-, пат-, пра-, рас-, са) скрéсь*: нáда сéна *(да-, за-, на-, ат-, пири-, па-, пат-, пра-, рас-) скрéсь* (М и др.), нáда капнý *апскрéсь* (М и др.), ср. и поговорку: Христóс васкрéс! Нильзя́ ли с вас и(й)и́чка *саскрéсь?*; *(да-, за-, на-, ап-, ат-, пири-, па-, пат-, пра-, рас-, с-, у-) трéсь:* Другóй рас ни бу́диш *тресь!* (М и др.), *Датрéсь* уш нáда éту игру́шу (М), Если *затрéсь*/ то я́блыки пасы́пютца (М, и др.), яблак нáда *натрéсь* (М и др.) и т. п.; *(да-, за-, а-) твéсь:* игру́ша стала *твесь*, пара́ *(да-, за-, а-) твéсь* (М и др.) и т. п.; *(да-, за-, на-, аб-, ат-, пири-, па-, пад-, при-, пра-) рóсь, узрóсь* (возрасти): лу́тчи *рось* бу́дить, табé ды нявó ни *дарóсь*, ды ка́гжа ни *зарóсь* лéсом/ кадá там зимля́ ни пáшытца! (М и др.), мóжыть *прирóсь* (М), авсý пара́ уш *праро́сь* (М

и др.) и т. п.; (*а-, ат-, да-, за-, на-, пири-, па-, пад-, при-, пра-, з-, у-,)бе́ч, узбе́ч* (вбежать и взбежать): на́да (*а-, ат-, да-, за-, на-, пири-, па-, пад-, при-, пра-, з-, у-)бе́ч, узбе́ч* (М и др.) и т. п.; (*ат-, за-, пат-, при-, пра-, раш-, ш-)шы́ч*: так ы *зашы́ч* нидо́лга (М и др.), гылаву́ каму́-нибуть *прашы́ч* стано́виш? (М), *шшыч* (М, 3 р.) и т. п.

В инфинитиве глаголов *ползти, пасти* («припасать, копить»), *спасти, идти* и производных от них ударение в говоре, как и в литературном языке, падает на второй слог, но на иную морфему.

Глагол *ползти* и производные от него в инфинитиве (а также в формах мужского рода прошедшего времени и сослагательного наклонения) имеют в нашем говоре полногласные формы с ударением на втором элементе полногласия: (*ат-, ды-, зы-, пири-, пы-, пыт-, при-, пры-, с-, у-*) *пало́сь, успало́сь* (вползти): стара́юсь *дыпало́сь* (В), на́да ш куда́ *зыпало́сь* (М), ни успе́л (*ат-, пири-, пы-, пыт-, при-, пры-, у-*) *пало́сь* (В, М, О и др.), ни далжно́ *спало́сь* (М и др.) и т. п.

Глаголы *пасти, спасти, идти* и производные от них имеют в нашем говоре инфинитивы на *-ить* с ударением на суффиксе основы инфинитива *-и-*: (*зы-, ны-, при-*) *паси́ть:* типе́рь ка́жняй сибе́ *паси́ть* (М), на́да дров (*зы-, ны-, при-*) *паси́ть* (М и др.); типе́рь яво́ ни *спаси́ть* (М и др.) и т. п.; *иди́ть* (М, 5 р., Бор. ВК, 4 р., АТИ, т. Н., А, ПБ и мн. др.), *ити́ть* (т. Л), *ийти́ть* (КА), *абайди́ть* (М и др.), *атайди́ть* (М и др.), *дайди́ть* (М и др.), *зайди́ть* (М и др.), *пайди́ть* (М и др.), *пирийди́ть* (М и др.), *пириди́ть* (М) *пайди́ть* (М, 3 р. и др.), *пади́ть* (М), *пыдайди́ть* (М и др.), *приди́ть* (М и др.), *прайди́ть* (М и др.) *сайди́ть* (М и др.), *уйди́ть* (т. Г, М, 15 р. и мн. др.), *уйти́ть* (Ах), *узайди́ть* (взойти и войти) (М и др.).

Под влиянием литературного языка и речи некоторых носителей говора у глаголов 4-й непродуктивной группы и глагола *идти* с производными появляются формы инфинитива на *-ти*: узя́лси Бо́рькя *пирвисти́* сало́му (В. Шк.), приста́ли... *принисти́* яво́ (КИН), ришы́л *палсти́* (В), стара́юсь *дыпалсти́* ды кусто́в (В), лиж бы/ как гывари́тца/ *спасти́* сваю́ жысь// (В), ста́ли *расти́* (ВК) и т. п.; *итти́* (М, ВК, 3 р., КИН и др.) *найти́* (М), *пайти́* (М, 2 р., ВК, КИН).

Возможные возвратные глаголы, образуемые от приведенных выше глаголов 4-й непродуктивной группы, оканчивающихся в инфинитиве на *-сь* (в результате выпадения суффикса *-ть*

в конечном сочетании *-сть*), а также глагола *беч*, оканчиваются в нашем говоре на *-сса* (в результате ассимиляции согласных), а при восстановлении суффикса инфинитива *-т-* между конечным согласным основы и данным суффиксом появляется *ы*: *разбре́сса (разбре́сытца), разве́сса (разве́сытца), не́сса (не́сытца), скре́сса (скре́сытца), тре́сса (тре́сытца), разро́сса (разро́сытца)*, рыспало́сса (рыспало́сытца); разбе́сса (разбе́сытца) и т. п.[15].

От глагола *ошибиться* инфинитив — *ашы́тца:* Там *ашы́тца* мине́ не́гди бы́ла (М) [16].

От глаголов, производных от *пасить* и *идить*, инфинитивы возвратных глаголов образуются так же, как от любых других глаголов на *-ить*: *спаси́тца* (М и др.), *прайди́тца* (М и др.), *рызайди́тца* (М и др.), ср. и в частушке: Да́йтя/ да́йтя шы́ри кру́гу/ да́йтя *рызайди́тца*//, *сайди́тца* (М и др.) и т. п.

Все приведенные выше глаголы в спрягаемых формах, образованных от основ настоящего-будущего простого времени, в исследуемом говоре, как и в литературном языке, имеют неподвижное ударение на окончании (в формах повелительного наклонения — на суффиксе *-И*) [17]: *брядý, бридёш, бридёть, бридём, бридётя, брядýть*; *бриди́(тя)* [18]; *вязý, визёш, визёть, визём, визётя, вязýть; визи́(тя)* и т. п.; *пашý, паси́ш, паси́ть, паси́м. паси́тя, пася́ть; паси́(тя)* и т. п.; *спасý, спасёш, спасёть, спасём, спасётя, спасýть; спаси́(тя); бягý, бяги́ш (бяжы́ш), бяги́ть (бяжы́ть), бяги́м (бяжы́м), бяги́тя (бяжы́тя), бягýть*; *бяги́(тя), (бяжы́, бяжы́тя)* и т. п.; *идý, идёш, идёть, идём, идётя, идýть; иди́(тя)* и т. п.; *зышыбý, зышыбёш, зышыбёть, зышыбём, зышыбётя, зышыбýть*; ни *зышыби́(тя)* и т. п.

Все глаголы 4-й непродуктивной группы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-сь*, а также глагол *иди́ть* и производные от него с приставками имеют в нашем говоре неподвижное ударение на окончании и в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения. При этом формы прошедшего времени и сослагательного наклонения глагола *иди́ть* в говоре двусложны, а формы мужского рода прошедшего времени и сослагательного наклонения глагола *пало́сь* с его производными, как отмечалось выше, — полногласны с ударением на втором элементе полногласия: *брёл, бряла́, брили́ (ба); вёс (вёз ба), вязла́, визли́ (ба)* и т. п.; *ишо́л, ишла́, ишли́ (ба)* и т. п.; *пало́с* (0, 2 р.), *атпало́с* (В), *зыпало́с* (О), *пыпало́с* (В, О, т. Г), *припало́с* (В. О), *упало́с* (М); *дыпало́з ба* (В и др.) и т. п.; но ср. *дапо́лс* (КИН), *атпалзла́ (ба), припалзла́ (ба)* (М и др.), усё *пыспалз-*

ло́ (ба) (И и др.), *атпалзли́ (ба), припалзли́ (ба)* (М и др.) и т. п.

Формы прошедшего времени и сослагательного наклонения глагола *паси́ть* и производных от него имеют в нашем говоре неподвижное ударение на суффиксе *-и-: (зы-, ны-, при-, с-) паси́л, -ла, -ли (ба)*, однако от глагола *спаси́ть* более употребительны формы *спа́с, -ла́, -ли́ (ба)*.

У глаголов *зашы́ч, прашы́ч* и др. с корнем *-шы́ч (-шыб)* ударение в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения падает на корень: *зашы́п, зашы́бла, зашы́бли (ба)* и т. п.[19].

Местоположение ударения в спрягаемых формах возвратных глаголов совпадает с его местоположением в соответствующих невозвратных глаголах: *нясу́сь, нисёсси, нисётца, нисёмси, нисётясь, нясу́тца; нися́сь, нися́тясь, нёсси, няслась, нясло́сь, нисли́сь; нёсси ба, нясла́зь ба, нясло́зь ба, нисли́зь* ба и т. п.

В результате сложной морфологической структуры глагола *останавливаться* в говоре возможно его упрощение в инфинитиве с перемещением ударения: *Астынавля́тца* та сты́дна! (т. Л), но обычно: *астана́вливыюсь, астана́вливыисси* и т. д.; ни *астана́вливыйси*, ни *астана́вливыйтися* (ни *астана́вливыйтясь*); *астана́вливылси, -лась, -лись; астана́вливылси ба, астана́вливылазь ба, астана́вливылизь ба.*

Вторую разновидность составляют такие глаголы, у которых ударение, обусловленное особенностями образования в говоре инфинитива, оказывается отличным от литературного во всех формах. Здесь прежде всего выделяется группа глаголов I-го продуктивного класса, у которых в говоре выпадают во всех формах суффиксы *-ыва-, -ива-*, по аналогии с глаголами того же класса, лишенными этих суффиксов. Наиболее часто без суффикса *-ыва-* употребляются приставочные глаголы несовершенного вида с корнем *клад-*[20]: *дыкладáть, дыкладáю* (В, 2 р.), *дыкладáить* (В), *зыкладáть* (М, 2 р.), *зыкладáю* (В, М), холсты́ *зыкладáли* (М, 2 р.), *пиркладáть* (Ж), *пиркладáю* (М и др.), *складáть* снапы́ (М), учяра́ *складáла* (М), шшóчки *укладáють* (М), Би́ла эт у сирётку *укладáитца* (М), *аткладáть* и даже *атлажáть* (НЕ). Последняя форма является крайне редкой для говора. Она вполне может быть квалифицирована как гиперурбанизм, вызванный аналогией с *атлажы́ть*. С суффиксом *-ыва-* глаголы с корнем *клад-* употребляются в говоре значительно реже, чем с суффиксом *-а-:* Хыть *зыкладáть* /хыть *закла́дывать*// ет адно́ и то жа// зылажы́ть/ *закла́дывать (М).*

У некоторых глаголов I-го продуктивного класса формы с суффиксами *-ыва-* и *-а-* в настоящее время в говоре используются едва ли не на равных основаниях, хотя в прошлом формы с суффиксом *-а-* были более употребительны, о чем свидетельствует их преобладание у тех носителей говора, речь которых менее подверглась влиянию литературного языка: *зыгата́вливать*/ хыть и *зыгытавля́ть* мо́жна// (М), *пыдгата́вливать* и *пыдгытавля́ть* (М), *пригата́вливать* и *пригытавля́ть* (М), *апара́жнивать* и *апыражня́ть* (М), а также новые для говора и малоупотребительные в нем глаголы *срашша́ть* и *сра́шшывать* (В), *учи́тывать* (И) и *ущита́ть:* ны прыизво́тстви *ущита́ють*/ и тут *уващту́ть*// (т. Г). Однако и сейчас употребительнее *выдумля́ть* (Т. Смет), *выдумля́ить* (А) ни *выдумля́й* (Н. бр) и т. п., чем *выду́мывать, выду́мывыить,* ни *выду́мывай* и т. п.

Наряду с отмеченным аналогическим воздействием со стороны глаголов I-го продуктивного класса без суффиксов *-ыва-, -ива-,* возможно обратное аналогическое воздействие, в результате чего нами зафиксирована форма *раствáривыють* (т. А) при широко распространенном в говоре инфинитиве *рыстваря́ть.*

Глаголам *(по)исповедать(ся),* долгое время в литературном языке принадлежавшим не к III-му, а к I-му продуктивному классу[21], в нашем говоре соответствуют: *спывяда́ть* (т. Г, 2 р., М), *спывяда́тьа* (М), *пыспывяда́ть, пыспывяда́тца* (М) и *спаве́дывать* (т. Г, 2 р.), *спаве́дывытца* (М), на́да *пыспаве́дывать* (М); соответственно — *спывяда́ю, спывяда́иш* и т. п.; *спаве́дываю, спаве́дывыиш* и т. п. В настоящее время эти глаголы в говоре употребляются лишь в рассказах о прошлом или в переносном значении «сильно ругать, устраивать головомойку».

Литературному глаголу III-го продуктивного класса *анатоми́ровать* в говоре соответствуют *нытами́рывать* и *нато́мить.* Тот и другой (последний чаще) употребляются обычно лишь в формах инфинитива и множественного числа прошедшего времени: *нытами́рывыли* (Нюня), *нато́мили* (М). Еще менее употребителен глагол *сухлёрить* (О), возникший в говоре совсем недавно.

Указанные выше глаголы I-го и III-го продуктивных классов имеют в нашем говоре во всех спрягаемых формах неподвижное ударение, падающее на тот же слог, что и в инфинитиве.

Другие случаи с отличными от литературных формами инфинитива представлены отдельными разрозненными глаголами.

Так, в говоре сохранились в древних своих формах глагол *тóпнуть* и производные от него: ды там ишó нóги бу́дуть *тóпнуть*

(М), та́хта нидо́лга и (*па-, у-*) *то́пнуть* (М) и т. п.; *пато́пну, пато́пниш* и т. д.; ни *уто́пни(тя); пато́п, -ла, -ли(ба)* и т. п.[22]. Ударение во всех фермах падает на корень.

Наряду с глаголом *памо́ч*, проникшим, по всей вероятности, из литературного языка, в говоре чаще употребляется глагол *пымагну́ть* с тем же самым значением. Ударение в инфинитиве и в формах, образованных от основы инфинитива, помещается в нем на суффиксе *-ну-*; формы будущего времени и повелительного наклонения имеют неподвижное ударение на окончании: *пымагну́ть* (М), *пымагну́л* (М, 3 р.), *пымагну́ла* (М)), *пымагну́ли* (ВК, М, 2 р.); *пымагну́л, -ла, -ли(ба)* (М); *пымагну́* (4 р.), *пымагнёш* (М), *пымагнёть* (М, 2 р.), *пымагнём* (М, 4 р.), *пымагнётя* (М, 2 р.), *пымагну́ть* (М); *пымагни́* (ВК, М, 3 р.), *пымагни́тя* (ВК, М, 3 р.). Глагол *памо́ч* употребляется в говоре с ударением, не отличающимся от литературного: *пымагу́, памо́жыш, памо́жым, памо́жытя* (М); *пымаги́тя* (Душ, призыв на помощь); *памо́х, пымагла́* (М), *пымагли́* (М, 2 р.); *пымагли́ба* (М) и т. п.

В соответствии с литературными *(по)здороваться* в говоре употребляются *(па)здра́стывытца: здра́ствуитца* (О), *паздра́стывылыся* (М). Здесь сказывается влияние приветствия *здра́вствуй*. В настоящее время, однако, местные формы упомянутых глаголов вытесняются литературными; ср. и другую местную форму: *пыздаро́вкылси* (О). Ударение во всех спрягаемых формах по месту совпадает с ударением инфинитива.

Вместо *отомсти́ть*, под влиянием слова *месть* нередко употребляется в говоре с неподвижным ударением на корне во всех формах *отме́стить* (М и др.). Отсюда — бох *атме́стить* (М), я ямý *атме́ститла* (Д) и т. п.; но ср. и *атмисти́ть, атамсти́ть* (М)

В результате второго полногласия в говоре имеем *пало́зить* (В, 2 р. и др.), вместо *по́лзать*, с сохранением полногласия во всех формах и с неподвижным ударением на втором элементе полногласия: *пало́зию, пало́зиши* и т. д.; *пало́зяй, пало́зийтя; пало́зял, пало́зила, пало́зили (ба).*

В связи с наличием в говоре отсутствующих в литературном языке чередований Х—Ш в глаголе *дыша́ть*, он употребляется с неподвижным ударением на корне во всех формах: *ды́хать* (М и др.); *ды́хал, ды́хыла, -ли* (*ба*) (М и др.); ср. выражение, характеризующее однообразную игру на гармонике: *ды́хал/ ды́хал/* ды памёр//, а также в частушке: *е́ли пириды́хыла; ды́шу, ды́шыш, ды́шить, ды́шым, ды́шытя, ды́шуть* (М и др.); *ды́ш(тя)* (М, 3 р.).

Здесь же отметим случаи смешения глагольных основ.

Как и в литературной разговорной речи, в говоре имеют неодинаковое ударение глаголы *ви́деть* и *вида́ть* с их производными, употребляемые без каких-либо смысловых или стилистических различий один вместо другого в значениях «иметь встречу с кем-нибудь», «наблюдать, испытывать»: атца́ мавó *вида́ш?* (т. Г); ни *вида́л*/ хыраша́ была́/ а прие́хал нихыраша́// (М), ты *вида́ла* ие́? — *Вида́ла* (М), и я *вида́ла*/ как они́ йидя́ть (М), ува сне́ *вида́ла* (М), го́ря ни *вида́ла* (М), ма́тирю маю́ *ви́дила* ны база́ри (М), сиде́ли ни *вида́ли* (БАМ). Но в устойчивом выражении *по тех пор и ви́дел, -а, -и* употребляются исключительно формы от глагола *ви́деть:* па тех пор и *ви́дила* (М). Глагол *вида́ть* вместо *ви́деть* может употребляться иногда в значении «обладать зрением»: ста́ла уш пылави́ну све́та ни *вида́ть*/ сляпа́я// (Нюня). Довольно часто *вида́ть* употребляется в безличном значении (вместо литературного *ви́дно*): усё *вида́ть* (т. Л); ср. также: маéй (коровы А. Д.) ни *вида́ть* (т. А.). Ударение во всех спрягаемых формах помещается на том же слоге, что и в инфинитиве.

В результате смешения глаголов — *леза́ть* и *ла́зить,* формы последнего, образуемые в говоре по образцу глаголов I-го продуктивного класса, могут употребляться вместо первого: чижало́ испад го́рки *выла́зить* (ПА), ни *выла́зию* ис кану́рки (ВК), *выла́зшить* из заку́ти (М) и т. п.; *зала́зшить* у во́ду (А), *сла́зшить* с пе́чки (М) и т. п., но и *выляза́ить* из акна́ (М), *зыляза́ить* на ло́шать (Ж), *сляза́ить* с пе́чки (ВК) и т. п.. То же и в других формах: *сляза́л, -а, -и* и *сла́зял, сла́зила, сла́зили (ба); (вы-, зы-, ны-, пры-, уз-) ляза́л, -а, -и* и *(вы-, за-, на-, пра-, уз-) ла́зял, -ла́зила, -ла́зили (ба)*; *сляза́й(тя)* и *сла́зяй, сла́зийтя* и т. п.[23]. Более типичными для говора являются формы *выла́зию, сла́зию, узла́зию* и т. п. Употребление наряду с ними форм типа *выляза́ю, сляза́ю, узляза́ю* и т. п., надо полагать, вызвано влиянием литературного языка. В зафиксированной форме *зала́зить* (он *зала́зить* у кусты, В) и подобных, которые иногда можно услышать (особенно при быстром произношении), склонны видеть стяжение ИИ под влиянием инфинитива (*зала́зить, сла́зить* и т. п.), но не влияние со стороны соответствующих литературных форм. Ударение во всех случаях неподвижное, совпадающее с ударением инфинитива.

Глагол *стынави́ть* в говоре употребляется чаще, чем глагол *ста́вить.* Последний, как и в литературном языке, имеет у нас неподвижное ударение на корне во всех спрягаемых формах; пер-

вый же в формах настоящего времени — подвижное ударение, а в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения — неподвижное ударение на суффиксе основы инфинитива *-и-*: *рыбу лави́ть стано́вють* (М), *стынавлю́, стано́виш* и т. д.; *стынави́л, -ла, -ли (ба)* [24].

2. Ударение, обусловленное особенностями образования личных глагольных форм

Ряд глаголов непродуктивных групп в силу разного рода аналогических воздействий в нашем говоре образует личные формы иначе, чем в литературном языке. Здесь рассматриваются только такие особенности спряжения, которые влияют на местоположение ударения.

Глаголы 1-й непродуктивной группы

Количество глаголов 1-й непродуктивной группы, переходящих в I-й продуктивный класс, в нашем говоре не совпадает с их количеством в литературном языке. Так, среди известных говору глаголов, имеющих в литературном языке двоякие формы настоящего времени и повелительного наклонения (в том числе и различающихся по лексическому значению), следующие глаголы обычно лишены у нас соответствующих чередований согласных, т. е. изменяются как глаголы I-го продуктивного класса: *кляпа́ть* (во всех известных говору значениях) — *кляпа́ю* вядро́ (В), Што ты ны мине́ *кляпа́ш*! (М), *кляпа́ить* и т. д.; *кляпа́й(тя); кылыха́ть—кылыха́ю, кылыха́ш* и т. д. (М и др.); ни *кылыха́(тя)* (М и др.); *маха́ть — маха́ю, маха́ш* и т. д.; *маха́й(тя)* (М, 2 р. и др.); *мята́ть* (во всех известных говору значениях) — *мята́ю* руба́ху, *мята́им* стох, ры́ба икру́ *мята́ить* (М, 2 р. и др.); *пляска́ть* «брызгать, выливать» — *пляска́ю, пляска́ш* и т. д.; *пляска́й(тя)* (М. и др.); *пыляска́ть* («проливать, расплёскивать») — *пыляска́ю, пыляска́ш* и т. д.; ни *пыляска́й(тя)* (М и др.); *пыласка́ть* («полоскать») — *пыласка́ю, пыласка́ш* и т. д.; *пыласка́й(тя)* (М, 2 р.); *стана́ть — стана́ю, стана́ш* и т. д.; ни *стана́й(тя)* (ВК, М и др.); *шшапа́ть — шшапа́ю, шшапа́ш* и т. д.; *шшапа́й(тя)* (М); ср. и более употребительный в говоре глагол *шшапля́ть* «щепать»: *шшапля́ю, шшапля́ш* и т. д. (М и др.); *шшыпа́ть — шшыпа́ю, шшыпа́ш* и т. д.; *шшыпа́й(тя)* (М и др.), ср. и шуточную загадку — подвох: Ми́шка/ Гри́шка/ и *ШШыпа́й*/ е́хыли на ло́тки// Ми́шка з Гри́шкай утану́ли/ хто аста́лси у ло́тки? (Акс и др.). Наоборот, только с чередованием

согласных употребляется глагол *гладáть*: *глажý, глóжыш* и т. д.; *глажы́(тя)*.

Кроме отмеченных глаголов, допускающих и в литературном языке двоякие формы настоящего времени и повелительного наклонения, говору известны следующие глаголы с отсутствующим чередованием согласных: *кливятáть — кливятáю, кливятáиш* и т. д.; ни *кливятáй(тя)* (М); *кылибáть — кылибáю, кылибáиш* и т. д.; *кылибáй(тя)* (М); *скакáть — скакáю, скакáиш* и т. д.; *скакáй(тя)* (Ман, М и др.); *хлястáть* (во всех известных говору значениях) — *хлястáю* хвырастúнай, дош *хлястáить*, сымагóнку *хлястáють* и т. п. (М и др.); *хлыбыстáть* «бить, стегать; болтаться» — *хлыбыстáю* римнём, кылясó *хлыбыстáить*, сыпагú *хлыбыстáють* и т. п. (М и др.); *хлыстáть — хлыстáю, хлыстáиш* и т. д.; *хлыстáй(тя)* (М); спорадически — *бырматáть: бырматáють* (ПБ); но ср. местные *бликатáть* «блеять»: *бликачю́* как авцá, *блякóчиш, блякóчить* и т. д.; ни *бликачú(тя)* (М и др.); *звикатáть* («стучать зубами от холода, страха») — *звикачю́, звикóчиш, звякóчить* и т. д. (М и др.) [25].

Глаголы 1-й непродуктивной группы *свистáть* и 2-й непродуктивной группы *свистéть* в нашем говоре отличаются друг от друга только в инфинитиве и формах, образованных от инфинитива. Формы же настоящего времени и повелительного наклонения того и другого глагола совпадают: *свишшý (свистю́), свистúш, свистúть* и т. д.; ни *свистú(тя)* (М, 3 р. и др.).

Приставочные и возвратные глаголы 1-й непродуктивной группы по изменению не отличаются от соответствующих бесприставочных и невозвратных глаголов: *кылыхáюсь, кылыхáитца* и т. п.; ни *кылыхáйси*, ни *кылыхáйтясь* (М и др.), *рыскылыхáю, рыскылыхáиш* и т. д.; *рыскылыхáй(тя)* (М и др.) и т. п.; (*уз-, ды-,*) *махáюсь, -махáисси* и т. п. (М), (*зы-, пы-, пры-*) *махáю, -махáиш* и т. д. (М), (*зы-, пы-*) *махáй(тя)* (М и др.), *атмахáть* («перестать махать, утомить маханьем»), «пройти, проехать большое расстояние») — *атмахáю, атмахáиш* и т. д.; *атмахáй(тя)* и т. п. (М и др.); *мятáюсь, мятáисси* и т. д.; ни *мятáйси*, ни *мятáйтясь* и т. п. (М и др.); *ныпляскáю, ныпляскáиш* и т. д.; *ныпляскáй(тя)* и т. п. (М и др.); *распыляскáю, рыспыляскáиш* и т. д.; ни *распыляскáй(тя)* и т. п. (М и др.); *ныпыласкáю, ныпыласкáиш* и т. д.; *ныпыласкáй(тя)* и т. п. (М и др.); *зыстанáю, зыстанáйш* и т. д.; *зыстанáй(тя)* и т. п. (М и др.); *ныишапáю, ныишапáиш* и т. д.; *ныишапáй(тя)* и т. п. (М); др.); *акливятáю, акливятáиш* и т. д.; *акливятáй(тя)* и т. п. (М); *кылибáюсь, кылибáиссии* и т. д.; *кылибáйси, кылибáйтясь* (М),

зыкылиба́юсь, зыкылиба́исси и т. д.; *зыкылиба́йси, зыкылиба́йтясь* и т. п. (М); *пыкылиба́исси* (М); *прыскака́ю, прыскака́иш* и т. д.; *прыскака́й* (И и др.); *пыхлыста́юсь, пыхлыста́иссн* и т. д.; *пыхлыста́йси, пыхлыста́йтясь* и т. п. (М); (*ды-, зы-, ис-, ны-, ат-, пы-, пры-*) *хлыста́ю, -хлыста́иш; -хлыста́й*(*тя*) (М и др.); *хлыбыста́итца, хлыбыста́ютца* и т. п. (М и др.); *атхлыста́ю, атхлыста́иш* и т. д.; *атхлыста́й*(*тя*) и т. п. (М); (*зы-, ны-, а-, пири-, пы-, пры-*) *свишшу́* (*-свисти́ю*), *-свисти́ш* и т. д.; *-свисти́*(*тя*) (М).

По образцу глаголов 1-й непродуктивной группы из указанных выше изменяются лишь немногие, и притом крайне редко. Так, из бесприставочных глаголов с непродуктивными формами настоящего времени и повелительного наклонения употребляются только *бырмата́ть, скака́ть* и *маха́ть*, причем последний чаще имеет соотношение основ инфинитива и настоящего времени, свойственное глаголами I-го продуктивного класса. Ввиду их немногочисленности, приведем здесь все отмеченные случаи употребления рассматриваемых глаголов по образцу глаголов 1-й непродуктивной группы: *бырмата́ть, бырмачю́, бармо́чиш* и т. д.; ни *бырмачи́*(*тя*) (М и др.); *скака́ть* (во всех значениях): *скачю́* чириз вирёвку, мя́чик *ска́чить*, вырабы́ *ска́чють*, На ло́шыди *ска́чють*// О/ он кати́ть/ *ска́чить* на ло́шыди! (М), сходи́ пысматри́/ как де́вки ска́чють (т. А, М, 2 р.); *машу́, ма́шыш, ма́шыть, ма́шым, ма́шытя, ма́шуть* (М), ср. и в песне: Сиди́ть Ма́ша/ руко́й *ма́шыть*/ зыяжжа́й ми́лай ка мне́//, *пымашу́, пама́шыш* (М), пымаха́й или *пымашы́* (М); *ныпляшшу́* (М); *прыпылащю́, прыпылашшу́* (М); *нышшыплю́, нашшы́пиш, нашшы́пить* (М); *Исхляшшу́, исхле́шшыш, исхле́шшыть;* исхляста́й и *исхляшшы́* (М); *насви́шыть* (М), ср. и в местной частушке: Пы дире́вни ве́тяр *сви́шшыть* (ВА и др., рифмуется с неприличным словом).

Если не считать примеров из песни и частушки, то легко заметить, что все глаголы, кроме *бырмата́ть* и *скака́ть*, как непродуктивные зафиксированы в речи только одного лица (в 1963—1967 гг.) и в значительной мере объясняются влиянием литературного языка, о чем наиболее ярко свидетельствует форма *прыпылащю́*, т. к. употребление долгого мягкого *Ш* абсолютно чуждо носителям нашего говора, в том числе и М. Тем не менее следует подчеркнуть, что сопоставление речи носителей говора старшего и младшего поколений свидетельствует о том, что использование рассматриваемых глаголов как непродуктивных более свойственно представителям старшего поколения, тогда как в речи молодежи глаголы 1-й непродуктивной группы чаще из-

меняются по образцу глаголов I-го продуктивного класса. Это обстоятельство позволяет квалифицировать изменение глаголов 1-й непродуктивной группы по образцу глаголов I-го продуктивного класса как инновацию не только для литературного языка, но и для исследуемого говора.

Отдельно следует сказать об изменении глагола *роптáть* и производных от него. Глагол этот в нашем говоре используется очень редко. В естественном употреблении нами зафиксирована только форма 1-го лица единственного числа: А я на Нюшку усё */раптýю/* усё *раптýю*// (т. Л). При искусственном же спряжении глагола в разное время (с интервалом в 3 года) он изменялся и по образцу глаголов III-го продуктивного класса, и по образцу глаголов 1-й непродуктивной группы, и даже по образцу глаголов IV-го продуктивного класса. В связи с этим приводим все случаи в той последовательности, как они были зафиксированы: Я *пырапчю/* ты *пырапти́ш/* ай *паро́пчиш*// Ну вон пушáй */паро́пчить/* и вон *пырапти́ть*// Я *рапчю/* ты *рапти́ш/* вон *рапти́ть*// (М, 1963 г.); *рапта́ть/* сирчя́ть/ *рапта́ть*// зли́тца// или гырява́ть *рапта́ть*// Сё равно́// Я *рапчю/ рапчю*// *ряпта́ю, ряпта́ш, ряпта́ить, ряпта́им, ряпта́итя, ряпта́ють; ряпта́л, -ла, -ли (ба);* ни *ряпта́й(тя);* *раптýю, раптýш, раптýить, раптýим, раптýитя, раптýють; рыптавáл, -ла, -ли (ба);* ни *раптýй(тя)* (М, 1967 г.). Формы инфинитива, к сожалению, вынужденно подсказывались информатору. Тем не менее, судя по формам прошедшего времени и сослагательного наклонения *рыптавáл, -ла, -ли (ба)*, а также учитывая фиксацию в естественном употреблении формы 1-го лица *раптýю,* можно полагать, что рассматриваемый глагол используется в говоре преимущественно как глагол III-го продуктивного класса. Появление форм типа *рапти́ш* и т. п. или *ряпта́ш* и т. п. явно спорадично: информатор либо затруднялся их произнести (формы типа *ряпта́ш*), либо употреблял наряду с ними другие формы (*пырапти́ш/* ай *паро́пчиш* и т. п.). Спряжение глагола по образцу глаголов 1-й непродуктивной группы, вероятно, следует объяснить влиянием литературного языка, хотя и не исключено воздействие со стороны глаголов данной группы, употребляемых в говоре так же, как и в литературном языке: раптáть, *рапчю́ ро́пчиш,* как *таптáть, тапчю́, то́пчиш* и т. п.

Все рассматриваемые глаголы, изменяясь по образцу глаголов I-го продуктивного класса, имеют во всех формах неподвижное ударение, по месту совпадающее с ударением в инфинитиве: *кылыха́ть, кылыха́ю, кылыха́ш, кылыха́ить* и т. д.; *кы-*

лыха́л, -а, -и (*ба*); *кылыха́й*(*тя*) и т. п. Изменяясь же по образцу глаголов 1-й непродуктивной группы, они имеют ударение, не отличающееся от литературного: *ма́зать, ма́жу, ма́жыш, ма́жыть* и т. д.; *ма́зал, ма́зыла, ма́зыли* (*ба*); *ма́ш*(*тя*); *ара́ть, ару́, арёш, арёть* и т. д.; *ара́л, -а, -и* (*ба*); *ару́*(*тя*); *бряха́ть, бряшу́, бре́шыш, бре́шыть* и т. д.; *бряха́л, -а, -и* (*ба*); *бряшы́*(*тя*); *гладя́ть, глажу́, гло́жыш, гло́жыть* и т. д.; *гладя́л, -а, -и* (*ба*); *глажы́*(*тя*); *дрема́ть, дримлю́, дре́мыш, дре́мить* и т. д.; *дрема́л, -а, -и* (*ба*); *дреми́*(*тя*) и т. п.

Глагол *свиста́ть* и производные от него, как и глагол *свисте́ть* с его производными, в инфинитиве и формах, образованных от основы инфинитива, употребляется с ударением на суффиксе основы инфинитива, а в формах, образованных от основы настоящего (будущего простого) времени — с ударением на окончании: *свиста́ть (свисте́ть), свиста́л (свисте́л), -ла, -ли (ба); свишшу́ (свисти́ю), свисти́ш, свисти́ть* и т. д.; *свисти́*(*тя*).

Как у глагола *свиста́ть,* размещается ударение в глаголе *роптáть,* если последний изменяется по образцу глаголов IV-го продуктивного класса: *раптúть, раптúл, -а, -и* (*ба*); *рапчю́, раптю́ш, раптúть* и т. д.; ни *раптú*(*тя*). Изменяясь же по образцу глаголов III-го продуктивного класса, глагол *роптáть* уподобляется другим глаголам данного класса, имеющим неподвижное ударение в соответствующих формах: *рыптава́ть, рыптава́л, -а, -и (ба); раптýю, раптýиш, раптýить* и т. д.; ни *раптýй(тя).* Употребляясь как глагол I-го продуктивного класса или 1-й непродуктивной группы *роптáть* по ударению не отличается от других глаголов, о которых речь шла выше, принадлежащих к данному классу или данной группе.

Глаголы 2-й непродуктивной группы

Из глаголов 2-й непродуктивной группы следует отметить *блисте́ть* и *бале́ть.*

Глагол *блисте́ть* и производные от него употребляются в говоре обычно без чередования согласных с неподвижным ударением на окончании в формах, образованных от основ настоящего (будущего простого) времени, и с неподвижным ударением на суффиксе *-е* в формах, образованных от основ инфинитива: *(зы-, пы-) блисти́ю, -блисти́ть и т. д.; -блисти́(тя); -блисте́л, а-, -и* (*ба*) [26].

Вместо форм 3-го лица единственного и множественного числа непродуктивного глагола *бале́ть* (об ощущении боли)

употребляются формы глагола *балéть* I-го продуктивного класса (подкласс Б): ды а што душá *балéить*? (М), зýбы *балéють* (М и др.) и т. п. Здесь мы имеем контаминацию различных форм из-за недостаточного освоения норм литературного языка. Ср. с другой стороны: рибитúшки усё *балятъ*, Иван *балúть* и т. п. Непродуктивный глагол *балéть* вместо продуктивного в говоре употребляется значительно чаще, чем продуктивный вместо непродуктивного. И как продуктивный, и как непродуктивный глагол *балéть* употребляется в говоре с неподвижным ударением в соответствующих формах, закрепленным в настоящем времени и повелительном наклонении на окончании у непродуктивного глагола (*балю́, балúш, балúть* и т. д.; ни *балú-(тя)* и на конечном гласном основы настоящего времени глагола продуктивного класса («звуковом наращении» *-эй-*) [27]: *балéю, балéиш, балéить* и т. д.; ни *балéй(тя)*. В совпадающих формах прошедшего времени и сослагательного наклонения того и другого глагола ударение падает на суффикс основы инфинитива «*е*»: *балéл, -а, -и* (*ба*).

Глаголы 4-й непродуктивной группы

Личные формы глаголов, производных от *пасть*, в нашем говоре не совпадают с литературными: основа настоящего (будущего простого) времени оканчивается в них не на *-д-*, как в литературном языке, а на *-н-*: упáну (ВК), ни *упáниш* (т. Г, 2 р.), *упáнитя* (Т. Смет); снех *напáнить* (Д. Тим); а то табé *папáнить* (Д. Тим, 2 р.) и т. п. Соответственно имеем в повелительном наклонении: ни *упáнь* (ША), у я́му ни *папáнь(тя)* (М и др.) и т. п. [28]. С основой на *-д-* эти глаголы встречаются главным образом в речи грамотной части носителей говора: *пыпадёш* (В); *прыпадётъ* (ВК). Формы прошедшего времени и сослагательного наклонения образуются так же, как и в литературном языке, причем известны и от бесприставочного глагола *пасть: пáла* ка мнé на плéчи (О), *пáла* на грýть (М и др.); *упáл, -а, -и (ба)* и т. п.

Ударение у всех глаголов с основой настоящего (будущего простого) времени на *-н-* во всех формах неподвижное, закрепленное на корне. Глаголы с основой настоящего (будущего простого) времени на *-д-* по ударению не отличаются от литературных.

Глаголы 8-й непродуктивной группы

У всех глаголов 8-й непродуктивной группы в формах настоящего времени в нашем говоре, как правило, отсутствует че-

редование суффикса неопределенной формы *-ва-* с *-j-*: *дава́ю* (М, т. Н и др.), ни *дава́ши* (Барм, М, 3 р. и др.), *дава́ить* (М и др.) и т. д.; де́ньги *выдава́ют* (М и др.); ни *аддава́ши* (М) и т. п.; сваи́х ни *узнава́ить* (М и др.); *рызузнава́ю, рызузнава́ши* и т. д. (М и др.) и т. п.; *устава́ю* (М, 3 р.), Ва́нькя *устава́ить* (О), *устава́им* (т. Н) и т. п. формы от *встава́ть*[29]; ды пыталка́ *дыстава́ить* (М и др.) и т. п.; ночь *зыстава́ить* (М и др.) и т. п.; день *ныстава́ить* (М и др.) и т. п.; грясь *атстава́ить* (М и др.) и т. п.; дош *пирстава́ить* (М и др.) и т. п.; грясь ни *приста́вить* (М и др.) и т. п.; што *приставáши*? (М и др.) и т. п.[30].

Все глаголы рассматриваемой группы, кроме *разузнава́ть*, под влиянием литературного языка могут иметь формы настоящего времени без суффикса *-ва-*: *даёш* (Барм); ни *узнаю́* (ВК), сваи́х ни *узнаёш*? (ВК, 2 р.); *устаёть* (М и др.) и т. п. Показательны в этом отношении колебания в речи одного и того же лица в одно и то же время: *дава́ть, даю́, даёш, даёть* и т. д. и *даю́, дава́ши, дава́ить* и т. д.; *нидыдава́ю, нидыдава́ши, нидыдава́ить* и т. д., реже — *нидыдаю́, нидыдаёш* и т. д.; *абдаю́, абдаёш* и т. д. и *абдава́ю, абдава́ши* и г. д.; *абдаю́сь, абдаёсси, абдаётца* и т. д. и *абдава́юсь, абдава́исси, абдава́итца* и т. д.; *аддаю́, аддаёш, аддаёть* и т. д. и *аддава́ю, аддава́ши, аддава́ить* и т. д.; *прыдаю́, прыдаёш, прыдаёть* и т. д. и *прыдава́ю, прыдава́ши, прыдава́ить* и т. д.; *сызнава́ть* есь/ а *асызнава́ть* нет// *сызнаю́, сызнаёш, сызнаёть и сызнава́ю, сызнава́ши, сызнава́ить; остаю́сь, астаёсси, астаётца* и *остава́юсь, оставаисси, остава́итца* и т. д. (М, 1963 г.); *придава́ть, придава́ю, придава́ши, придава́ить* и т. д.; *признава́ть, признава́ю, признаёш, признаёть* или *признава́ить, признаёш, признаёть* или *признава́ить, признаём, признаётя, признаю́ть* (М, 1967 г.), ср. бо́га ни *признаю́ть* (М, 1962 г.).

Формы прошедшего времени, сослагательного и повелительного наклонения глаголов 8-й непродуктивной группы по образованию в нашем говоре не отличаются от литературных: *давал, -а, -и (ба); дава́й(тя); прыдава́л, -а, -и (ба); прыдава́й(тя)* (М и др.) и т. п. Отметим, однако, здесь, что в говоре в прошедшем времени нередко смешиваются в употреблении формы глаголов *дава́ть* и *дать* с их производными: наряду с *павыдыла, пырыздала́* (М и др.) и т. п. возможны *пывыдава́ла, пырыздава́ла* и т. п.

Ударение во всех формах рассматриваемых глаголов с суффиксом *-ва-* падает на этот суффикс. В случае выпадения суф-

фикса *-ва-* ударение в формах настоящего времени помещается на окончании.

К глаголам 8-й непродуктивной группы в нашем говоре примыкает глагол *скидава́ть,* употребляемый со значениями «раздевать(ся), разувать(ся)»: зачём ва́линки *скидава́ишь*?; *скидава́ить* руба́ху и т. п. Ударение здесь также неподвижное, закрепленное на суффиксе *-ва: скидава́ю, скидава́ишь* и т. д.; *скидава́л, -а, -и (ба)*; *скидава́й(тя)* (М, О и др.) [31].

Изолированные глаголы

Глаголы *брить (бри́тца)* и производные от них, изменяющиеся в нашем говоре обычно по 2-му спряжению, в формах, образованных от основы настоящего (будущего простого) времени, имеют ударение на окончании, а в формах, образованных от основы инфинитива — на гласном основы неопределенной формы: *брю́, бри́ш, бри́ть, бри́м, бри́тя, бря́ть*; *бри́(тя); бри́л, -а, -и (ба)* (М и др.). В речи лиц, недостаточно овладевших нормами литературного языка, но желающих говорить «по-культурному», ударение находится на том же месте, что и в литературном языке, но вместо гласного *е* основы настоящего (будущего простого) времени в говоре имеем *о*: *бро́ю, бро́ишь* и т. д.; *бро́й(тя)* (А и др.) и т. п. Иногда *о* вместо *е* появляется и в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения: *бро́ял, бро́или бы (ба)* (А). Формам с *о* в основе обычно соответствует и инфинитив с *о*: *бро́ить, бро́итца* и т. п.

Глаголы *хате́ть* и *зыхате́ть* употребляются в нашем говоре обычно с подвижным ударением в формах настоящего (будущего простого) времени, падающим на окончание в формах 1-го лица и на основу в остальных формах. При этом известное литературному языку чередование *т/ч* в говоре, как правило, отсутствует: *хачю́* (ВК, М, т. Н и др.), *хо́чишь* (А, ВК, 3 р., М, 10 р., т. Г, ША, МФ и др.), *хо́чить* (ВК, М, 12 р., т. Н, Р, 2 р., МФ и др.) *хо́чим* (М и др.), *хо́читя* (М и др.), *хо́чють* (М, 5 р., МФ и др.); *захо́чють* (МФ, 2 р. и др.) и т. п. Но под влиянием литературного языка и в результате смешения форм единственного и множественного числа в говоре во 2-ом и 3-м лице единственного числа появляются формы с ударяемым окончанием и *т* вместо литературного *ч:* хати́ш (М, Ман и др.), ср. и частушку: Залётычка дырагóй/ штош ты мине́ сухати́ш? Я люблю́/ а ты ни ве́риш/ а ни ве́риш/ как *хати́ш*//, *хати́ть* (Ман). В результате влияния литературного языка в говоре в последнее время (осо-

бенно в речи молодежи) встречаются формы множественного числа анализируемых глаголов и не отличающиеся от литературных: *хати́м* (М, И), *хати́тя* (Ник), *хатя́т* (Ник, КИН).

Формы повелительного наклонения от глаголов *хате́ть, зыхате́ть* в говоре не употребительны. Формы прошедшего времени и сослагательного наклонения по образованию и ударению не отличаются от литературных: *хате́л, -а, -и (ба), зыхате́л, -а, -и (ба).*

3. Ударение, обусловленное особенностями образования форм повелительного наклонения

Формы повелительного наклонения от большинства глаголов в нашем говоре образуются так же, как и в литературном языке, и не отличаются от литературных по месту ударения. Но от ряда глаголов повелительное наклонение образуется отлично от литературного языка.

Так, среди глаголов IV-го продуктивного класса под влиянием глаголов этого же класса, имеющих формы повелительного наклонения без суффикса *-и* (*крась* и т. п.), а также под влиянием других глаголов, не имеющих в формах повелительного наклонения суффикса *-и*, встречаем такие, от которых формы повелительного наклонения в отличие от литературных создаются без суффикса *-и*. Таковы, прежде всего, глаголы с основой настоящего (будущего простого) времени на *-й* (йот). *о́о́й(тя)* (М и др.); *напо́й(тя)* (М и др.); ничяво́ ни *то́йтя* (М) и т. п., а также глаголы, производные от *-лажы́ть, -сади́ть, -тваря́ть: пасо́ть* явó/ *пасо́ть*// (т. Н); Ты мине́ куда-нибуть *пирисо́ть*// (М); *пало́ш* (МФ, О и др.); *атво́рь* (Д. Тим) и т. п. Если формы типа последней в говоре встречаются довольно редко (преобладают *атвари́, зытвари́* и т. п.), то все остальные почти не знают замены литературными формами.

В связи с тем, что глагол *крась* и производные от него в нашем говоре обычно употребляются с ударением на корне в формах настоящего (будущего простого) времени, формы повелительного наклонения от этих глаголов закономерно образуются без суффикса *-и: укра́ть* там у няво́ я́блычка (М); а он вазьми́ там их/ ды *абакра́ть* (т. Пар) и т. п.; ср. выше *дыш,* ни *упа́нь,* ни *папа́нь* и т. п.

Без суффикса *-и* образуется повелительное наклонение и от глагола *стынави́ть: стано́в* чяс/ вал сва́ритца// (М). За ним следуют и производные: *стано́втясь* (О); *астано́в* там яво́ (М)

и т. п. В последнее время под влиянием литературного языка формы повелительного наклонения от глагола *стачови́ть* и производных от него по ударению могут совпадать с литературными: *(а-)стынави́(тя)*; *(а-)стынави́сь, (а-)стынави́тясь* и т. п.

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО УДАРЕНИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЕГО МЕСТОМ В ИНФИНИТИВЕ

Некоторые глаголы, совпадая по структуре с соответствующими глаголами литературного языка, отличаются от последних местом ударения уже в неопределенной форме, что, как правило, обусловливает различия в размещении ударения во всех других формах.

Так, у ряда глаголов I-го продуктивного класса ударение в инфинитиве и в других формах оказывается смещенным сравнительно с литературным на один слог к концу слова. При этом глаголы *камка́ть, зукупо́ривать (зыкупо́ривать), аткупо́ривать, суме́рничить, чярпа́ть, шшалка́ть* (во всех значениях) и возможные производные от них с иным ударением в говоре никогда не употребляются. В других случаях возможны колебания ударения: *(ды-, зы-, ны-, пы-, пры-, с-)камка́ть, -камка́ю, -камка́ши* и т. д. (М и др.); *-камка́л, -а, -и (ба)* (ВК, М и др.); *-камка́й(тя)* (М и др.); *(зу-, ат-)купо́ривать, -купо́ривыю, -купо́ривыши* и т. д.; *-купо́ривал, -а, -и (ба); -купо́ривай, -купо́ривыйтя* (М и др.); *(ат-, пы-, пры-,)суме́рничить, -суме́рничию, -суме́рничиши* и т. д.; *-суме́рничял, -суме́рничила, -и (ба); -суме́рничяй, -суме́рничийтя* (М и др.) [32]; *(ды-, ны-, ат-, пири-, пы-, пры-)чярпа́ть, -чярпа́ю, -чярпа́ши* и т. д.; *-чярпа́л, -а, -и (ба); -чярпа́й(тя)* (А, М и др.); *(зы-, ши-, ны-, ап-, ат-, пир-, пы-, пры-)шшалка́ть, -шшалка́ю, -шшалка́ши* и т. д.; *-шшалка́л, -а, -и (ба); -шшалка́й(тя)* (М, 3 р. и др.); *двига́ть, двига́тца* (В, 8 р., М, 7 р. и др.), *двига́ю, двига́ши, двига́ить* и т. д. (М, 3 р. и др.), е́ли *двига́юсь* (М, 2 р. и др.), ана́ ни *двига́итца* (М); *двига́л, -а, -и (ба), двига́лси, -лась, -лись (ба)* (В, М, О и др.); *двига́й(тя)* (М и др.), *двига́йси* (Др, Ж, М, 5 р. и др.), *двига́йтися* (М и др.); но и *дви́гытца* ни бу́дить (И), *дви́гыитца* (В), *дви́гылси* танк (В); *ныклюка́тца, ныклюка́юсь, ныклюка́исси* и т. д.; *ныклюка́лси, -лась, -лись (ба)* (Ж, КИН, Ник, Сергей и др.), *ныкулюка́лси* (М); но и *накли́кылси* (М, 2 р.); *прыга́ть* (М), Во *прыга́ить* как! (М) и т. п.; но и *пры́гать* (В), *пры́гать/* хыть *прыга́ть//* Уся́кыски гываря́ть// (М).

С ударением смещенным сравнительно с литературным на

один слог к концу слова в последнее время иногда употребляется глагол *ржáветь* с производными: гываря́ть/ ви́лки *иржавéть* начя́ли// или но́жык *иржавéть* начя́л// Ну бо́льшы гываря́ть *иржáвить* (М), Вядро́ нычяла́ *иржáвить*// Та́хта и но́жык// начя́л *иржáвить*// Но́жык начя́л *иржáвить*//, *иржáвить* ни бу́дить, но́жык *иржáвить*// Ви́лки *иржáвють*//; *иржáвял, иржáвила, -и (ба)* (М); *заржáвял*/ и гываря́ть *зыржавéл*// Ну бо́льшы *заржáвял* гываря́ть// (М), но́жык *заржáвял* (М, 3 р.), ви́лки *заржáвили* (М); *праржáвить, праржáвить* (3 л. ед. ч.), *праржáвють; праржáвял, праржáвила, -и* (М, 2 р.).

В одной из старинных песен зафиксирована форма *рыбатáть:* Вы субóту день нинáснай/ нильзя́ в пóли *рыбатáть*//. Однако в обычной речи ударение здесь всегда совпадает с литературным.

У других глаголов I-го продуктивного класса ударение в нашем говоре сравнительно с литературным смещено на один слог к началу слова.

Так, глаголы *запыхáться* и *легчáть* с производными употребляются у нас преимущественно с ударением на корне, а глагол *домóвнúчать* с производными постоянно имеет ударение на втором слоге от начала слова: *запы́хытца, запы́хыюсь, запы́хыисси* и т. д.; *запы́хылси, -лась, -лись (ба);* ни *запы́хыйси,* ни *запы́хыйтясь* (ни *запы́хыйтися*) (М и др.); ста́ла нямно́га *лéкчить*// *палéкчила* (М); *палéкчить, палéкчиить, палéкчила* и т. п. (М и др.); *(ны-, пы-, пры-)дамóвничить, -дамóвничию, -дамóвничиши* и т. д.; *-дамóвничял, -дамóвничила, -и (ба); -дамóвничяй, -дамóвничийтя* (М и др.).

У некоторых глаголов ударение колеблется. Таковы *брыкáть, дорожáть, летáть, сигáть* с их производными. При этом от глаголов *(по-)дорожáть* употребительнее формы со смещённым ударением, у остальных глаголов ударение чаще совпадает с литературным: Хлеп *пыдарóжал*/ или *пыдыражáл*//. Ну *пыдарóжал* бóльшы гываря́ть у нас// А хлеп *пыдарóжал*// Хлеп усё *дарóжыить* и *дарóжыить*// Карто́шки то́жа *дарóжыють*// *пыдарóжыли*/ *дарóжыють*// (М), Ско́ра ме́ньшы бу́дуть мылака́ брать// *пыдарóжыить*// (М), мясазыгато́вка *пыдарóжыла* (Д. Тим) и т. п.; Я нага́ми *брыкáть*// у зу́бы ямý *адбры́кывать*// (М), *брыкáть,* нага́ми *брыкáть, брыкáю, брыкáиш* и т. д.; *брыкáл, -а, -и (ба); брыкáй(тя)* (М и др.), *брыкáтца, брыкáюсь* и т. п. (М); и *бры́кать гываря́ть*// Што ты *бры́кыиш* нага́ми?! (М), *бры́кыить* (Ж); *лятáть, лятáю, лятáиш* и т. д.; *лятáл, -а, -и (ба); лятáй(тя)* и т. п. (М и др.); но и *лётыить* па кры́шам (Ж); ср. и частушку:

Ой ты ми́лай/ гдеш ты *лётал*/ Ми́лка я/ прину́т (принудиловку А. Д.) рабо́тал//; Ох ва́линки/ прям с пе́чки *сига́ть*// (т. Г), *сига́ю, сига́ишь* и т. д. (М и др.); *сига́л*/ *сига́л*/ а пато́м стал ходи́ть// (М); *сига́й(тя)* и т. п. (М и др.); но и Што ты *си́гыши? Усси́гылси*// (М), *си́гал* (Ж); ср. и частушку: Ты ни *си́гай*/ ты ни пры́гай/ как саро́ка пы кала́м// сирамно́ люби́ть ни бу́ду/ хоть ты ло́пни пыпала́м//.

Преимущественно с неподвижным ударением на корне употребляется у нас и глагол 1-й непродуктивной группы *отдыша́ться:* Зыдахну́лась/ ни магу́ *аддыши́тца*//, дай *аддыши́усь, аддыши́лси* и т. д.; *аддыши́сси, -лась, -лись (ба);* ты спярва́ *аддыши́си,* вы *аддыши́тясь* (М и др.); но и *аддыша́тца, аддыши́усь* (М).

Отметим здесь же, что в нашем говоре с помощью ударения во всех возможных формах различается лексическое значение глаголов *(зы-)кылине́ть* («заколеть, сильно замёрзнуть; стать холодным, жёстким») и *зыкаля́нить* («стать каляным, т. е. грубым, с трудом сгибающимся»): Та́хта ни до́лга *зыкылине́ть, зыкылине́ю, зыкылине́ишь* и т. д.; ру́ки *зыкылине́ли* и т. п.; ни *зыкылине́й(тя)* (М и др.); Пайду́ ишо́ пажа́рю карто́шки/ пака́ ани́ тёплыи// А то ани́ *зыкылине́ють*// пака ни *зыкылинели*!! (М) и т. п.; чюлок *зыкаля́ниить,* чюлки́ *зыкаля́ниють;* плато́к *зыкаля́нял,* руба́ха *зыкаля́нила,* ану́чи *зыкаля́нили* и т. п. (М и др.) [33].

Отмеченные несовпадения с ударением литературного языка и колебания ударения вызваны разными причинами, из которых важнейшими, несомненно, являются соотношение ударения в производящих и производных и аналогические воздействия одних глаголов на другие внутри системы исследуемого говора, а также влияние, оказываемое на говор со стороны литературного языка.

Вопрос о соотнесенности ударения в отымённых глаголах и производящих именах, а также в отглагольных именах и производящих глаголах применительно к глаголам I-го продуктивного класса, к сожалению, почти совершенно не исследован. Разрешение этого вопроса не входит и в задачу данной статьи. Тем не менее представляется необходимым сделать некоторые частные замечания, связанные с объяснением местоположения ударения в рассмотренных выше глаголах.

Так, вряд ли можно сомневаться в том, что накоренное ударение глаголов *даро́жыть* и *ле́кчить* с их производными вызвано влиянием соответствующих форм сравнительной степени — *даро́жы, ле́кчи;* ударение глагола *суме́рничить* и производных —

влиянием производящего существительного *сумёрки,* имеющего у нас обычно ударение на втором слоге (ср. у *сумёрках* «в сумерки, к вечеру»).

Глаголы *камкáть, дамóвничить* с их производными стоят, на наш взгляд, в ряду других аналогичных глаголов; ср.: *комкамóк-камкáть; долх-должóк-далжáть; кус-кусóк-кусáть; шахшажóк-шагáть* и т. п.; *дом-дамóвничить, сат-садóвничить, чяйчиёвничить* и т. п.

Ударение на суффиксе основы инфинитива глагола *ныклюкáтца,* вероятно, появляется в результате сближения его с существительным клюкá [34].

На размещение ударения в глаголе *двигáтца,* надо полагать, оказали воздействие приставочные образования от него *(атыдвигáтца, придвигáтца* и т. п.), а в глаголе *запы́хытца* — бесприставочный *пы́хать.* Появление форм *двúгытца, двúгыитца, двúгылси* вызвано, несомненно, влиянием литературного языка.

Воздействием однокоренных глаголов *ды́хать, адды́хать* «выздороветь» объясняется ударение на корне у глагола 1-й непродуктивной группы *аддышытца.*

Аналогическим воздействием внутри глагольной системы говора объясняем появление ударения на корне и у глагола *бры́кать.* И здесь, возможно, в первую очередь сказалось влияние однокорневых глаголов *(бры́кнуть, адбры́кывать, пабры́кывать* и т. п.).

Колебание ударения у глаголов *пры́гать, сигáть* вызвано, по всей вероятности, в первую очередь их взаимовлиянием: *пры́гать, — сúгать; сигáть — прыгáть,* хотя, разумеется, возможно аналогическое воздействие и других глаголов I-го продуктивного класса с ударением на корне (*бéгать, дýмать* и т. п.) или суффиксе основы инфинитива (*игрáть, гыладáть* и т. п.).

Зыржавéть и т. п. проникают в говор из просторечья, в котором с подобным ударением *ржáветь* и производные употребляются, видимо, под воздействием глаголов типа *богатéть, вдовéть.*

Вероятно, только влиянием глаголов типа *капáть, купáть, ступáть* и т. п. можно объяснить местоположение ударения у глаголов *чярпáть* и *шшалкáть.*

Не совсем ясным является появление формы *лётать* и т. п. Мы склонны рассматривать их как заносные с намечающейся, если уже не сложившейся, тенденцией с помощью ударения различать прямые и переносные значения глагола *летáть: лётать* — только о человеке в значениях «быстро перемещаться;

часто менять местопребывание, работу» и *лята́ть* во всех остальных значениях.

Зукупо́ривать, аткупо́ривать, бесспорно, появляются под влиянием парных глаголов совершенного вида *зукупо́рить, аткупо́рить,* однако объяснить местоположение ударения в последних, к сожалению, нелегко.

Весьма неустойчивым в исследуемом говоре оказывается ударение у некоторых глаголов II-го продуктивного класса. И это вполне понятно, если учесть акцетную специфику глаголов данного класса в литературном языке и русских говорах.

Так в литературном языке в отличие от глаголов I-го и III-го классов, имеющих в спрягаемых формах только баритонированное ударение, спрягаемые формы глаголов II-го продуктивного класса распределяются по всем трем основным акцентуационным группам — баритонированной (*ка́пнуть, сту́кнуть* и т. п.), окситонированной (*махну́ть, шагну́ть* и т. п.) и подвижной (*обману́ть, помяну́ть, тону́ть, тяну́ть*). Кроме того, нет последовательности в соотношении ударения производящих глаголов несовершенного вида и производных с суффиксом *-ну-* (ср. например: *ка́пать — ка́пнуть, шага́ть — шагну́ть* и т. п., но *хва́стать—хвастну́ть, крича́ть — кри́кнуть, хруте́ть — хру́стнуть* и т. п.). Наконец, у бесприставочного глагола *гля́нуть* и однокоренных с ним приставочных глаголов ударение не совпадает, ср., например: *гля́нуть, гля́ну, гля́нешь* и т. д., но *взгляну́ть, взгляну́, взгля́нешь* и т. д.; *гля́нул, -а, -о, -и (бы),* но *взгляну́л, -а, -о, -и (бы); гля́нь(те),* но *взгляни́(те).* В свете сказанного открываются широчайшие возможности для всякого рода аналогических выравниваний, что мы, в частности, и наблюдаем в нашем говоре.

Из глаголов II-го продуктивного класса, имеющих у нас ударение, отличное от литературного, ни один, в сущности, не употребляется без колебаний ударения. Однако в целом в говоре весьма заметна тенденция к размещению ударения на суффиксе *-ну-* в инфинитиве и формах, образованных от основы инфинитива, и на окончании в формах будущего времени и повелительного наклонения.

Сравнительно с литературным смещенное к концу слова (обычно на один слог) ударение у нас имеют следующие глаголы: *бултыхну́ть* нагóй и *бултыхнуть, бултыхну́тца (бултухну́тца)* и *бултыхнутца* (М и др.); бóльшы гыварять у вóду *бултухну́лси* (М); *успыхну́ть* и *успыхнуть* (об огне и человеке), *успыхну, успыхну́, успыхнёш, успыхнёть;* агóнь *успыхнул* и *успыхнёть* мóжна гыварить// (М); *драгну́ть, драгну́, драгнёш* и т. д.

(М, 4 р. и др.); *драгну́л, -а, -и (ба)* (М, 3 р.); ни *драгни́(тя)* (М и др.), но и *дро́гнуть, дро́гнул* (М); *уздрагну́ть* и *уздро́гнуть* (М); *(ус-, да-, за-, ат-, пат-, с-) пры́гнуть, -пры́гну, -пры́гниш* и т. д. (ВК, М и др.); *-пры́гнул, -а, -и (ба)* (ВК и др.); *-пры́гни(тя)* (Ж, М и др.); но и *(ус-, ды-, зы-, ат-, пыт-, с-) прыгну́ть, -прыгну́, прыгнёш* и т. д.; *-прыгну́л, -а, и- (ба); -прыгни́(тя)* (М и др.) [35]; *тране́ть, (ды-, при-)тране́тца, -тране́сь, -транёсси* и т. д. (М и др.); *-тране́лси, -лась, -лись (ба); -тране́сь, -тране́тися* (М, т. Л и др.), но и *(да-, при-)тро́нутца, -тране́сь* и *-тро́нусь, -тро́нисси, -тро́нитца* и т. д.; *-тро́нулси, -лась, -лись (ба); -тро́ньси, -тро́ньтясь (-тро́ньтися)* (М); *(зы-)шшалкну́ть, -шшалкну́, шшалкнёш* и т. д.; *-шшалкну́л, -а, -и (ба); шшалкни́(тя)* (М и др.), но и *шшо́лкнуть* па *лбу́;* в глаголах *(ат-)ка́шлянуть* ударение перемещается на два слога к концу слова: *(ат-)кышляну́ть, -кышляну́, -кышлинёш* и т. д., *-кышляну́л, -а, -и (ба); кышляни́(тя)* (М и др.), но и *(ат-)ка́шлинуть, -ка́шлину, -ка́шлиниш* и т. д.; *-ка́шлинул, -а, -и (ба); -ка́шлини(тя)* (М); ср. также употребление глагола 3-й непродуктивной группы: царя́ *свярену́ли* (О).

С ударением, смещенным сравнительно с литературным на один слог к началу слова, у нас употребляются однокоренные с *гля́нуть* приставочные глаголы, *кувы́ркнуть, си́гнуть* и *ю́ркнуть: загля́нуть* и *зыгляну́ть, загля́ну, зыгляну́, загля́ниш, зыглинёш, загля́нить, зыглинёть* и т. п.; *загля́нул* (ВК, М) и *зыгляну́л* (М); *загля́нь(тя)* и *зыглини́тя* (М и др.); *пригля́нутца* и *пригляну́тца* (М), *пригляну́сь, пригля́нисси, пригля́нитца* и т. д.; *пригляну́лси, -лась, -лись (ба); приглини́сь, приглини́тися* (М); но только *прагля́нуть, прагля́ну, прагля́ниш* и т. д., *прагля́нул, -а, -и (ба); прагля́нь(тя)* (М и др.); *кувы́ркнуть, кувы́ркну, кувы́ркниш* и т. д.; *кувы́ркнул, -а, -и (ба);* ни *кувы́ркни(тя)* (М и др.); *кувы́ркнутца* и *кувуркну́тца* (М); *сигну́ть, сигну́, сигнёш* и т. д.; *сигну́л, -а, -и (ба)* (М и др.), *усигну́ли* у э́ту акно́ (О); *сигни́(тя)* (М и др.), но возможно и *си́гнуть, си́гну, си́гниш* и т. д.; *си́гнул, -а, -и (ба); си́гни(тя)* (Ж); *ю́ркнуть, ю́ркну, ю́ркниш* и т. д.; *ю́ркнул, -а, -и (ба); ю́ркни(тя)* (М и др.).

Из перечисленных выше глаголов *шшалкну́ть* и производные от него употребляются у нас преимущественно с ударением смещенным к концу слова, а *ю́ркнуть* — почти исключительно с ударением на корне. Глагол *загля́нуть (зыгляну́ть),* как можно было заметить, в формах будущего времени может иметь в нашем говоре ударение и баритонированное, и окситонированное,

и подвижное. Вероятно, такое же ударение может иметь и глагол *приглянýтца (приглянутца)*.

Весьма любопытным оказывается размещение ударения у глаголов *перепры́гнуть* и *пересигнýть*. При сохранении полногласия приставки *пере-* ударение у этих глаголов обязательно падает на корень, при выпадении же второго элемента полногласия ударение обязательно падает на суффикс *-ну-* в инфинитиве и формах, образованных от его основы, и на окончание в формах будущего времени и повелительного наклонения: *пирипры́гнуть, пирисúгнуть, пирипры́гну, пирисúгну, пирипры́гниш, пирисúгниш* и т. д.; *пирипры́гнул, пирисúгнул, -а, -и (ба); пирипры́гни(тя), пирúсигни(тя);* но *пирпрыгнýть, пирсигнýть, пирпрыгнý, пирсигнý, пирпрыгнёш, пирсигнёш* и т. д.; *пирпрыгнýл, пирсигнýл, -а, -и (ба); пирпрыгнú(тя), пирсигнú(тя)*.

В некоторых случаях наблюдается дифференциация с помощью ударения лексических значений глаголов: *брыкнýть*/ удáрить нагóй// А éсли упáсь/ *бры́кнуть*// Он *бры́кнул*// (М). Глагол *взгляну́ть в* значении «посмотреть» употребляется с колеблющимся ударением, но в значении «устремить глаза, обратить взгляд» — только *узгля́нуть:* Разок хоть *узгляну́ть* ны нявó//, А он как *узгля́нить!* (М) [36].

Причины колебания ударения и несовпадения его местоположения с нормами литературного языка у приведенных глаголов II-го продуктивного класса, в сущности, были указаны в самом начале их рассмотрения. Здесь представляется необходимым лишь подчеркнуть, что во многих случаях одновременно может сказаться действие нескольких факторов. Так, помимо проявления в говоре упомянутой выше основной тенденции размещения ударения в глаголах II-го продуктивного класса, на смещение ударения в глаголах *драгнýть, прыгнýть, шшалкнýть* несомненное воздействие оказало существование в говоре глаголов *драгáть* «вздрагивать», *прыгáть, шшалкáть;* то же *свяргнýть* при *свяргáть*. Ударение в глаголе *драгнýть*, сверх того, в нашем говоре довольно последовательно удерживается на последнем слоге ещё, видимо, и потому, что с ударением на первом слоге он оказался бы омонимичным с глаголом *дрóгнуть* «мёрзнуть».

Колебание ударения глаголов *пры́гнуть, сигнýть*, помимо всего прочего, вызвано взаимовлиянием как данных глаголов, так и производящих глаголов несовершенного вида *пры́гать, сигáть*, обусловленным синонимичностью этих глаголов, а глаголов однокорневых с *гля́нуть* — влиянием на них данного гла-

гола, облегчаемым изолированным положением глаголов типа *взгляну́ть* в акцентуационной системе глаголов II-го продуктивного класса.

В объяснении в первую очередь нуждалось бы местоположение ударения у глаголов *кувы́ркнуть* и *ю́ркнуть*, как противоречащее упоминавшейся тенденции смещения ударения к концу слова, однако в связи с этим трудно сказать что-либо определенное.

Глагол *кувы́ркнуть* употребляется в нашем говоре преимущественно в значении «упасть». Таково же в первую очередь значение и у глагола *кувы́ркнутца*, а также у так называемого отглагольного междометия *кувы́рк*. Поскольку последнее в говоре наиболее употребительно, видимо, оно и оказало влияние на размещение ударения в *кувы́ркнуть* и *кувы́ркнутца*. В значении же «опрокидывать, опрокидываться» и т. п. в говоре употребляются глаголы *кубуря́ть, кубурну́ть, кубуря́тца, кубурну́та*, которые, по всей вероятности, и вызвали появление форм типа *кувыркну́ть, кувыркну́тца*.

Что касается ударения в *ю́ркнуть*, то оно для нашего говора вполне закономерно ввиду наличия в нем производящего глагола несовершенного вида *ю́ркать* и прилагательного *ю́ркай*, этимологическая связь с которым глагола *ю́ркнуть* в сознании говорящих не утрачена. *Юркну́ть* литературного языка, на наш взгляд, явно аналогического происхождения. В этой связи заметим мимоходом, что запретительная помета словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959, стр. 661) «не ю́ркнуть, -ну, -нешь» вряд ли обоснованна: ср. показания некоторых других словарей: в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (т. I, стр. 477) — только *ю́ркать, ю́ркнуть*, в «Толковом словаре» В. И. Даля (М., 1956, т. I, стр. 668) — *ю́ркну́ть*, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (изд. 2, М., 1952, стр. 844) — *юркну́ть* и *ю́ркнуть*, в «Словаре русского языка» АН СССР (М., 1961, т. IV, стр. 1064) — *ю́ркнуть* и *юркну́ть*. Почему в исследуемом говоре *ю́ркнуть* оказался вне сферы действия тенденции смещения ударения у глаголов II-го продуктивного класса к концу слова? На этот вопрос, как и на любой подобный, связанный с действием аналогии, невозможно дать однозначный ответ.

У некоторых глаголов III-го продуктивного класса ударение сравнительно с литературным в нашем говоре может также иногда падать на один или два слога ближе к концу или началу слова.

С ударением, смещенным к концу слова, встречаются глаголы *ходáтайствовать* и *ремонтúровать* с их производными: *хыдатáйствывал* (В, ПБ) и т. п., но и *хадáтствуить* (Д. Тим.); *римынтиравáть, атримынтиравáли* (М), *римынтирýй(тя)* и т .д., но и *римантúрывать, римантúрую, римантúрывал, римантúруй(тя)* и т. п. Формы, совпадающие с литературными, в последнем случае в говоре преобладают, тогда как у глагола *ходáтайствовать* с его производными ударение чаще оказывается смещенным.

С ударением, смещенным к началу слова, в последнее время встречаются глаголы *баловáть, баловáться* и производные от них, изменяемые в таком случае по образцу I-го продуктивного класса: *бáлывать* (преимущественно в значении «нежить, потакать», но иногда и в значении «шалить»), *бáлывытца, балúвыю(сь), бáлывыш, бáлывыисси* и т. д.; *бáлывал, -а, -и (ба), бáлывылси, -лась, -лись (ба), пабáлывылси* (Сергей); ни *бáлывыйси,* ни *бáлывыйтясь* (Ник, КИН, Сергей). Подобные формы воспринимаются за литературные, а потому появляются главным образом в речи лиц, сознательно желающих говорить литературно. Однако в целом в говоре явно преобладают формы, совпадающие по ударению с литературными: *былавáть, былавáтца, балýю(сь), балýиш, балýисси* и т. д. *былавáл, -а, -и (ба), былавáлси, -лась, -лись (ба)* (М и др.); дáрам/ дáрам/ ни *балýй* (ИА), ни *балýйси* (ШИА, М и др.), ни *балýйтясь* (ни *балýйтися)* (М и др.).

Смещение ударения в отыменном глаголе *хыдатáйствывать* объясняется влиянием существительных *хыдатáй, хыдатáйства,* употребляемых в говоре преимущественно с ударением на суффиксе *-тай.* Ударение в *римынтиравáть,* видимо, следует объяснить аналогическим воздействием со стороны глаголов типа *сыртиравáть* [37]. Что касается ударения на первом слоге глаголов *бáлывать, бáлывытца* с их производными, то оно к нам явно проникло из просторечия, в котором, надо полагать, появилось под влиянием украинского и белорусского языков. Возможно, здесь намечается тенденция разграничения с помощью ударения лексических значений глаголов *баловáть* «шалить» и *бáловать* «нежить, потворствовать», которые, на наш взгляд, должны рассматриваться в качестве разных слов [38].

Из глаголов IV-го продуктивного класса с ударением, смещённым сравнительно с литературным на один слог к началу слова, в нашем говоре постоянно, без колебаний употребляются *изришэ́тить, искравля́нить (искравя́нить), крáить, тýзить* и воз-

можные производные от них: *изришэ́тить, изришэ́тю, изришэ́тиш* и т. д.; *изришэ́тял, изришэ́тила, -и (ба);* ни *изришэ́ть(тя)* (М и др.); ср. *абришэ́титца* «ошибиться; неудачно жениться, обзавестись семьёй»: *Абрищэ́тилси*/ а жыть ниизве́сна как бу́дить// (М); *искравля́нить (искравя́нить), искравля́ню (искравя́ню), искравля́ниш (искравя́ниш)* и т. д.; *искравля́нял (искравя́нял), искравля́нила (искравя́нила), -и (ба);* ни *икравля́нь(тя)* (М и др.); *кра́ить* (М, 6 р., Р, 2 р. и др.), *скра́ить* (М, 5 р.), *(да-, на-, па-, пири-, пра-, рас-, с-) кра́ю, -кра́иш* (М и др.), *кро́иш* (М), халсты́ *кра́ють* (Р, 2 р.) и т. п.; *-кра́ял, -кра́ила, -и (ба)* (М, 4 р., Р и др.); *-кра́й(тя)* (М, БАА и др.); и дава́й яво́ *ту́зить* (О), *ту́зиш* и т. д.; *ту́зял, ту́зила, -и (ба)* [39].

У глагола *серди́ться* и однокоренных с ним приставочных глаголов ударение может колебаться. При преобладании исконных для говора форм с ударением на суффиксе *-и-* в инфинитиве и формах, образованных от его основы, и на окончании во всех остальных спрягаемых формах *(сирди́тца, сиржу́сь (сирдю́сь), сирди́сси* и т. д., *сирди́лси, -лась, -лись;* ни *сирди́сь,* ни *сирди́тися (ни сирди́тясь)* и т. п.) в последнее время иногда можно встретить формы с ударением на первом слоге: стал *се́рдитца* (Нюня), *се́ржусь, се́рдисси* и т. д.; *се́рдилси, -лась, лись (ба);* ни *се́рдись.*

С ударением, смещённым сравнительно с литературным на один слог к концу слова, в нашем говоре последовательно употребляются глаголы *зукупо́рить, аткупо́рить*; *хити́ть* «уничтожать, убивать»; *шкади́ть: (зу-, ат-) купо́рю, -купо́риш* и т. д.; *купо́рял, -купо́рила, -и, ба); купо́рь(тя)* (М и др.); *(пы-)хити́ть, -хичю́ (-хитю́), -хити́ш* и т. д.; *-хити́л, -а, -и (ба); хити́(тя)* (М, 3 р., Нюня, 2 р. и др.); *(-ны, пы)шкади́ть, -шкажу́, -шкади́ш* и т. д.; *-шкади́л, а, -и, (ба); шкади́(тя); дышкади́лси* и т. п. (М и др.). Аналогично размещается ударение глагола *принужди́ть,* соответствующего литературному *прину́дить: принуждю́, принужди́ш* и т. д.; *принужди́л, -а, -и (ба); принужди́(тя),* правда, глагол этот употребляется крайне редко.

Глаголы *апыражни́ть, апыражни́тца* никогда не употребляются у нас с ударением на корне *(апаро́жнить* и т. п.).

У некоторых глаголов IV-го продуктивного класса ударение в нашем говоре колеблется. Таковы *зывихри́тца-зави́хритца, (зы, с-)низи́ть—(за-, с)ни́зить, азлаби́ть — азло́бить и кле́ить—клии́ть* с производными. У глагола *кле́ить* и производных от него колебания ударения наблюдается, в сущности, лишь в инфинитиве и формах, образованных от его основы. Так, в частнос-

ти, зафиксирована форма *приклийлась* (О). В личных же формах господствует баритонированное ударение, а форм 1-го лица ед. ч. с ударяемым окончанием вообще никогда не приходилось слышать. У других глаголов с колеблющимся ударением баритонированные и окситонированные формы в настоящее время, пожалуй, используются на равных основаниях, но в прошлом были употребительнее окситонированные формы.

Почти все приведенные выше глаголы по происхождению являются отымёнными, и в этом в первую очередь кроется специфика их акцентуации в исследуемом говоре. Закономерности акцентуационных соотношений производящих имен и производных от них глаголов в нашем говоре и литературном языке не всегда идентичны. Однако недостаток места, к сожалению, не позволяет входить в рассмотрение некоторых деталей, связанных с данной проблемой [40].

ОБОБЩЕНИЯ И ВЫВОДЫ

1. Среди глаголов, имеющих в исследуемом говоре ударение, отличное от литературного, выделяются такие, особенности ударения которых обусловлены специфическими чертами грамматического строя говора, — спецификой образования инфинитива, личных форм, повелительного наклонения.

Глаголы с ударением, обусловленным особенностями образования неопределенной формы, делятся на две группы: а) глаголы, ударение которых отличается от литературного только в инфинитиве, совпадая с литературным во всех остальных формах; б) глаголы, ударение которых оказывается отличным от литературного во всех или многих формах.

Ряд глаголов непродуктивных групп и некоторые изолированные глаголы в силу разного рода аналогических воздействий образуют в нашем говоре личные формы иначе, чем в литературном языке, что нередко сказывается и на размещении ударения.

От некоторых глаголов непродуктивных групп и IV-го продуктивного класса формы повелительного наклонения в отличие от литературного языка образуются у нас без суффикса *-и,* что влечет за собою помещение ударения на корне.

2. Некоторые глаголы, совпадая по морфологической структуре с соответствующими глаголами литературного языка, отличаются от последних местом ударения уже в неопределенной форме, что обычно обусловливает различия в размещении ударения и во всех других формах. При этом сравнительно с ли-

тературным ударение может смещаться к концу и к началу слова. В том и другом случае возможны колебания ударения.

3. В исследуемом говоре более интенсивно, чем в литературном языке, действуют тенденции не только словообразовательного и формообразовательного, но и акцентуационного аналогического выравнивания. В частности, у нас наблюдаются более последовательные соответствия между ударением производящих и производных словоформ, вследствие чего несовпадение с литературным ударения в производящих, как правило, приводит к несовпадению с литературным и ударения в производных.

4. В нашем говоре чаще, чем в литературном языке, ударение используется как смыслоразличительное средство; ср. выше *ба́лывать — былава́ть, бры́кнуть — брыкну́ть, узгля́нуть — узгляну́ть, дро́гнуть — драгну́ть, зыкаля́нить — зыкылине́ть, лётать — лята́ть.*

5. Отличное от литературного размещение ударения рассмотренных в данной статье глаголов ведет к иному, чем в литературном языке, их распределению по акцентуационным группам. Особый интерес в этом отношении представляет ударение форм настоящего — будущего простого времени.

Так, в противоположность подвижноударяемым глаголам IV-го продуктивного класса, количество которых в нашем говоре превосходит их количество в литературном языке и постоянно увеличивается, круг подвижноударяемых глаголов непродуктивных групп у нас неуклонно суживается, причем более интенсивно, чем в литературном языке. Сужение это происходит в первую очередь за счет глаголов 1-й непродуктивной группы, которые, изменяясь по образцу глаголов I-го продуктивного класса, пополняют в нашем говоре разряд баритонированных глаголов. Сюда же — *ды́хать, аддышытца, то́пнуть.* Некоторые подвижноударяемые в литературном языке глаголы *(блисте́ть, свиста́ть, свисте́ть)* имеют у нас окситонированное ударение. Сюда же — *пымагну́ть,* употребляемый у нас вместо *памо́ч.*

Часть окситонированных в литературном языке глаголов пополняет в нашем говоре группу баритонированных глаголов. Сюда относятся все глаголы 8-й непродуктивной группы, примыкающий к ним в говоре глагол *скидава́ть,* ряд глаголов II-го *(кувы́ркнуть, си́гнуть, ю́ркнуть)* и IV-го *(изриша́тить, искравля́нить, кле́ить, кра́ить, се́рдитца, ту́зить* и др.) продуктивного классов, а также глаголы *пасть* с производными и *боле́ть* «об ощущении боли».

Рамки окситонированных глаголов в исследуемом говоре расширяются главным образом за счет глаголов II-го продуктивного класса, примыкающего к ним глагола *свяргну́ть* и ряда глаголов IV-го продуктивного класса *(зывихри́тца, зынизи́ть, азлаби́ть, апыражни́ть, принужди́ть, хити́ть, шкади́ть* и др.), имеющих в литературном языке баритонированное ударение. Сюда же — *боле́ть* «страдать какой-либо болезнью» и *брить*.

Глагол *хате́ть*, имеющий в литературном языке индивидуальную схему подвижного ударения (на окончании в формах 1-го л. ед. ч. и всех форм мн. ч. и на основе в формах 2-го и 3-го л. ед. ч.), в нашем говоре уподобляется глаголам со «стандартной» схемой подвижного ударения (на окончании в формах 1-го л. ед. ч. и на основе во всех остальных формах).

Многие глаголы, оставаясь и у нас баритонированными, имеют сравнительно с литературным ударение, смещенное к концу *(дыкладáть, зыгытавля́ть* и т. п.; *скидавáть*; *палóзить; камкáть, чярпáть, шшалкáть* и т. п.; *римынтиравáть, хыдатáйствывать; аткупóрить* и т. п.) или к началу слова *(дарóжыть, лéкчить* и т. п.).

В формах повелительного наклонения, имеющих в нашем говоре, как и в литературном языке, только неподвижное ударение, группа баритонированных глаголов расширяется за счет окситонированных в литературном языке глаголов, лишенных у нас суффикса повелительного наклонения *-и*. Во всех остальных случаях ударение в формах повелительного наклонения падает на тот же слог, что и в формах 1-го лица единственного числа настоящего — будущего простого времени.

Ударение в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения рассмотренных глаголов падает на иной слог, чем в формах настоящего — будущего простого времени, лишь в единичных случаях. Таковы *(с-)пасúл, -ла, -ли* при *(с-)пасý, -пасёш* и т. д.; *зашы́п, -шы́бла, -ли* при *зышыбý, зышыбёш* и т. д.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, РЕЧЬ КОТОРЫХ ПОДВЕРГАЛАСЬ ИЗУЧЕНИЮ, И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ [41]

БАМ — Баева Анна Максимовна, 1907 г., малограмотная.
Д — Баева Антонина Никифоровна, 1932 г., ученица 7-го класса.
БАА — Балабанова Анна Андрияновна, 1902 г., образование начальное.
И — Данилов Илья Иванович, 1933 г., ученик 10-го класса, племянник автора.
КА — Коновалова Анастасия Сергеевна, 1902 г., малограмотная.
Т. Пар — Кутейникова Прасковья Макаровна, 1883 г., неграмотная, те-

тя автора, после замужества жила сначала в с. Болото, а затем в д. Рождественке (выселки из с. Болото в 5 км от Дулово).

Р или *р* — раз.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Однотипными (однородными) называем одноименные формы одной и той же грамматической категории одной и той же части речи, имеющие или могущие иметь одинаковое выражение (формы рода, числа, падежа, наклонения, времени, лица и т. п.).

[2] См., например: Р. И. Аванесов, Ударение в современном русском литературном языке, изд. 2-е, Учпедгиз, 1958, стр. 32—33.

[3] Под словоформой вслед за рядом ученых понимаем грамматическую форму конкретного слова или данное слово в одной из своих форм.

[4] Об условном ударении см., например: А. А. Зализняк, Ударение в современном русском склонении, РЯНШ, 1963, № 2, стр. 7—23; его же, «Условное ударение» в русском словоизменении, ВЯ, 1964, № 1, стр. 14—29; Н. А. Матвеева. Ударение в глаголах в современном русском языке, «Русский язык за рубежом», 1967, № 1, стр. 44—49. В отличие от авторов данных работ считаем необходимым при определении схем условного ударения, рассматривая ударение на основе, учитывать действительное ударение, обращая внимание на то, падает ли оно на приставку, корень или суффикс.

[5] Сами формы инфинитива, будучи неизменяемыми, естественно, всегда имеют только неподвижное ударение.

[6] См.: А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 186 со ссылками на другие места работы.

[7] См.: Я. К. Грот, О спряжении русского глагола и важности в нем ударения, Филологические разыскания, Спб., 1873, стр. 311 и сл.; О глаголах с подвижным ударением, там же, стр. 329 и сл.; О русском ударении вообще и об ударении имен существительных, там же, стр. 345 и сл...

[8] См., например: Н. Я. Грот, О спряжении русского глагола.., стр. 314—315; его же, По поводу немецкой брошюры о русском ударении, там же, стр. 424. Эту мысль без ссылки на Я. К. Грота повторяет Я. А. Спринчак, «Подвижное ударение в формах настоящего времени глаголов русского языка», Ученые записки Днепропетровского университета, т. 52, вып. IX, Киев, 1956, стр. 123.

[9] Ср. примечание к § 748 академической «Грамматики» (М., 1953): «Ударение в формах настоящего—будущего времени, последовательно сохраняющееся на окончании во всех личных формах, также определяется как неподвижное, несмотря на то, что оно не соответствует месту ударения в неопределенной форме: напр.: *украду́, украдёшь* при *укра́сть, упаду́, упадёшь* при *упа́сть*». Ниже ссылки делаются на данное издание.

[10] Количество подобных формулировок, к сожалению, слишком многочисленно и постоянно увеличивается. Ср., например, только применительно к ударению глагола: Я. А. Спринчак, указ. соч., стр. 124; В. Л. Воронцова, О нормах ударения в глаголах на *-ить* в современном русском языке, ВКР, вып. 2, М., 1959, стр. 119; Н. К. Пирогова, О некоторых тенденциях в развитии типов глагольного ударения, Вестник МГУ, историко-филологическая серия, 1959, № 3, стр. 114; И. К. Зданевич, Система ударения причастий в современном русском языке, Горький, 1959, стр. 9 и сл. и др.

[11] Здесь и ниже распределение глаголов по продуктивным классам и непродуктивным группам даётся в соответствии с академической «Грамматикой».

[12] По техническим причинам пользуемся упрощенной транскрипцией, пояснения к которой см. в нашей статье «О смыслоразличительной и форморазличительной роли ударения в русских говорах» («Ученые записки» Череповецкого госпединститута, т. III, вып. 2, Вологда, 1962, стр. 73). Знак ударения над буквой *ё* и односложными словами не ставится.

[13] Материалы других говоров см., например: Е. П. Резанова, Наблюдения над говором крестьян Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губернии, ИОРЯС, 1912, т. XVII, кн. 1, стр. 221; С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 172 и сл.; Н. К. Пирогова, указ. соч., стр. 125 и сл.

[14] Сведения о лицах, речь которых подвергалась изучению, см. в конце настоящей статьи.

[15] Инфинитивы многих возвратных глаголов 4-й непродуктивной группы в нашем говоре неупотребительны или малоупотребительны; некоторые из таких глаголов известны у нас лишь в формах 3-го лица ед. и мн. ч.. Ср.: усё *пыдгрибётца, смитётца* и т. п. при отсутствии *пыдгрябу́сь, смяту́сь, пыдгрибёсси, смитёсси* и т. п.

[16] Вероятно, так же образуются инфинитивы и от глаголов *зашиби́ться, расшиби́ться*, однако формы *зашы́тца, рашшы́тца* нами не зафиксированы. Возможно, их отсутствие объясняется стремлением избежать омонимии с зашы́тца «не справиться с работой, оказаться в затруднительном положении» и с *рашшы́тца* «распороться».

[17] Ударение на суффиксе *-и* в формах повелительного наклонения ниже для краткости изложения характеризуется как ударение, падающее на окончание. Составляющие исключение глаголы *найти́* и *прийти́*, которые в формах будущего времени в говоре могут иметь подвижное ударение, в настоящей статье не рассматриваются.

[18] В результате ложной этимологии и стяжения гласных приставки в глаголе *приобрести́* он в нашем говоре обычно становится омонимичным с глаголом приобрести́: *прибре́сь, приобряду́, прибридёш* и т. д.; *прибрёл, прибряла́, прибрила́ (ба); прибриди́(тя)*; ср. и существительное *прибриде́нья*: атцо́ва *прибриде́нья* (МФ); реже — *приабряду́, приабридёш* и т. п.

[19] Об ударении в формах прошедшего времени глагола *беч* см. в нашей статье «Особенности ударения форм прошедшего времени глагола в русских народных говорах», сб. «Вопросы теории и истории русского языка», Северо-западное книжное издательство, 1967, стр. 87—89.

[20] Глаголы с этим корнем в прошлом широко употреблялись с суффиксом -А- в основе инфинитива и в письменной речи (см., например: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 692, 918; Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка, Учпедгиз 1961, стр. 94; «Словарь современного русского литературного языка», т. 3, изд. АН СССР, 1954, стр. 914. Материалы других говоров см., напр.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 35 и сл.; И. Г. Долгачев, Особенности ударения в верхнедонских казачьих говорах, сб. «Исследования и статьи по русскому языку», Волгоград, 1967, стр.. 216.

[21] См., напр.: И. И. Срезневский, указ. соч. т. I, стр. 1128—1129; «Словарь современного русского литературного языка», т. 5, стр. 486—488, т. 10, стр. 807; академическая «Грамматика», т. I, стр. 545.

[22] Материал литературного языка и других говоров см.: С. П. Обнорский. указ. соч., стр. 31 и сл.

[23] Обратного смешения рассматриваемых глаголов говор не знает. Ср.: и там *ла́зиють* па э́тим по́лкам (т. Н), Эта *сла́зить* ны чюжо́й двор!! (М). Материалы других говоров см., напр.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 10, 13, 22.

[24] Об ударении в формах повелительного наклонения см. ниже.

[25] Материалы литературного языка и других говоров см.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 8 и сл.

[26] Глагол *блиста́ть* говору неизвестен.

[27] См.. М. А. Шелякин, К вопросу о понятиях морфемы и основы слова, сб. «Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка», Новосибирск, 1966, стр. 12—13.

[28] Материалы других говоров см.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 29.

[29] В значении литературного *устава́ть* в говоре употребляется глагол *ума́ривытца*.

[30] Материалы других говоров см.: С. П. Обнорский, указ соч., стр. 89 и сл.

[31] Употребляемые в некоторых говорах по образцу глаголов данной группы глаголы, производные от *-дева́ть*, у нас изменяются как глаголы продуктивного класса: *ыдява́ишь*, *адява́ить*, *рыздява́ить* и т. п.

[32] *Суме́рничать* без каких-либо оговорок допускается в литературном языке П. С. Кузнецовым (см.: «Современный русский язык. Морфология», изд. МГУ, 1952, стр. 269).

[33] Глаголы *(зы-)кална́ить* являются недостаточными: не имеют форм 1-2-го лица ед. и мн. ч. настоящего (будущего простого) времени и форм повелительного наклонения, т. к. обозначают действия, принадлежащие только неодушевлённым предметам.

[34] Глагол *клюка́ть* в говоре почти не употребляется, есть только однократный *кли́кнуть* «выпить спиртного».

[35] Ср. колебание ударения в глаголах *дрогнуть*, *прыгнуть* у поэтов XIX в. (см.: Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. I, изд. «Радянська школа», Киев, 1952, стр. 235; Русский литературный язык первой половины XIX века, Учпедгиз, 1954, стр. 219—220.

[36] Ср. аналогичные явления и в литературном языке (см. напр.: С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 32—33.

[37] Материалы литературного языка см.: В. Л. Воронцова, Ударение в глаголах на *-ировать*, «Русский язык за рубежом», 1967, № 2, стр. 82—85; см. также: З. И. Кривопустова, Из истории ударения русского глагола («Ведомости» 1703—1707 гг.), «Ученые записки» Куйбышевского госпединститута, вып. 26, Куйбышев, 1959, стр. 116—117.

[38] Ср., например, рассмотрение в качестве омонимов глаголов *балова́ть* в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (т. I, стр. 20).

[39] 1-е лицо ед. ч. и повелительного наклонения глагола *ту́зить* в говоре неупотребительны.

[40] Освещение фактов литературного языка см.: В. А. Редькин, Об акцентных соотношениях имени и глагола в современном русском литературном языке, ВЯ, 1965, № 3, стр. 111—117.

[41] Сведения о большинстве лиц см. в наших статьях «Ударение полных форм имен прилагательных в русских народных говорах» («Ученые записки» Череповецкого госпединститута, т. III, вып. 2, стр. 96—97) и «Особенности ударения форм прошедшего времени глагола в русских народных говорах» (стр. 115—116). Ниже даются сведения лишь о тех лицах, которые не упоминаются в названных статьях.

Т. Г. Паникаровская

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ ПАРФЕНКИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В советскую эпоху, как известно, особенно активно протекают процессы изменения говоров под воздействием литературного языка. Однако исследований, освещающих на конкретном материале упомянутые процессы, мало, несмотря на то, что эта проблема представляет для науки значительный интерес. Можно упомянуть, например, исследования Н. М. Каринского[1], С. С. Высотского[2], Е. П. Лупповой[3], в которых прослеживаются изменения, происшедшие в говорах за 30—40 лет. Н. М. Каринский, как известно, дважды обследовал говор деревни Ванилово Московской области: в 1903 и в 1932 годах; С. С. Высотский наблюдал в 1945 году говор деревни Лека (бывшей Рязанской губернии, ныне Московской области), обследованный А. А. Шахматовым в 1912 и 1915 годах; Е. П. Луппова проследила изменения в произношении гласного *о* в неударном положении, а также гласного на месте древнего *«ять»* в говорах северного Приволховья, сопоставив наблюдения Н. М. Каринского, относящиеся к 1911—1913 годам, со своими наблюдениями 1954—1955 годов.

В предлагаемой статье рассматриваются изменения, которые произошли в фонетической системе говора деревни Парфенки Истринского района Московской области в советский период.

Говор деревни Парфенки бывшего Рузского уезда Московской губернии, детально изученный в конце XIX — начале XX века Н. Н. Дурново[4], весьма интересен для повторного лингвистического обследования (оно было предпринято нами в 1950—1955 годах), так как сопоставление данных Н. Н. Дурново с

современными данными позволяет на конкретных фактах проследить изменения, которые произошли в говоре за пятьдесят с лишним лет. В общем плане об этих изменениях говорилось в нашем докладе на X Диалектологическом совещании в Москве [5].

Не предполагая в данной статье всесторонне характеризовать звуковую систему изучаемого говора [6], одного из «восточных среднерусских говоров» [7], типичного для говоров Западного Подмосковья [8], в современном его состоянии, попытаемся дать более детальную по сравнению с содержащейся в упомянутом докладе характеристику тех изменений, которые претерпела звуковая система говора за пятьдесят с лишним лет.

Влияние литературного языка (преимущественно его устной формы) на наш говор наблюдалось уже в конце XIX — начале XX века. В тот период оно обусловливалось, прежде всего, территориальной близостью Парфенок к Москве и ролью той части населения, которая занималась отхожими промыслами, главным образом, извозом в Москве. (Уже в первой половине XIX века в Рузском уезде не было селений, где крестьяне занимались бы только хлебопашеством) [9]. В эпоху развития капитализма в России основными факторами, определяющими развитие говоров в сторону сближения с «общенародной формой разговорного языка»,—замечают В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова [10], — были: непосредственная близость к городам и промышленным районам и роль населения, которое занималось отходничеством. Одним из путей влияния литературного языка на говор была школа. В конце XIX века грамотных среди мужчин в Парфенках было, по свидетельству Н. Н. Дурново [11], не многим больше половины.

Влияние литературного языка на говоры (в том числе на изучаемый) заметно усилилось после Великой Октябрьской социалистической революции, что было обусловлено, прежде всего, социалистической реконструкцией сельского хозяйства, широким развитием народного образования, подъемом культуры. В эпоху существования социалистического государства воздействие общенародной формы языка на говоры приобретает планомерный характер [12].

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что большинство диалектных явлений, отмеченных Н. Н. Дурново, сохраняется до сих пор, несмотря на то, что в говоре произошли существенные изменения, вызванные прежде всего воздействием на последний норм литературного языка. Разумеется, разные группы

населения в разной степени испытывают это воздействие. Многие диалектные явления характеризуются относительной устойчивостью, но и они не прослеживаются сейчас последовательно. Колебания нормы возможны даже в речи одного и того же информатора. Относительная устойчивость фонетических диалектных явлений обращала на себя внимание исследователей [13].

Изучаемый говор утрачивает диалектные особенности под воздействием литературного языка медленно и постепенно, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные факты длительного сосуществования в говоре диалектной и литературной норм.

Так, например, умеренное яканье, выдерживавшееся в говоре нестрого уже в конце XIX — начале XX века, характеризует речь преимущественно старшего поколения и в настоящее время, однако оно заметно идет на убыль под влиянием икающего литературного произношения. Н. Н. Дурново писал: «...рядом с *'а* может явиться *и* в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми (а после *ж* и *ш* — *ы*), независимо от окружающих условий... Установить здесь какие-нибудь правила, при каких условиях чаще *а,* при каких *-и,* кажется, нельзя...» [14]. «В настоящее время этот говор, — писал Н. Н. Дурново, — находится в переходном состоянии от сильно акающего (*'а* перед твердой согласной) — имеется в виду умеренное яканье — к умеренно акающему (*'и* во всех положениях перед ударением) — имеется в виду иканье... Говор стариков — сильно акающий; дети тоже склонны к сильному аканью, но среди взрослой молодежи, даже и не жившей в Москве, иногда замечается склонность к умеренному аканью (то есть иканью, — *Т. П.*). Впрочем, разная степень аканья состоит, кажется, не столько в зависимости от поколения, сколько от принадлежности говорящего к той или другой семье» [15].

В. Н. Сидоров отмечал, что в двадцатых годах господствующим типом яканья в западной половине бывшего Воскресенского уезда, на территории которого находилась бывшая Ново-Петровская волость, являлось умеренное яканье. Картина яканья на описываемой территории, — замечает В. Н. Сидоров, — сильно запутывается под влиянием городского (московского) произношения. В больших торговых селах и деревнях такое влияние особенно сильно. Молодое поколение, например, в Ново-Петровском уже не якает, а по-городскому икает... Иканье проникает почти в каждое селение, и даже у лиц с отчетливо выраженным типом яканья можно услышать рядом

с якающим видом слова произношение с иканьем: *в'асно́й* и *в'исно́й, йаво́* и *йиво́, цв'аты́* и *цв'иты́* и т. д.»[16].

В настоящее время даже в речи старшего поколения населения Парфенок отмечено совпадение гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми как в гласном *'а* (все-таки чаще), так и в гласном *и*. Такое колебание нормы возможно в речи одного и того же лица. В речи молодежи, обучающейся в школе или окончившей среднюю школу, а также в речи грамотных людей среднего поколения яканье, как правило, отсутствует. Молодое поколение часто сознательно стремится избегать якающего произношения[17].

Разрушению умеренного яканья в изучаемом говоре способствуют, по-видимому, и следующие внутренние закономерности его фонетической системы: во-первых, характерной особенностью умеренного яканья в нашем говоре является то, что перед твердыми шипящими *ж, ш* в первом предударном слоге после мягких согласных гласные неверхнего подъема постоянно совпадают в гласном *и* независимо от того, какой гласный находится под ударением, то есть шипящие, бывшие некогда мягкими, оказывают такое же влияние на гласный первого предударного слога, как и мягкие согласные: *л'ижу́, сп'ишу́, д'ишо́въй, с'т'ьр'ижо́т, р'ишá'* и т. д. Это явление, как известно, нередко наблюдается в среднерусских говорах с умеренным яканьем[18].

Во-вторых: своеобразное «отклонение» от закономерностей умеренного яканья, заключающееся в том, что группа согласных, из которых первый твердый, а второй мягкий, влияет на гласный первого предударного слога в нашем говоре как один мягкий согласный: *б'ьригли́, лигли́, нъс'т'икл'э́, скрибли́, пъвизли́, нисли́* и т. д. Это своеобразное «отклонение» от системы умеренного яканья одни исследователи объясняют действием морфологической аналогии (В. Г. Орлова[19], Р. И. Аванесов[20]), другие (Л. Н. Булатова[21], В. Н. Сидоров[22]), напротив — причинами фонетическими. Р. И. Аванесов полагает, что лишь в некоторых словах появление гласного *и* в первом предударном слоге перед группой согласных, начинающейся с твердого согласного (например, в формах типа *«пикли»*) может быть и фонетическим, так как некоторые из твердых согласных перед мягкими в прошлом были в какой-то мере мягкими, в частности, заднеязычные *к, г*.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что яканье наблюдается не во всех деревнях из числа окружающих Пар-

фенки в радиусе приблизительно 5 км. Так, например, в деревнях Курове и Назарове, расположенных соответственно на расстоянии 1,5 км на восток и 2,5—3 км на северо-восток от Парфенок, яканья нет даже в речи старшего поколения местных жителей. Замечания о том, что говор жителей дер. Курово (выходцев из бывшей Орловской губернии) отличается от говора жителей деревни Парфенки «более умеренным аканьем» (имеется в виду произношение гласных первого предударного слога после мягких согласных), «ближе к московскому», — находим в монографии Н. Н. Дурново [23].

Расшатывают систему умеренного яканья и слова, проникшие в лексику изучаемого говора из литературного языка: в них яканье, как правило, отсутствует. Примеры: *звино́, зъсидáн'йь, лъсивнáйъ, пр'ьтсидáтил'* и т. д.

Факультативное в прошлом изменение мягких заднеязычных *к', г'* соответственно в переднеязычные *т', д'* перед гласными переднего ряда отмечено и сейчас, преимущественно в речи пожилых женщин [24], как в корнях слов *(ти́нулъ, тир'пи́ч', ти́слъй, тип'ато́к, дърадийь, б'ьзразд'и́бу, падибли)*, так и на стыке морфем *(д'э́фт'и, ру́ти, взаулти, но́ди, вастро́ди, здаро́ди)*, однако выдерживается нестрого. Отмечено это явление и в словах иноязычного происхождения. Например: *тино́, дихта́р* и т. д. Упомянутое изменение известно многим подмосковным говорам [25]. Повсеместное распространение изменения согласных *к', г'* в *т', д'* перед гласными переднего ряда наблюдал В. Н. Сидоров [26] в говорах западной половины бывшего Воскресенского уезда, территориально близких к изучаемому. Нет этого изменения, по сведениям В. Н. Сидорова, лишь в отдельных случаях либо в речи молодого поколения, либо в речи людей, живших прежде в городах. Спорадический переход *к', г'* в *т', д'* перед гласными переднего ряда на территории Ново-Петровского района отмечен и С. Галкиной [27]. По данным архивных материалов Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, переход заднеязычных *к', г'* в переднеязычные *т', д'* наблюдается в говорах Можайского, б. Звенигородского, Клинского, Загорского, Дмитровского и других районов Московской области.

Если в конце XIX — начале XX века мягкие *к', г'* сохранялись в изучаемом говоре, по свидетельству Н. Н. Дурново [28], без изменения в *т' д'* в тех случаях, когда они чередовались с твердыми заднеязычными *к, г* в формах одного и того же слова: ср.: *ру́ки — рука́, но́ги — нога́*, то в настоящее время это изменение отмечено и в упомянутых случаях, однако под влия-

нием литературной нормы оно наблюдается непоследовательно.

Диссимилятивное изменение взрывных заднеязычных согласных во фрикативные перед взрывными *к, г, т, д,* факультативное в прошлом, по свидетельству Н. Н. Дурново, в положении перед взрывными зубными согласными *т, д* (*хто*—кто, *трахти́р* — трактир, *гдо́му — Гдо́му, гду́бу — Гду́бу*[29]) и обязательное перед заднеязычными *к, г* (*л'о́хкъй, хкаму́, хку́му*),[30] в настоящее время наблюдается непоследовательно и перед заднеязычными согласными, особенно перед звонким *г* (ср. *гго́ръду — Гго́ръду, ггас't'а́м — Гас't'а́м*), а в лексике, пришедшей в говор из литературного языка, это изменение, за редкими исключениями, отсутствует (Ср. *а́кты, пункт, пръдукти́внъс't'* и т. д.).

Переднеязычные твердые зубные согласные подвергаются, как и в прошлом, смягчению перед мягкими губными[31], однако это смягчение выдерживается нестрого: перед мягкими губными отмечены также (преимущественно в речи молодежи) твердые зубные согласные: *с'мийа́лис — смийа́лис; д'в'э́ри — дв'э́ри, в'э́т'ви — в'э́тви.* На тенденцию к отвердению зубных перед мягкими губными в изучаемом говоре обратил внимание еще Н. Н. Дурново[32]. Эта тенденция имеет, по-видимому, общерусский характер, она наблюдается и в современном русском литературном языке[33], где смягчение зубных согласных перед мягкими губными не выдерживается, как известно, в настоящее время сколько-нибудь последовательно.

Как и прежде, факультативно в говоре смягчение твердых зубных в положении перед мягким зубным *л'*: *с'ли́въ — сли́въ; во́з'ли — во́зли; д'ли́ннъй — дли́ннъй; с'липо́й — слипо́й* и т. д.[34].

В говоре до сих пор сохраняется этимологическая мягкость согласного *р* (в древнерусском сочетании *ьр*) в положении перед заднеязычными и губными согласными: *в'эр'х, с'эр'п, н'э́р'въй, в'э́р'бъ* и т. д. Однако наблюдается давняя тенденция (еще Н. Н. Дурново отмечал параллельные формы: *спе́р'ва — спе́рва*, а также формы: *царко́внъй, д'о́ргът'*—с твердым *р*) к отвердению плавного согласного в этом положении[35]. Эта тенденция несомненно поддерживается влиянием орфоэпических норм современного русского литературного языка, где согласный *р* перед заднеязычными и губными уже произносится твердо.

Упрощение конечных сочетаний *ст, с't'* (особенно последнего), известное многим подмосковным говорам и характерное, но не вполне обязательное для изучаемого говора в прошлом[36],

является и в настоящее время относительно устойчивой его особенностью, свойственной преимущественно речи старшего поколения носителей говора. Ср.: *влас'*, *жы́рнъс'*, *мо́лъдъс'*, *пагóс*, *захвóс*, *нъдайэ́с*. Отсутствие смычного элемента в конечном сочетании *ст* — явление широко распространенное в говорах севернорусского наречия, а также на значительной территории среднерусских говоров к западу от Москвы [37]. Отклонение от диалектной нормы наблюдаются в лексике, проникшей в говор из литературного языка. В этой лексике сочетания *ст, с'т'* подвергаются упрощению значительно реже. Ср. их сохранение в случаях: *питáтил'нъс'т'*, *дахóднъс'т'*, *зъсар'óнъс'т'*, *сп'ьцыалúст, радúст, фудбалúст*. В лексике молодежи под влиянием норм литературного языка и орфографии преобладает сохранение конечных сочетаний *ст, с'т'*.

Некоторые диалектные явления характеризуют в настоящее время только (или преимущественно) речь старшего поколения. Таковы, например, в области согласных: диссимилятивная утрата аффрикатой *ц* фрикативного элемента в слове *ЦВЕТ* и производных: *т'в'эт*. Примеры: *óкны запýхли т'в'атáми; йарáн' т'в'ит'óт; т'в'эт нъстал'э́ стайт; плáт'йь т'в'атáстыйь* и т. д. Но и в речи старшего поколения это наблюдается непоследовательно. Случаи утраты аффрикатой *ц* взрывного элемента значительно более редки.

Диссимилятивное изменение аффрикаты *ц* в *т'* или с' в слове *цвет* (и производных) было характерно для изучаемого говора, по свидетельству Н. Н. Дурново [38], и в прошлом. Наблюдая наш говор в конце XIX — начале XX века, Н. Н. Дурново отмечал, что говору известно произношение слова *цвет* (и производных) и с начальной аффрикатой *ц*, причем употребление звука *ц*, с одной стороны, или звуков *т'*, *с'*, с другой стороны, связано с семантикой слова: слово *цвет* в значении flos произносится с начальным *т'*, в значении же color — с начальными *ц (цв'эт)*. Установить, сохраняется ли эта закономерность в настоящее время, трудно, так как благодаря все более усиливающемуся воздействию на говор литературного языка эта диалектная черта постепенно утрачивается и слово *цвет* в обоих значениях все чаще произносится с начальным *ц*.

Упомянутое диалектное явление известно многим подмосковным говорам, в том числе говорам Западного Подмосковья [39].

Именно в речи старшего поколения отмечено широко известное многим говорам Подмосковья [40] диссимилятивное изменение

губного носового согласного *м* в сочетании с губными взрывными *б, п* в переднеязычный зубной *н* в середине слова: *анба́р, канба́йн, кли́нбы, танбо́скъй, ла́нпъ*. Это изменение характеризовало изучаемый говор и раньше. Н. Н. Дурново отмечал в говоре формы *анба́р, канпа́ния, ку́нпъл* (и *ку́мпъл*), *ла́нпъчка* и пр. [41]. В речи молодежи сочетания *мб, мп* диссимилятивному изменению обычно не подвергаются: *ла́мпу нал'йу́, бара́к ръзбамби́лъ, къмбайн'о́р рабо́тъит* и т. д. Однако форма *анба́р* устойчива и в речи молодежи.

В речи старшего поколения наблюдается также диссимилятивное изменение сочетания *мн* в *вн* в словах: *вно́гъ, гувно́*. Это явление отмечено и в песенном языке. Ср.: *умин'а́ насва́д'б'и пи́въ вина́ вно́гъ*. Упомянутое изменение было известно нашему говору и в прошлом. Н. Н. Дурново были зафиксированы формы: *в(м)но́га, гув(м)но́, по́в(м)ни, папо́в(м)ни...* и др.[42]. В настоящее время с сочетанием *вн* отмечены в речи только старшего поколения лишь формы *вно́гъ, гувно́*, причем в речи одного и того же информатора возможны как формы с сочетанием *вн*, так и формы с сочетанием *мн*.

В говоре отмечено ассимилятивное изменение по способу образования и участию голоса сочетания *вн в мн: мнук, мну́ч'къ, кро́мнъй, рамно́* — явление, известное ряду подмосковных говоров [43]. Упомянутое явление было свойственно изучаемому говору и в конце XIX века, но уже тогда, по свидетельству Н. Н. Дурново [44], не выдерживалось строго. В настоящее время оно встречается спорадически только в речи старшего поколения.

Заднеязычный фрикативный глухой согласный *х* наблюдается в результате диссимиляции по способу образования в речи старшего поколения в начале слов *крест, крестьянин* (а также производных от них) в соответствии с заднеязычным взрывным глухим *к* литературного языка: *хрис'йа́ни, хр'э́с'тики*. Молодежь обычно произносит эти слова в соответствии с литературной нормой. Замена взрывного *к* фрикативным *х* в упомянутых словах была известна, по свидетельству П. Я. Черных [45], московскому просторечию уже в XVII веке. Наш говор знал это явление в конце XIX — начале XX века. Н. Н. Дурново [46] зафиксировал, наряду с формами крест, христи́ццъ и т. д., формы: *хр'о́снъй, хре́сньк*.

Межслоговая ассимиляция согласных наблюдается в речи старшего поколения в словах: *сошник — шашни́к*, шестнадцать — *шашна́цът'*, тяжелый — *ч'ижо́лъй*. В конце XIX века,

по словам Н. Н. Дурново [47], говор знал также формы: *чичвéрк* (четверг), *чичвертáк* (четвертак), уже неизвестные говору в современном его состоянии.

В ряде слов (на месте общеславянских сочетаний tj, kt, gt, перед гласными переднего ряда) в соответствии с *ш'ш'*, литературного языка, как и в конце XIX—начале XX века [48], наблюдается согласный *ч: пóмъч' óпчиствъ, апч'ижы́т'йь, асв'ич'ý;* на месте общеславянского сочетания dj — твердый *ж* (в соответствии с сочетанием *жд* литературного языка): *ад'óжъ, ад'óжынъ, ръжаствó* (ср.: *нуждá, жáждъ, над'э́ждъ, ражд'э́н'ьц* — уроженец).

Диалектные явления, характеризующие в настоящее время лишь речь старшего поколения носителей говора, — это явления, охватывающие собою, как правило, очень узкий круг слов, то есть явления лексикализованные.

Ряд фонетических диалектных особенностей к настоящему времени уже утратился под влиянием литературного языка. Это по преимуществу, по нашим наблюдениям, те особенности, которые носили остаточный характер уже в конце прошлого века. Так, например, говору уже не известен гласный *о* закрытый, который наблюдался в говоре, по свидетельству Н. Н. Дурново [49], наряду с открытым *о,* в положении перед губно-губным *з,* перед гласным *у* или сочетанием *ву;* губно-губное *в,* известное говору в конце XIX века, наряду с *в* губнозубным [50], уступило место последнему в процессе развития говора. По данным Н. Н. Дурново [51], в прошлом вместо губно-губного *в* в говоре изредка наблюдалось неслоговое *у: урóс', улапт'áх, дрóу, уафтóрник.* Говор в современном его состоянии, по нашим наблюдениям, уже не знает случаев употребления фрикативного *в* губно-губного образования. Не известно губно-губное *в* и говорам деревень, расположенных поблизости от Парфенок. Не известны описываемому говору в настоящее время и случаи употребления протетического *в,* а также неслогового *у.* Аналогичное явление — утрата согласным *в* билабиального произношения — отмечена, например, П. С. Кузнецовым, в севернорусских говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы [52].

Подчеркивая, что долгие переднеязычные фрикативные согласные *ш, ж,* восходящие к общеславянским сочетаниям *ш'ч', ж'д'ж',* а также к древнерусским *съч, зъч,* как правило, произносятся мягко, Н. Н. Дурново упоминал о единичных случаях твердого произношения долгого шипящего *ж (вóжжы, дрóжжы),* замечая, что у большинства носителей говора долгое *ж* произносится мягко [53]. Твердое произношение долгого *ж* не из-

вестно говору в современном его состоянии. В речи старшего поколения в словах с суффиксами *-щин, -щик, -льщиц, -льщик* в соответствии с долгим мягким *ш* литературного языка отмечен, как и во многих говорах Подмосковья [54], твердый *ш* нормальной длительности: *клъдафшы́к, ба́ршынъ, краси́л'шык* и т. д. Н. Н. Дурново [55] усматривал в этом следы былого твердого произношения долгих шипящих в говоре. К аналогичному выводу пришел и В. И. Чернышев [56] на том основании, что в говорах, им обследованных, были отмечены единичные случаи твердого произношения долгого *ш*. В изучаемом говоре в современном его состоянии не встретилось ни одного случая употребления в соответствии с *ш* долгим мягким литературного языка долгого твердого *ш;* не содержится упоминания о наличии в нашем говоре долгого твердого *ш* и в «Описании» Н. Н. Дурново, поэтому трудно решить, было ли известно изучаемому говору в прошлом твердое произношение долгого шипящего *ш,* или же в словах с упомянутыми суффиксами долгий мягкий шипящий подвергся сокращению и отвердел.

Мягкие переднеязычные свистящие согласные *с', з'* произносятся сейчас в говоре без оттенка шепелявости: *с'э́им, с'авóд'н'ъ, з'э́лин', з'има́* и т. д. Между тем Н. Н. Дурново [57] подчеркивал, что одной из характерных особенностей нашего говора являлось шепелявое произношение мягких свистящих *с', з',* то есть повышенная их палатальность, отмечая, однако, что подобное произношение — явление не всеобщее и распространено в разной степени только на некоторые семьи, наблюдается у некоторых лиц. Н. Н. Дурново высказывал предположение, что шепелявое произношение мягких *с', з',* так же как и аффрикат *щ, ж'д'ж' (с'с'яйим, с' с'óгъл'на, тъпар'и́с'с'я, рóс'с'ю, ис'с'ó... приизз'я́й, óз'зик...),* было значительно шире распространено в изучаемом говоре в прошлом. В. Н. Сидоров [58], характеризуя говоры западной половины бывшего Воскресенского уезда, на территории которого находилась и бывшая Ново-Петровская волость, отмечал, что мягкие согласные *с', з',* по отдельным местам встречаются с шипящим элементом в своем образовании: *фс''а,* з''эмл'а́, вз''ал'и... Но и в тех местах, где имеется шепелявость,— продолжает В. Н. Сидоров, — большинство населения не шепелявит. Шепелявое произношение мягких *с', з'* было, по-видимому, занесено в Парфенки в прошлом из деревень, где оно прослеживалось более последовательно. В настоящее время никаких следов шепелявого произношения свистящих *с', з'* (а также долгих шипящих) ни в Парфенках, ни в окружающих Парфен-

ки деревнях нет. Даже речь старшего поколения, в том числе пожилых женщин, не составляет в этом отношении исключения. Очевидно, шепелявые звуки, наблюдавшиеся спорадически уже в конце прошлого века, в процессе изменения говора под влиянием литературного языка полностью утратились.

В конце XIX века в говоре, по данным Н. Н. Дурново [59], наблюдались редкие случаи цоканья. Однако заметим, что все примеры цоканья, приведенные в монографии Н. Н. Дурново, взяты им из песен, что, по-видимому, свидетельствует о том, что для разговорной речи упомянутое явление было либо мало характерно, либо уже не характерно и в прошлом. Скорее всего, случаи цоканья, приводимые Н. Н. Дурново, были занесены в исследуемый говор из других говоров. Цоканье отмечено, например по данным С. Галкиной [60], в соседних с Ново-Петровским районах. В настоящее время изучаемый говор не имеет никаких реликтов цоканья.

Губные согласные в настоящее время, как правило, уже не подвергаются смягчению перед мягким заднеязычным *к'*, а также перед переднеязычным *т'*, возникшим в результате замены заднеязычного *к'* переднеязычным *т'* перед гласными переднего ряда: *д'э́фки — д'э́фти, ш'ш'э́пки — ш'ш'э́пти.* Между тем, в конце XIX века, по данным Н. Н. Дурново [61], говор знал ассимилятивное смягчение губных в этом положении, хотя тенденция к отвердению губных уже наблюдалась. Твердые губные перед *к', т',* появились, по-видимому, под аналогическим влиянием тех форм слов, где твердый губной находился перед твердым заднеязычным *к.* Ср.: *д'э́фкъ, д'э́фку — д'э́фки.* Н. Н. Дурново [62] зафиксировал наряду с произношением *д'э́ф'ки, ш'ш'э́п'ки, кр'э́п'кий*, произношение: *д'э́фки, сли́фки, пато́мки.* Смягчение губных в этом положении являлось, как известно, до недавнего времени орфоэпической нормой литературного языка [63].

Некоторые диалектные явления (особенно морфологизованные звуковые явления, но не только) относительно устойчивы, хотя и они не прослеживаются последовательно в настоящее время (колебания нормы возможны даже в речи одного и того же информатора). Таковы, например, по нашим наблюдениям, произношение (в речи всех поколений) ударяемого гласного *о* в соответствии с этимологическим гласным *а* в глаголах: *пасо́дит, пло́тит, ко́тит, то́ш'ш'ит* (а также во всех личных формах этих глаголов настоящего времени, за исключением первого лица единственного числа), широко известное южнорусским говорам и являющееся, как известно, следствием аканья.

Устойчивым и преобладающим, как и в ряде подмосковных говоров [64], несмотря на интенсивное влияние литературного языка, является яканье в первом предударном слоге в родительном, винительном и дательном падежах единственного числа личного местоимения третьего лица мужского рода, а также в притяжательном местоимении *его: йаво́, йаму́ (ун'аво́, кн'аму́)*, что, возможно, объясняется, помимо широкой употребительности этих местоимений, и тем, что в этих местоимениях гласный первого предударного слога постоянно находится перед твердым согласным, тогда как в других словах гласный первого предударного слога может оказываться то перед твердым (тогда по закономерностям умеренного яканья в первом предударном слоге прозвучит *а*), то перед мягким согласным (тогда по закономерностям умеренного яканья в первом предударном слоге прозвучит *и*). *Ср.: р'ака́, врик'э́.*

Устойчивой особенностью является совпадение гласных *о, а* в заударном неконечном слоге после твердых согласных в редуцированном гласном средне-верхнего подъема (иногда близком к образованию *ы*) в окончании именительного падежа единственного числа полных прилагательных женского рода: *х'а́снъ(ы)йъ изба́, кудр'а́въ(ы)йъ б'ир'о́зъ, бидо́въ(ы)йъ ба́бъ, гълава́стъ(ъ)йъ л'у́пкъ* и т. д., а также произношение гласного *и* на месте этимологического *а* в положении между мягкими согласными в окончании именительного падежа единственного числа прилагательных женского рода: *в'э́шнийъ вада́, дама́шнийъ скати́нинъ, вич'э́р'нийъ пара́, гар'а́ч'ийъ кроф* и т. д.

Наряду с изменениями, имеющими своим источником воздействие на изучаемый говор литературного языка, в звуковой системе говора за истекший период наблюдались также немногочисленные изменения, не связанные с упомянутым воздействием и обусловленные либо внутренними закономерностями развития звуковой системы говора, либо влиянием на изучаемый говор других говоров.

Так, например, если в прошлом в соответствии с гласным *у* литературного языка в словах с корнем *глуб* (этимология гласного *у* неясна) гласный *ы* был возможен лишь под ударением, а в безударном положении наблюдался гласный *у: глубо́къй, глубако́, глубжына́;* редко *глыбако́* [65], то с течением времени в говоре произошла унификация: в безударном положении, как и под ударением, в этих словах стал произноситься, по нашим наблюдениям, гласный *ы: глыбако́, глыбо́ки гр'а́ды, глыбо́къй*

о́син'йу, глыбо́къ р'ака́ и т. д. И только в речи наиболее образованных людей отмечены литературные формы с гласным *у*.

Твердые конечные губные наблюдались в говоре в соответствии с мягкими губными литературного языка, по свидетельству Н. Н. Дурново [66], эпизодически уже в конце XIX века. Наряду с формами: *го́луп', руп' кара́п' жура́ф'* и т. д., им были зафиксированы формы: *го́луп, руп, кара́п, жура́ф* и т. д. В говоре в современном его состоянии, как и во многих подмосковных [67], твердое произношение конечных губных согласных преобладает. Лишь в единичных случаях мы наблюдали в конце слов мягкие губные. Отвердение конечных губных согласных, происшедшее в нашем говоре за последние пятьдесят лет, по-видимому, было вызвано воздействием на изучаемый говор тех подмосковных говоров, которые характеризуются наличием твердых конечных губных согласных.

Таким образом, изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что большинство фонетических диалектных явлений, отмеченных Н. Н. Дурново, сохраняется до сих пор, несмотря на то, что в говоре произошли существенные изменения, вызванные прежде всего воздействием на последний норм литературного языка. Многие диалектные явления характеризуются стойкостью, но и они не прослеживаются сейчас последовательно: колебания нормы возможны даже в речи одного и того же информатора, диалектные звуковые явления сосуществуют с соответствующими явлениями литературного языка. При этом «если взаимодействующие фонетические системы, — справедливо замечает Л. И. Баранникова [68], — (в нашем случае — это система говора и система устной формы литературного языка — *Т. П.*) близки друг к другу, имеют большое количество сходных звеньев, то при переходе от старой к новой системе не развивается третьей промежуточной системы, а наблюдается последовательное вытеснение элементов старой системы новыми, приводящее к переходу на новую систему...».

Изучаемый говор утрачивает диалектные особенности сравнительно медленно и постепенно, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные факты длительного сосуществования в говоре диалектной и литературной норм.

Некоторые диалектные явления характеризуют в настоящее время только речь старшего поколения.

Ряд диалектных фонетических особенностей к настоящему времени уже утратился под влиянием литературного языка. Это по преимуществу те особенности, которые носили реликтовый характер уже в конце прошлого века.

Наряду с изменениями, имеющими своим источником воздействие на говор литературного языка, наблюдались немногочисленные изменения, не связанные с упомянутым воздействием и обусловленные либо закономерностями развития звуковой системы изучаемого говора, либо воздействием соседних диалектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово; М.-Л., 1936.

[2] С. С. Высотский. О говоре д. Лека. Материалы и исследования по русской диалектологии, II, изд. АН СССР, М.-Л., 1949.

[3] Е. П. Луппова. Некоторые особенности изменения фонетической системы говоров северного Приволховья. (К вопросу о влиянии литературного языка на говор). Ученые записки ЛГПИ имени Герцена, т. 173, 1958.

[4] Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок, Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903.

[5] Т. Г. Паникаровская. Изменения в звуковой и морфологической системах говора деревни Парфенки за время Советской власти (По следам Н. Н. Дурново). В книге: АН СССР, Институт русского языка. Тезисы докладов на X Диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 года; стр. 24—26.

[6] См. нашу статью «Фонетическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области». Ученые записки Вологодского пединститута, т. 22; Вологда, 1958.

[7] Русская диалектология. Изд. АН СССР, М., 1964.

[8] См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. Известия ОРЯС АН, т. 75, № 2, СПБ, 1901; А. В. Текучев. Изучение говоров западных районов Московской области. Ученые записки Московского областного пединститута. Труды кафедры русского языка, вып. I, т. 12, М., 1948; К. А. Федорова. К истории говоров Западного Подмосковья. (Можайские говоры). Кандидатская диссертация. М., 1951; В. В. Иванов. Из истории говоров Северо-Западного Подмосковья (Волоколамские говоры). Кандидатская диссертация, М., 1953;.

[9] Н. Волков. Описание Рузского уезда. Московские губернские ведомости, 1851, № 2, стр. 225.

[10] В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова. О развитии диалектов в эпоху существования русской нации. В книге: Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. АН СССР, М., 1960, стр. 22.

[11] Н. Н. Дурново. Указанное сочинение, стр. 3.

[12] В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова. Указ соч., стр. 22.

[13] См., например, И. П. Глотова. Процесс утраты южнорусских особенностей местными говорами в результате их растворения в национальном языке (на материале Федоровского района Саратовской области). Автореферат кандидатской диссертации; Саратов, 1952, стр. 7.

[14] Н. Н. Дурново. Указ соч., стр. 25.

[15] Там же, стр. 4—5.

[16] В. Н. Сидоров. Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Орешковской волости Можайского уезда Московской губернии. Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка, вып. 9, Ленинград, изд. АН СССР, 1927, стр. 124.

[17] Об этом же пишет В. И. Чагишева в статье «Взаимоотношение местных диалектов и литературного языка в Советскую эпоху. Ученые записки ЛГПИ имени Герцена, т. 152, 1958, стр. 276.

[18] См., например, В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 469; К. А. Федорова. Указ. соч., стр. 35; Л. Н. Булатова. О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области. Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка, вып. I, М.-Л., 1947, стр. 64.

[19] В. Г. Орлова. Говоры северо-восточной части Рязанской области. Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка, вып. 3, М.-Л., 1948, стр. 48.

[20] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. ч. I, М., 1949 стр. 80.

[21] Л. Н. Булатова. Об окающих говорах Курловского и Гусьхрустального районов Владимирской области. Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка, вып. 5, М.-Л., 1949, стр. 73—74.

[22] В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 2, стр. 181.

[23] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 122.

[24] Ср. замечания А. М. Селищева о половой языковой дифференциации в деревне, обусловленной тем, что женщины в прошлом, как правило, были неграмотны и жили в деревне безвыездно (А. М. Селищев. Язык революционной эпохи; М., 1928, стр. 11—12).

[25] См., например, А. В. Текучёв. Указ соч., стр. 90; В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 497; В. Н. Пахомова. Фонетическая система говора с. Кокино Каширского района Московской области. Кандидатская диссертация. Москва, 1948, стр. 168.

[26] В. Н. Сидоров. Описание говора западной половины Воскресенского уезда..., стр. 129.

[27] С. Галкина. Говоры Ново-Петровского района Московской области. Сборник студенческих научных работ Пензенского пединститута. Пенза, 1955, стр. 47.

[28] Н. Н. Дурново. Указ соч., стр. 91.

[29] Заглавной буквой *Г* обозначаем «*г*» фрикативное.

[30] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 77.

[31] Там же, стр. 64.

[32] Там же.

[33] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1958, стр. 82.

[34] Н. Н. Дурново. Указ соч., стр. 65.

[35] Там же, стр. 67.

[36] Там же, стр. 104.

[37] Русская диалектология, изд. АН СССР, М., 1964, стр. 91.

[38] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 97.

[39] См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов.., стр. 13, 37; В. В. Иванов. Указ соч., стр. 505.

[40] См., например, В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Известия ОРЯС АН, т. 68, № 3, СПБ. 1900, стр. 18; В. Н. Пахомова. Указ. соч., стр. 172; К. А. Федорова. Указ. соч., стр. 85.

[41] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 97.

[42] Там же, стр. 89—90.

[43] См., например, В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 14, 34; К. А. Федорова. Указ соч., стр. 85.

[44] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 90.

[45] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 223.

[46] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 77.

[47] Там же, стр. 88.

[48] Там же, стр. 83.

[49] Там же, стр. 59.

[50] Там же.

[51] Там же, стр. 60.

[52] П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. Материалы и исследования по русской диалектологии, том I, М.-Л., 1949, стр. 30.

[53] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 85.

[54] См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов..., стр. 3, 13, 20, 26, 38; его же. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 34, 45, 80; В. Н. Пахомова. Указ. соч., стр. 46; В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 505.

[55] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 85.

[56] В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 34, 80.

[57] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 83.

[58] В. Н. Сидоров. Описание говора западной половины Воскресенского уезда..., стр. 130.

[59] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 80, 82.

[60] С. Галкина. Указ. соч., стр. 48.

[61] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 63.

[62] Там же.

[63] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение..., стр. 95.

[64] Л. Н. Булатова. О диалектологической экспедиции в Озерский район..., стр. 65.

[65] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 22.

[66] Там же, стр. 67—68.

[67] См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов..., стр. 3, 4, 14, 22, 29; его же. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 45; А. В. Текучёв. Указ. соч., стр. 90; В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 497. По данным архивных материалов Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, твердые конечные губные, наряду с мягкими, известны говорам Можайского района (дер. Мышкино, села Глазово, Троица), Каширского (дер. Корыстово), Клинского районов Московской области; твердые конечные губные зафиксированы также в говорах Одинцовского (бывшего Звенигородского) — дер. Супонево, село Захарово — района.

[68] Л. И. Баранникова. Закономерности развития диалектов в эпоху существования наций. Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. АН СССР; М., 1960, стр. 25.

Ю. И. Чайкина

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА СО ВТОРИЧНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В ЧЕРЕПОВЕЦКИХ ГОВОРАХ

В лексической системе говоров Череповецкого района [1] значительный интерес представляет местная лексика, имеющая экспрессивно-эмоциональную окрашенность. В работах по лексике русских народных говоров исследуются в первую очередь местные слова с прямым значением, называющие предметы и явления окружающей действительности и не возбуждающие дополнительных эмоций. Следует отметить, что и при диалектном членении русского языка преимущественно учитываются только данные местные слова и не привлекается лексический материал, имеющий экспрессивно-эмоциональную окрашенность. В связи с этим исследования, в которых ставятся вопросы о диалектной лексике, содержащей элемент изобразительности, будут представлять некоторый интерес.

В качестве наблюдения в настоящей работе берется, конечно, не вся эмоционально окрашенная лексика череповецких говоров. Ограничиваемся рассмотрением лексики со значением лица, оценочный момент которой возникает за счет переноса значения.

В статье ставятся два вопроса: 1) рассмотреть процессы развития вторичных значений в говоре, 2) показать, что при диалектном членении русского языка слова со вторичными значениями тоже должны привлекаться и учитываться.

Среди экспрессивно окрашенной лексики, обозначающей человека, определенный интерес вызывают лексемы со вторичным значением. Заслуживает внимания сам ход, последовательное развитие семантических процессов, обусловивших появление переносного значения, интересно проследить соотношение прямого и вторичного значения в многозначном слове, станов-

ление и укрепление переносного значения, приводящее или к омонимии или даже забвению прямого.

Рассмотрение эмоционально оценочной лексики со вторичным значением в череповецких говорах было бы неправильно ограничить только лексемами сугубо местного характера. При таком рассмотрении трудно говорить о лексической системе говоров как о чем-то едином и целом. Совершенно справедливы слова проф. Р. И. Аванесова о том, что «...диалектные различия должны изучаться не сами по себе, в отрыве от системы языка в целом, от ее общих элементов, а как элементы системы языка в целом»[2]. Нельзя не сказать поэтому вначале об общерусских лексемах, обладающих переносными значениями или оттенками значений и употребляющихся на всей территории, занимаемой русским языком, в том числе и в наших говорах.

Среди общерусских лексем наибольшее место занимают в говорах слова, связанные с фауной. Ср., например, Олёшка Мосиёв от был *медвидь*. Насдобилсы, как медвидь; *ворона* полоротая; ну, *тетерев* глухой, ниц'его не слушаёшь миня; см. также — *лиса* (хитрец), *боров* (толстяк), *волк* (злой), *муха* (надоедливая), *воробе́шек* (худенький, тощенький человек), *росома́ха* (неряшливый, рассеянный человек: Баба-та у его *росомаха* настоящая.

Эта большая способность к переносному употреблению слов, связанных с фауной, обнаруживается также и в других языках индоевропейской семьи, что объясняется, по словам Касареса, «влиянием многовековых традиций, восходящих к общеиндоевропейскому фольклору и распространившихся главным образом через басенную литературу»[3].

Обнаруживают активную способность к переносному употреблению в череповецких говорах общерусские слова, обозначающие орудия труда и предметы домашнего обихода. Например, *кувалда* в прямом значении «тяжелый ручной молот» (БА); в переносном — грузная, неуклюжая женщина (БА): Баушка сама себя звала: «Кувалда я старая, не могу нога за ногу переставить»; *трепалка* в БА орудие для трепания волокна ручным способом и болтушка, сплетница; *ступа* в говоре, как и в общем употреблении, — «сосуд», в котором толкут что-либо пестом, и «неуклюжая, неповоротливая, нерасторопная женщина» (БА), см. также *квашня, лапоть, колода* (БА). Данные лексемы и с прямым и с переносным значением носят общерусский характер, распространены на всей территории, занимаемой русским языком, в том числе и в наших говорах. Однако и у этих

слов в говоре намечается некоторое отличие. В лексической системе говора большинство приведенных слов *(кувалда, квашня, колода, чурбан, кикимора, трепалка)* не имеют оттенка сниженности и грубости такой силы и отчетливости, который появляется у них при использовании их в литературном языке. Достаточно сказать, что носители диалекта очень часто сами себя называют подобными словами: «Пока десять вёдер воды наносишь, розвалисси, как *квашня* (о себе); Ой я, *кувалда, кувалда* я старая (пожилая женщина о себе); Парнишко наш, как *ц'урбак* (бабушка о внуке). Об оттенках сниженности и грубости этих слов в литературном языке свидетельствует система помет в Большом Академическом словаре: *кувалда* — простор. бранное, *колода* — бранное, *трепалка, ступа, лапоть* — простор., *квашня* — простор. бранное.

Наряду со словами, общими для лексической системы русского языка в целом, в череповецких говорах имеет место общерусская же лексика, но подвергшаяся в большей или меньшей степени семантическим сдвигам, в результате чего данные лексемы приобретают в чем-то локальную ограниченность. В одних случаях эти изменения общенародной лексики в говорах могут быть очень незначительными, слабо уловимыми, сводящимися к использованию слова в составе устойчивых сравнительных оборотов, которые отсутствуют в литературном языке. В других случаях они могут быть значительными в такой степени, что слово приобретает дополнительное самостоятельное значение, которое отсутствует в общем употреблении.

Метафоризация — одно из средств пополнения лексических запасов словаря. Это, своего рода, обращение к внутренним ресурсам, внутренним возможностям лексической системы говора. Метафоризация как раз и характерна для говоров удаленных, принужденных в силу своей географической изолированности обращаться к внутренним резервам языка.

Общеизвестно, что метафора — это всегда сравнение, скрытое или явное. При оценочном назывании человека говорящие пользуются сравнениями его с такими предметами, признаки которых отличают, выделяют этот предмет из круга однородных, т. е. являются наиболее ощутимыми и бросающимися в глаза. Так, например, в нашем говоре есть разнообразные виды средств передвижения зимой: *сани* (обычные) *дровни,* — узкие длинные сани, *пóшовни, подсанки* — небольшие санки, которые привязываются сзади к саням, *розвальни* — низкие, широкие сани с расходящимися боками и т. д. Но старого, а потому не-

уклюжего, медлительного в движениях человека назовут только одним из всех этих слов — *рóзвальни:* Старик-от насилу ходит, *рóзвальни* настояшшой. Она, как *розвальни,* устарела. Она такие *розвальни,* некуда с ей не сходишь. Из ряда однородных предметов, обозначающих разной величины укладки сена (*скирда — стог — копна — валок*), полная невысокая женщина в сознании говорящих обнаруживает наибольшее сходство с копной, т. к. именно этими признаками (большой шириной, «присадистостью») последняя отличается от *стога* («высóкой, большой!»), от *скирды* (дóлгая) и от *валка.*

С чего начинается процесс развития переносных значений? Начало этого процесса в некоторых случаях характеризуется тем, что слово начинает употребляться в составе устойчивого сравнительного оборота с союзом *как.* Судя по данным БА, слово *конь* в общем употреблении не имеет сравнительного устойчивого оборота *«как конь»* со значением — здоровый, крепкий человек. В говоре же: Санюшка, *как конь.* Крепкая ешшо, здоровая. Мужик ишшо, как *конь.* Бабушка Таня ишо, как *конь.* К слову *лошадь* в БА дается сравнительный оборот «как лошадь» — упорный, упрямый человек, а также приводится оттенок значения — *лошадь* — неуклюжий, неумелый человек. В говоре сравнительный оборот «как лошадь» имеет значение опять-таки «крепкий», здоровый человек». Девка-то, как *лошадь* (как *жеребуха),* здоровая.

Слово *затычка,* по свидетельству БА, имеет оттенок значения «о том, кто используется по мере возникающей потребности и для замены кого-либо другого»; в говорах же устойчивый сравнительный оборот *«как затыцкя»* имеет значение нечистоплотная женщина, грязнуля, не следящая за своей внешностью и одеждой: Раенькя, как *заты́цкя,* ходит альни срам глядеть, пришла, *как затыцькя,* грязная.

Использование слова леший (лешой) в составе устойчивого сравнительного оборота *как лешой* дает новое значение: *как лешой* — человек большого роста, с большими руками и ногами: Палито купили, *как на ле́шого.* Мужик-от велик, *как ле́шой.* Сшили *как на лешого.* Кстати, в селе Дмитриевском Череповецкого района два брата имели прозвища: один из них высокого роста — *Лешой,* поменьше — *Полуле́шой.* Сравнительный оборот *как гриб* обозначает «старый, слабый человек»: «Мы с Павлушкой, *как два гриба,* сидим, розвяли, сгорбились, а она ишо ребрици. Старик-от, *как гриб,* старой. Сидел бы уж дома.

В большинстве случаев эти устойчивые сравнительные обороты имеют четко выраженную языковую форму с союзом *как*. Например, если в БА *барыня* — 1) дворянка, помещица, 2) женщина, ведущая праздный, нетрудовой образ жизни, то в наших говорах сравнительный оборот *как бароня* имеет значение: полная, белолицая женщина, нарядно одетая: Ой, Машенькя-то наша, как *бароня:* белая-то, да цистая, насдобленось хорошо у ие.

Изучение экспрессивно окрашенной лексики со вторичным значением представляет известные трудности в том отношении, что подчас очень сложно, а иногда просто невозможно отделить полноценное самостоятельное значение, с которым слово постоянно употребляется в речи носителей того или иного диалекта, от случайного, индивидуального употребления. Здесь, как нигде, ощущается подвижность и зыбкость границ между оттенком значения слова, самостоятельным значением, а также употреблением его. Трудность разграничения данных понятий приводит к тому, что они часто не различаются. Кстати, во введении в недавно вышедшем первом выпуске «Словаря народных говоров» отмечается, что «указанные пометы (переносные значения и оттенки значения) применяются в Словаре редко из-за отсутствия в источниках нужных сведений»[4]. Между тем вполне понятно, что невыделение оттенков значения и даже самостоятельных переносных значений обедняет наши знания по лексике народных говоров, от этого страдает словарная работа и даже может создаваться неверное представление о лексических богатствах говоров[5].

Возвращаясь к рассмотрению использования общенародных слов в лексической системе наших говоров, следует сказать, что при активном употреблении лексем в составе сравнительных оборотов отклонения от общерусского употребления выражаются в появлении дополнительных оттенков значения. Это еще не самостоятельные значения, а оттенки значения. Как известно, оттенки значения отличаются от самостоятельных значений тем, что они имеют особую близость к прямому значению, наиболее яркую метафоричность. В этих случаях, кроме использования слова в составе сравнительного оборота, оно может употребляться с этим вторичным оттенком значения вне сравнительного оборота, самостоятельно. Однако сравнительный момент присутствует здесь, так сказать, в скрытом виде, без специального выражения языковыми средствами. Так, например, прямое значение слова *куль* — большой рогожный мешок. В нашем говоре слово *куль* имеет еще дополнительный оттенок

значения — «человек, одевшийся плотно и неуклюже, что мешает ему двигаться: Ср., например, в составе сравнительного оборота: Оделсы Палькя, *как куль*. Вне сравнительного оборота, Оделсы уж, *куль*, иди сюды. Ср. также: *копна* общее значение — большая, сложенная конусом куча сена, в говорах оно имеет переносный оттенок значения — толстая, широкая, малоподвижная женщина. В сравнительном обороте: Марья-то стала, *как копна*. Вне — До цего широкая эта *копна*. В деревне эдакиф толстыф не было (речь идет о человеке).

При назывании слов с данными оттенками сознание говорящих обязательно возвращается к прямому значению, а от него уже опять к переносному оттенку. В прямом значении эти слова употребляются значительно чаще, прямые значения привычнее, при назывании данных слов вне контекста в сознании носителей диалекта обязательно веплывает прямое значение.

Изредка общерусское слово приобретает не один, а несколько оттенков значения. Общеупотребительное значение *кочка* — бугорок земли на низменном или болотистом месте поросший мохом или травой (БА). В наших говорах *коц'ка* — 1) голова с растрепанными волосами: Голова у ие, *как коцкя. Коцкю-то* свою уцеши, 2) человек с растрепанной, нечесаной головой: Иди, *коцкя,* сюды. Уцкшу тибя. Или: Эта *коцкя* все время на постеле ц'итаёт. И наконец, в составе устойчивого сравнительного оборота: *как коцкя* — съежившийся от холода человек: Она замерзла, *как коцкя*. Пока шла застыла, *как коцкя*.

Как правило, в имеющихся областных словарях эти оттенки значения мало фиксировались, т. к. на них не обращалось достаточного внимания. Несмотря на то, что границы между оттенками значения и самостоятельными значениями зыбки и подвижны, при известных условиях — некоторой утрате оттенком значения метафоричности и близости к опорному прямому значению — оттенок значения может стать самостоятельным переносным значением, так что слово со вторичным значением начинает употребляться так ж активно, как и с прямым. Слова со вторичными значениями так часто употребляются в говорах, что составители областных словарей обычно фиксируют их. Например, в Архангельском словаре *пашня* — неудалый, бестолковый человек (СП), у В. Даля и в Ярославском словаре *корява* — несговорчивый, упрямый человек (Д., Яр.).

Иногда эти вторичные значения настолько укрепились и обособились, что к словам с переносным значением могут быть присоединены суффиксы субъективной оценки, которые недо-

пустимы и неуместны при использовании данных слов с первичными значениями *кижи* — толстые короткие черви: В капусте (в мясе) завелись *кижи*; устойчивый оборот с этим словом *как кижи кишат* употребляется тогда, когда речь идет о том, чего много, бесчисленное количество. В переносном значении *кижи* — маленькие ребятишки, дети: Ой ты, *киж,* малешкой! Ихние *кижи* уже на работу поползли. В этом значении слово используется с суффиксом *-онок:* Парнишко-от, ак *кижонок* ползает. Ах ты, *кижонок,* уйди отсюда. Ср. также *кижоныш.*

Прямое значение слова *ци́бы* — рюхи, городки: Де, девка, *ци́бы-то?* Давайте в *цибы* играть; переносное — человек невысокого роста: Девка-то у их, как *циба,* малешкая, а взамуж выходит. Используется это слово с суффиксами *-к, -ушк:* Осипатков *цибка (ци́бушко)* малешкой, как карлушок.

Активное употребление слов с закрепившимися вторичными значениями в нашем говоре может приводить к таким результатам: 1) в одних случаях прямое значение может уходить на второй план, так что в сознании говорящих начинает теряться то общее, что объединяет и связывает переносное значение с прямым, иными словами возникают предпосылки для образования омонимов; 2) в других случаях прямое значение исчезает, теряется совсем, так что переносное в лексической системе говора становится прямым и опорным.

Уходит на второй план, становится менее активным прямое значение у таких слов, как *ото́пок, погоня́лка, дроби́на.* Слово *отопок* чаще употребляется со значением — худощавый человек небольшого роста, а не со значением «изношенный, стоптанный башмак». Ходит *отопок,* худой, малешкой. Кажной *отопок* ишо мине будёт указывать. Ох ты, *отопок* липовой! Малешкой *ото́поц'ок* (о ребенке).

Слово *погонялка* чаще имеет значение «болтливая, подвижная женщина, не любящая сидеть на месте», а не прямое — кнут: Вот девки у миня *погоня́лки.* Из избы в избу. Де ты, *погоня́лка,* была-то?; *дроби́на* чаще имеет значение «толстая рыхлая женщина», чем прямое — гуща, остатки зерна после варки пива. Боюсь пасти. *Дроби́на* я совсем стала. Падёшь, как розвалисси, как *дробина.*

Интересно, что когда называешь эти и подобные им слова с целью уточнения значения (Напр., Что такое *дробина, отопок*?) носитель диалекта обязательно говорит о вторичном значении этих слов. И только после повторных вопросов (А еще что обозначают эти слова?) вспоминает и о прямых их значениях.

При названии таких слов в сознании говорящих в первую очередь всплывает переносное значение, как наиболее употребительное, а потому и привычное.

В ряде случаев прямое значение общерусских слов осознается говорящими с трудом и далеко не всеми носителями диалекта. Иными словами, лексемы с прямым значением еще узнают, но в речи употребляют очень редко. Слово *ладья́* в с. Дмитриевском — очень полная, здоровая женщина: Вон *ладья*-то Палькина. Здоровая-та стала. Прямое значение слова многим даже неизвестно.

Наконец, у ряда общеупотребительных слов прямые значения совершенно неизвестны говорящим, поэтому данные слова употребляются только с переносными.

В нашем говоре слово *дыня* употребляется только со значением — высокая здоровая девушка или женщина: В кого ты такая *дыня* выросла? Такая *дыня* здоровая да высокая высадила; *Гагара*[6] — нескладная, высокая женщина: Ольга-то *гагара* настоящая: высокая да неловкая́я; *носорог*[7] — человек с очень длинным носом. Парень-от долгоносой, как *носорог*. Отойди от меня, *носорог* долгоносой;

лань — дородная полная женщина: Она, как *лань*, выправилась. Баба у его *лань* настояшшая. Маня, Колина сестра, здоровая, *лань-ланью;*

вий — Идет пьяной и глаза, как у *вия*. Таким *виём* он и приволокси. Отойди, *вий*, от меня. А кто такой *вий*? — А не знаю. Старик, быде, какой?

Довольно часто отмеченные слова используются в составе сравнительных оборотов с союзом *как*. (как лань, как дыня), хотя по сути дела сравнивать не с чем, так как прямые значения этих слов говорящим неизвестны.

Отсутствие этимологических прямых значений у данных слов можно объяснить тем, что с соответствующими реалиями носители нашего традиционного говора в практике повседневной жизни не сталкивались. Однако спорным остается вопрос: были ли эти слова исконными для лексической системы говора и только утратили прямые значения или проникли позже из литературного языка под влиянием книжной традиции?

Неоспоримо одно — так как прямых значений эти слова в нашем говоре не имеют, переносные значения стали прямыми и спорными.

Некоторые местные слова тоже имеют одно значение, которое было бы неправильно называть переносным, так как

прямых значений эти слова в нашем говоре уже не имеют. С прямыми значениями они используются в других говорах. Так, например, *вошкарица,* по свидетельству В. Даля, гнида, яичко вши (указания на область распространения слова в прямом значении В. Далем не дано), в нашем говоре *вошкарица* — маленькая, худенькая, тщедушная женщина: Ой ты, *вошкарица* худая! Манькя стала, как *вошкарица.* Девка-то у ниф *вошкариця* настоящая;

По мнению В. Даля, *недокунок* в пермских говорах в прямом значении — молодой пушной зверь не в полной шерсти, там же это слово имеет значение — недоросль, низкорослый, глупый, тупой. В нашем говоре это слово имеет только одно последнее значение — ни на что не способный, глуповатый человек: Недокунок такой, а ишо голцит цего-то. Сидел бы да уж молцал (см. то же у СГ, СМ); *ослець* в пермских, вятских говорах — бревно, лес, годный на бревна, строевой, слега (Д), в ярославских — жерди, которые кладут под солому по всей крыше (Яр), в наших говорах это слово имеет только одно значение — худощавый, вялый человек: Напилсы, пал, как *ослець.* Оц ты, ослець худая!»; *олелюха* в костромских говорах—колоб, колобок, клецка (Д), в вологодских — большой кусок, ломоть пирога или хлеба, в тотемских — пирог из жидкого ячного теста (СД), в наших говорах *олелюха* — толстая, неуклюжая женщина, это же значение зафиксировано и в вологодских говорах (СД). Бесспорно, что правильнее считать эти слова применительно к нашему говору словами с прямыми, опорными значениями.

* * *

Уместно поставить вопрос: в каких же диалектах сохраняются слова только с прямыми значениями, между тем как в других они используются и с прямыми и с переносными? Какие дополнительные сведения может дать нам установление лексических соответствий словаря нашего говора с местной лексикой других диалектов северновеликорусского наречия?

Сопоставление лексем со вторичным значением, установление закономерностей использования этой лексики в разных говорах может дать некоторые сведения по диалектному членению русского языка, а также данные о хронологии формирования говоров, сведения о родственной близости некоторых из них, находящихся может быть, в настоящее время и в значительном отдалении друг от друга.

Рассмотрение слов со значением лица, характерных для лексической системы нашего говора, свидетельствует о родственной близости значительного числа лексем со словарным составом ярославских и владимирских говоров, одна часть которых по новому диалектному членению относится к костромским северновеликорусским говорам, а другая — к восточным среднерусским окающим говорам (владимиро-поволжская группа) [8]. Эта родственная близость состоит в одинаковом функционировании в тех и других говорах слов в прямом значении, в появлении дополнительных переносных значений у этих слов в говоре к северу от Череповца. Если в ярославских говорах (ориентируемся здесь на данные словарей) некоторые лексемы используются только с прямым значением [9], то к северу от Череповца и с прямыми (теми же, как в ярославских) и с переносными, которые и являются обозначениями лица. Так, например, в ярославских говорах и к северу от Череповца (с. Дмитриевское) *холмина* — холм, кочка (Яр.), *дробина* — остатки от выделки пива (Яр.), *волнуха* — гриб (Яр.), *дупля́* — дупло (Яр.), *букара́га* — насекомое (Яр.). В лексической системе нашего говора имеются вместе с тем и добавочные переносные значения: все они обозначают малоподвижную, болезненную, неуклюжую женщину: Ой, я *холмина, холмина* я худая, — говаривала баушка. Уж эта Анка *дробина дробиной*. Ну, *дупля́* старая, шевелись. Ц'его розвяла! Молодая ишшо, а уж настоящая *волнуха*. Страм гледить.

Родственную близость со словарным составом ярославских говоров обнаруживают не только лексемы со значением «малоподвижный, болезненный, пухлый человек. Слова *тури́к, опе́киш* с прямым значением бытуют в ярославских говорах, в говоре нашего селения они используются и с прямыми и с переносными: *опе́киш* в ярославских говорах — только лепешка без начинки (Яр.), в Опыте *опя́киш* — владимирских и костромских, у нас — толстый, неповоротливый ребенок; прямое значение слова *тури́к* в ярославском диалекте и у нас — часть самодельного ткацкого станка. В наших говорах переносное значение слова *тури́к* — толстяк (чаще к ребенку): Валькя наш *тури́к*. Ц'ежело на руках держать. Ну ты, *турик*, не поднеть уж.

Наблюдается определенная закономерность; в ярославских говорах используются некоторые слова с первичными, прямыми значениями, в наших говорах они же — и со вторичными переносными. И даже более того, некоторые лексемы совсем потеряли в нашем говоре прямое значение, с которым они известны в

ярославских. Так, например, только в переносном употреблении у нас слово *галя́ма* — фамильярное, пренебрежительное обращение к матери детей. Ребенок, выражая недовольство и обращаясь к матери, может сказать: «Мамка-*галя́мка!*» Или «Вот ужо, *галяма,* будешь миня хлёстать, убегу в лес!» Прямое значение этого слова известно в ярославских говорах — нескладная глупая собака (Яр.) — совершенно незнакомо у нас; слово *за́видость* бытует в говоре к северу от Череповца только с переносным значением — завистливый, жадный человек: «Ой ты, Манькя и *завидось!* Глаза твои завидушшие!» Между тем как в ярославских говорах оно употребляется с прямым значением — зависть (Яр.).

Имеющийся небольшой материал не позволяет делать определенных выводов; уместно только поставить вопрос: не связана ли эта закономерность каким-то образом с формированием северной части череповецких говоров, расположенных на территории, относящейся ранее к Белозерскому княжеству, заселявшемуся, наряду с новгородцами, выходцами из Ростово-Суздальского княжества? Не позволяет ли она поставить вопрос о хронологии формирования разных говоров? Ведь вторичное значение появляется позже на основе прямого.

Нельзя не заметить вместе с тем очень большое количество слов с абсолютно тождественными переносными значениями в наших и в ярославских говорах. Сошлемся на некоторые примеры: *калаба́шка* в пошехоно-володарских говорах Ярославской области имеет два значения: 1) черепенька — из которой кормят собак и кошек; 2) маленького роста, нескладная, некрасивая женщина: Старуха-та *калаба́шка* беззубая (СЯР.), с этими же точно значениями данное слово бытует и в наших говорах; *схребе́тьё* и в ярославских и в наших говорах — нерасторопный человек; *ули́та* и в тех и других говорах «неряха»: у Федьки баба настоящая *улита:* и сдобици-то не можёт.

Итак, перейдем к некоторым выводам:

1) Изучение лексической системы говора путем сопоставления его с общерусскими лексемами дает более полное представление о всем богатстве и своеобразии лексики говора, позволяет вскрыть общие глубинные семантические процессы, характерные для общенародного языка и говора;

2) Рассмотрение материала позволяет понять последовательность развития семантических процессов, связанных с появлением в слове дополнительного вторичного значения, характеризующего человека: на первом этапе слово просто выступает

в составе устойчивого сравнительного оборота; при известной частоте использования слова в составе подобного сравнительного оборота к основному значению его присоединяется дополнительный оттенок значения; последовательные изменения в семантике слова приводят к появлению в слове самостоятельных переносных значений, часто отодвигающих прямое значение на второй план, что приводит, в конце концов, к омонимии; далее — в некоторых словах активизация вторичного значения заходит настолько далеко, что прямое значение забывается совершенно, в результате чего вторичное значение становится прямым и спорным.

В лексической системе нашего традиционного говора разные слова застыли на разных стадиях этого процесса. Активизация вторичного значения ведет к потуханию метафоричности в слове. Образование слов со вторичными значениями лица — чрезвычайно активный процесс в наших говорах;

3) При существующем интересе к вопросам диалектного членения русского языка эмоционально-оценочная лексика со вторичными значениями может быть полезной и должна быть учитываема при классификации говоров. Она может помочь вместе с тем в разрешении вопросов хронологии складывания тех или иных говоров.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Д — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 2, 1880—1882.

СК — Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. Спб., 1898,

СМ — В. Магницкий. Особенности русского языка в Уржумском уезде Вятской губ., Казань, 1885.

СП — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. Спб., 1885.

Оп — Опыт областного великорусского словаря, 1852. Оп.;

СУГ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964.

Яр — Г. Мельниченко. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

СЯР — А. С. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ. Ярославль, 1929.

КЛ — К. Лавров. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губ. Живая старина, вып. 3—4, 1895.

Доп. — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря.

Г — М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. Отдел. русского языка и словесности АН, т. 87, Спб., 1910, стр. 1—109.

Г — М. К. Герасимов. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Живая старина, вып. 3—4, 1898.

СС — В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губ., Спб., 1904.

Симони П. К. Материалы из истории старинной русской лексикографии, Спб., 1899;
Ф — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, Прогресс, 1964, т. 1.
СД — П. А. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. 1902, КСС, рукопись, № 25—27.
КСС — Материалы картотеки словарного сектора Института русского языка АН СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] В работе использованы материалы, собранные в селе Дмитриевском Череповецкого района Вологодской области. Автор статьи — уроженец тех мест, так что говор данного селения является для него родным.

[2] Р. И. Аванесов и В. Г. Орлов. Вопросы изучения диалектов языков народов СССР, ВЯ, М., 1953, № 5, стр. 40.

[3] Касарес. Введение в современную лексикографию, М., 1958, стр. 125—126.

[4] Словарь русских народных говоров, вып. I, Наука, 1965, стр. 11.

[5] Интересны высказывания В. Г. Короленко о вятских говорах, с которыми, однако, трудно согласиться. По его мнению, многие слова здесь имели «неопределенное значение». «Такое же неопределенное значение имело слово *«декаться»*. Я истолковал его себе в смысле быть где-то, возиться с чем-то... Долго *декается* парень», — это означало, что парень отсутствует неизвестно где и неизвестно что делает. Вообще наш язык, богатый и красивый, в этих трущобах терял точность, определенность, обесцвечивался и тускнел». История моего современника, М., 1965.

[6] В вятских говорах *гагара* — разросшееся ветвистое дерево, гагаристое дерево. Л. И. Горева. Изменение словарного состава Кировских говоров. Очерки по русскому языку, Киров, 1962.

[7] Интересны ответы носителей традиционного говора в тех случаях, когда автор статьи пытался выяснить прямое значение этих слов: «А кто такой носорог?» — «Да я уж говорила: мужик долгоносой» — «А еще что означает это слово?» — «Вроде бы птица есь носорог али нет?».

[8] Русская диалектология. Наука, 1964.

[9] Материалы таких словарей, как С. А. Копорского «О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ.», Г. Мельниченко «Краткий Ярославский областной словарь» свидетельствуют, что составители уделяли внимание не только прямым значениям слов, но и переносным их значениям, так как ряд лексем приводятся и с прямым и с переносным значениями.

Г. В. Судаков

РАБОТА А. П. ЧЕХОВА НАД СТИЛЕМ РАССКАЗА «НЕВЕСТА»

(по рукописным и печатным вариантам)

Предлагаемая небольшая статья имеет своей задачей изучение некоторых особенностей стиля рассказа А. П. Чехова «Невеста» путем сопоставления разных редакций этого рассказа.

Избирая объектом исследования разные редакции рассказа «Невеста», мы исходим из тех соображений, что наблюдение за творческим процессом дает больше сведений о языке и стиле, чем изучение окончательного варианта. «У Чехова стиль как бы скрыт, незаметен» [1], поэтому нужно изучать его в таких положениях, где он выступает наружу, где Чехов сам «выдает» особенности своего стиля. Несомненно, что большая часть фактов правки — не случайное, а существенное по отношению к самому произведению.

«Невеста» — единственный рассказ Чехова, имеющий наибольшее количество сохранившихся рукописных и печатных редакций, причем вообще только два рассказа — «Кривое зеркало» и «Невеста» — имеют черновую и беловую рукописи.

Рассказ «Невеста» имеет:

— черновую рукопись со всеми исправлениями, сделанными в ней (поэтому мы используем термины «первоначальная» и «черновая») [2];

— беловую рукопись («беловая») [3];

— гранки первой корректуры, правленной автором (1 кор.);

— гранки второй корректуры, правленной автором (2 кор.) [4];

— журнальный текст, отличающийся от исправленного текста гранок второй корректуры («окончательная») [5].

Кроме того, в «Записных книжках» есть заметки, относящиеся к рассказу «Невеста» [6].

Выбор для анализа этого рассказа продиктован и тем обстоятельством, что это последний рассказ писателя, что в нем «сконцентрированы лучшие художественные достижения Чехова» [7].

Анализу подвергаются правки только того материала, который вошел в окончательный текст, так как нас интересуют не просто приемы работы Чехова, а язык и стиль данного рассказа.

Систематизация правок осложнена тем, что Чехов, как и другие мастера слова, не руководствовался каким-либо одним правилом при выработке окончательных текстов (см. такие же выводы о манере работы Н. А. Некрасова) [8], поэтому наша классификация в известной мере условна и используется в качестве рабочего приема.

Извлеченный материал классифицируется следующим образом:

1. Правки, приводящие высказывание в соответствие с нормами литературного языка:

— «нейтрализация» повествования;

— выбор более употребительной формы.

2. Изменения, свидетельствующие о стремлении писателя к точности и краткости выражения:

— краткость выражения, устранение тавтологии;

— точность словоупотребления;

— использование синонимов.

3. Правки в плане стилистического использования словообразовательных и грамматических средств языка:

— средства словообразования в роли стилистических средств;

— синонимия времен и видов глагола;

— использование междометий;

— роль союзов *«и», «а»* в прозе Чехова;

— использование обращений.

4. Правки, относящиеся к стилю рассказа:

— приемы ритмизации фразы;

— приемы сопоставления;

— приемы создания образа «повествователя».

Можно отметить при этом, что некоторые исправления не носят систематического характера, представлены единичными

фактами, хотя причины их появления понятны; о мотивах других правок можно только догадываться.

Лингвостилистический анализ вариантов рассказа приводит иногда к несколько иным выводам, чем те, которые делают литературоведы [9] из наблюдений над этими вариантами.

Приемы ритмизации фразы

Предлагаемое сообщение представляет собою один раздел из исследования автора на тему «Работа А. П. Чехова над языком и стилем рассказа «Невеста». Из перечисленного круга правок здесь анализируются только два типа: приемы ритмизации фразы и приемы сопоставления.

Одну из особенностей чеховской фразы исследователи определяют как музыкальность, ритмичность [10]. Ритмичность создается чаще всего за счет двучленного или трехчленного построения, т. е. употребления 2—3 однородных фонетических или синтаксических единиц или 2—3 пар или троек однородных единиц.

Функции этих бинарных конструкций или триад определены Н. П. Бадаевой следующим образом:

«— усиление путем перечисления сходных синтаксических единиц, придающее повествованию яркость, содержательность и вместе с тем сжатость (лаконизм);

— создание напевности, музыкальности речи, сообщающее авторскому повествованию лирическую интонацию (лиризм)» [11].

Бинарные (двучленные) конструкции. Прежде всего необходимо отметить, что в литературе о языке и стиле Чехова не анализируются примеры фонетических двучленов, которые играют важную роль в создании музыкальности фразы. Рассмотрим некоторые подобные примеры.

1 ч. Чувствовался *май, милый месяц май!* (бел.)

Чувствовался *май, милый май!* (бел.).

Середина и конец фразы в исправленном виде более мелодичны, нет перебоя в ритме, который возникает при сохранении слова «месяц» с начальным слогом «ме», содержащим гласный среднего подъема. Начальные слоги слов в окончательном тексте (ма-ми-ма) содержат гласные только верхнего подъема. Это обстоятельство, а также повтор слога «ма» (фонетический двучлен) и создает особый ритм фразы.

Еще один пример такого рода связан с изменением порядка слов:

2 ч. И как бы там ни было, *моя милая* (2 кор.);

И как бы там ни было, *милая моя* (оконч.).

Транскрипция конца фразы: ла — майа — м'илайа.

ла — м'илайа — майа.

Во второй корректуре повторение слога «ла» через три слога и звукосочетания «йа» через два слога. В окончательном тексте эти слоги повторяются соответственно через один и через один слог, т. е. окончательный вариант фразы в ритмическом отношении более организован.

Очевидно, при детальном анализе всего окончательного текста рассказа количество примеров можно увеличить.

Теперь рассмотрим примеры синтаксических двучленов, среди которых выделяются бессоюзные и союзные конструкции.

Бессоюзные двучлены из однородных определений:

1 ч. «.., и *покойные* тени лежали на земле» (первонач.),

«..,*тёмные, покойные тени* лежали на земле» (черн.).

6 ч. вид у него *был затасканный* (первонач.);

вид у него *был нездоровый, замученный* (оконч.);

6 ч. «... чего-то *нового, бодрого, весёлого, светлого, полного смысла, ликующего*» (первонач.);

«...чего-то *молодого, свежего*» (чернов.).

В первом и втором случае добавление до двучлена, в третьем — возвращение к двучлену, заметим, что исследователи вообще не обнаруживают в чеховских текстах шестичленного комплекса, наибольшее количество членов конструкции—четыре (наблюдения Н. П. Бадаевой).

Бессоюзные двучлены из однородных сказуемых:

5 ч. И все это уже не пугало, *не казалось ужасным* (черн.);

И все это уже не пугало, *не тяготило* (белов.);

Это пример стремления к однотипности элементов двучлена: в черновой рукописи — простое глагольное и именное составное сказуемое, в окончательном тексте — два простых глагольных сказуемых.

6 ч. «...в городе все давно уже *отжило*» (первонач.);

«...в городе все давно уже *состарилось, отжило*» (черн.);

А вот пример двучлена, элементами которого являются предложения, однородные по наличию и способу выражения главных членов:

4 ч. Это пройдёт. Спи (первонач.);

Это пройдёт. *Это бывает* (черн.).

Союзные двучленные конструкции употребляются, как правило с союзом *«и»* (всего три примера):

3 ч. «.., но все же его *уговорили* остаться, и он дал слово, что уедет первого июля, не раньше» (черн).

«..,но *уговорили* остаться и *взяли* с него слово» (бел.);

6 ч. *прямо* смотреть в глаза (черн.);

прямо и смело смотреть в глаза (белов.).

Усиление в бинарных конструкциях достигается прежде всего за счет повторов одних и тех же синтаксических единиц и (не всегда) путем введения усилительных слов.

1 ч. Слышно было, как где-то далеко, должно быть, за городом (первонач.);

Слышно было, как где-то далеко, *очень далеко,* должно быть, за городом (черн.).

Приведем пример толкования этой правки Е. Н. Коншиной: «Особенно показательны здесь в музыкальном отношении переправленное «очень далеко» в «далеко, очень далеко» — параллель к нему «май, милый май». Эти повторения с добавлением эпитета или вообще в более распространенной форме имеют значение именно для мелодии» [12].

Такое объяснение правки мы считаем более приемлемым, чем догадку А. Белкина: «Повторениями слов («далеко, очень далеко», «май, милый май») Чехов вызывает у читателей ощущение перспективы, шири» [13].

3 ч. О матушка Россия, много носишь ты нас... (черн.);

О матушка Русь! О матушка Русь! Много носишь... (белов.);

5 ч. «..,что она едет учиться» (первонач.);

«..., что она *едет* на волю, *едет* учиться» (чернов.).

В данных случаях усиление достигается повтором.

5 ч. все это уже не пугало,... было наивно, мелко, и уходило назад (первонач.);

всё это... уходило *всё назад и назад* (белов.).

Усиление здесь за счет повтора и введения усилительного слова.

2 ч. Только просвещенные и святые люди интересны и нужны (черн.);

Только просвещенные и *святые* люди интересны, *только* они и нужны (оконч.).

Повторяется только усилительное слово, кроме того, в окончательном тексте употреблены два однородных предложения, т. е. количество однородных пар увеличено до трех.

Трёхчленные конструкции. Ритмичность чеховской фразы достигается и за счет использования трехчленных конструкций.

Приведем один пример фонетического трехкратного повтора:

2 ч. Капли росы, *точно* алмазы, засверкали (первонач.);

Капли росы, *как* алмазы, засверкали (черн.).

В черновой рукописи фраза инструментована на согласные звуки *«к»* и *«л»* в большей степени, чем это было в первоначальной редакции, за счет троекратного повтора этих звуков возникает аллитерация. К сожалению, и в этом случае мы не можем сослаться на какие-либо исследования звукописи у Чехова.

Нами отмечено пять случаев правки в направлении создания трехчленной конструкции из однородных определений. Вот два из них:

6 ч. «..., что она здесь *чужая»* (первонач.);

«..., что она здесь *одинокая, чужая»* (чернов-бел.);

«..., что она здесь *одинокая, чужая, ненужная* (оконч.).

Второй пример — с перестановкой слов в трехчлене:

2 ч. А мысли были *ненужные, скучные,* все те же, что и в прошлую ночь (первонач.);

А мысли были *однообразные,* всё те же, что и в прошлую ночь, ненужные, неотвязчивые (черн.);

А мысли были все те же, что и в прошлую ночь, *однообразные, ненужные, неотвязчивые* (белов.).

Приведем еще примеры трехчленов:

6 ч. ...четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате (черн.);

...четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, *в подвальном этаже, в нечистоте* (белов.)

Это трехчлен из дополнений.

1 ч. слышно было, как там спешили, как хлопали двери на блоке (белов.).

слышно было, как там спешили, как стучали ножами, *как хлопали дверью на блоке* (1 кор.).

В этих двух случаях трехчленные конструкции выполняют прежде всего функцию усиления. Усиление возрастает при повторениях одних и тех же слов и словосочетаний;

1 ч. Нина Ивановна, бабушка и вы не делаете решительно ничего. И жених Андрей Андреевич тоже ничего не делает (белов.);

Чёрт знает, никто *ничего не делает.* Милая мамаша целый день только гуляет, как герцогиня какая-нибудь, бабушка *тоже* ничего *не делает,* вы — *тоже.* И жених, Андрей Андреевич *тоже ничего не делает.* (оконч.);

И сочетание «ничего не делает», и наречие «тоже» повторены трижды.

Двучленные и трехчленные конструкции, по наблюдениям Д. В. Иоаннисяна, располагаются в конце фразы [14]. Эти наблюдения подтверждаются воспоминаниями современника Чехова Г. И. Россолимо: «Меня особенно поразило то, что он подчас, заканчивая абзац или главу, особенно подбирал слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения» [15]. По мнению А. П. Чудакова, трехчленными конструкциями, а именно «предложениями с тремя глаголами прошедшего времени завершал свои рассказы Чехов» [16].

Действительно, такая концовка и в рассказае «Невеста»:

6 ч. Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром уехала... (черн.);

Она *пошла* к себе наверх укладываться, а на другой день утром *простилась* со своими, и, живая, веселая, *покинула* город, как полагала навсегда (2 кор.).

До сих пор не выяснен вопрос о том, каковы источники ритмичной прозы у Чехова, какие традиции он продолжает. На этот счет существуют три точки зрения:

А. Дермана [17] — влияние церковных песнопений;

З. И. Герсона [18] — усвоение традиций народного-поэтического творчества;

Л. П. Громова [19] — традиции Гоголя, Тургенева, Лескова.

Гипотеза З. И. Герсона представляется нам более убедительной, но только в специальном исследовании можно дать развернутый ответ на вопрос об источниках ритмичной прозы у Чехова.

В заключении этого раздела рассмотрим три факта правок, причину которых можно объяснить только стремлением писателя к благозвучию:

1 ч. с колоннами и *с* садом (2 кор.);
с колоннами и садом (оконч.).

В качестве комментария этой замены можно привести слова самого Чехова: «Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих звуков, избегаю их» [20].

Эвфоническая сторона (благозвучие) находит свое выражение и в таких правках:

5 ч. Теперь *уже ей* было ясно (первонач.);

Теперь *уже для неё* было ясно (черн.).

Произвести раздельно два почти одинаковых по качеству звука *«е»* трудно, поэтому Чехов и производит замену. Кроме того, «предложные конструкции, в которых отношения между словами выражаются не только окончанием, но и предлогом, имеют более конкретный характер, связь между словами уточняется [21].

6 ч. она ходила *по саду и улице* (белов.);

она ходила *по саду и по улице* (оконч.).

В беловой рукописи рядом оказались три гласных звука «по сад[у и у]лице», что писателю показалось неблагозвучным.

Использование приема сопоставления как стилистического средства

В своем рассказе Чехов использует прием сопоставления или смыслового контраста, что обнаруживается и при анализе редакций. Чаще всего это сопоставление двух или более определений, не являющихся общеязыковыми антонимами, но антонимичных в данном тексте А. Дерман также считает, что приемом «взаимного контрастного оттенения Чехов, как и многие другие,.. пользовался широко» [22] Использование приема смыслового контраста в рассказе «Невеста» отмечено и Н. А. Рудяковым [23].

Наиболее простой пример такого сопоставления — употребление определений, усиливающих какое-то качество, признак:

2 ч. И уж она, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в этом плаче что-то особенное, необыкновенное (1 кор.).

И Надя, как ни думала,.. видела в своей матери что-то *особенное, необыкновенное,* почему не замечала *простой, обыкновенной,* несчастной женщины (оконч.).

В другом случае этот прием использован для создания психологического портрета героини.

4 ч. Мать... с волосами, заплетенными в одну косу, в одной сорочке подошла к кровати и села, в эту ночь казалось... (первонач.);

Мать... с волосами, заплетенными в одну косу, с *робкой* улыбкой в эту *бурную* ночь казалась... (черн.).

«Бурная ночь» — это понятие в рассказе имеет символическое звучание: это буря не только в природе, но и в душе Нади, и мать пугается той и другой бури, робеет.

В заключительной, шестой части рассказа содержится развернутое сопоставление, последовательно сопоставляются описания внешности, настроения Нади и аналогичные описания Саши, родных, изображение провинциального городка.

Надя:

6 ч. В мае после экзаменов она поехала домой (1 кор.);

В мае... она, *здоровая, весёлая,* поехала домой (2 кор.);

6 ч. нет фразы (1 кор.);

простилась со своими и, *живая, веселая,* покинула город (оконч.).

Саша, родные и провинциальный город:

6 ч. фразы нет (1 кор.);

И почему-то показался он (Саша — *Г.С.*) *серым и провинциальным* (оконч.);

6 часть. фразы нет (бел.);

И все дома *точно пылью* покрыты (1 кор.);

6 ч. Нина Ивановна, постаревшая лет на 10 (черн.);

Нина Ивановна тоже *сильно постарела и подурнела,* как-то осунулась вся (бел.).

Контраст определений «свежий, здоровый, весёлый», и «серый, старый, провинциальный» играют значительную роль в углублении идейного содержания рассказа.

Работа писателя над рассказом проходила в два этапа:

Первый — работа над черновой и беловой рукописью: есть правки, изменяющие сюжет или суть отдельных образов, но в основном идет работа над языком и стилем;

Второй этап — работа над корректурами, сам Чехов отмечал: «Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно в ней я заканчиваю рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны (ПСС, 17, 174).

Усилия писателя во время работы над рассказом, как показывают извлеченные примеры, направлялись, в частности, на то, чтобы в целях наиболее глубокого раскрытия идейного содержания использовать проверенные приемы ритмизации фразы, приемы сопоставления и т. д.

Общее количество правок (1 ч. рассказа — всего 105 предложений, без правки — 15; 2 ч. — всего 95 предложений, без правки — 13 и т. д.). Это убеждает нас в том, что Чехов до конца творческого пути был предельно требователен к языку и стилю своих произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Юрий Бондарев, Стиль и слово, «Сов. Россия», М., 1965, стр. 11.

[2] Опубликована Е. Н. Коншиной во втором сборнике Биб-ки им. Ленина, М., 1928, стр. 27—61. В дальнейшем ссылки на черновую рукопись даются по этому изданию без специальных сносок.

[3] Опубликована Е. Н. Коншиной в 68 томе «Лит. наследства», изд. АН СССР, М., 1960, стр. 87—92. Все ссылки даются по этому изданию.

[4] Исправления в гранках 1 и 2 корректуры использованы в IX томе ПСС А. П. Чехова, Огиз, М., 1947. Ссылки даются по этому изданию.

[5] Рассказ был опубликован в «Журнале для всех», 1903, № 12.

[6] Опубликованы в XII томе ПСС А. П. Чехова, Огиз, М., 1949.

[7] З. И. Герсон. Композиция и стиль повествовательных произведений А. П. Чехова, в сб.: «Творчество Чехова», Учпедгиз М., 1956, стр. 143.

[8] К. Чуковский. Мастерство Некрасова, изд. 2 ГИХЛ, М., 1955, стр. 223.

[9] Н. Замошкин, Устранение лишнего, О «Невесте» А. Чехова, «Лит. газета», 1929, № 14, стр. 3; Р. Р. Брагин, Из творческой истории рассказа «Невеста», «Дон», 1960, № 1, стр. 142—147; В. Гольдинер, В. Хализев, Работа Чехова над рассказом «Невеста», ВЛ, 1961, № 9, стр. 167—183.

[10] А. Дерман, Творческий портрет Чехова, Л., «Академия», 1929; В. В. Гурбанов, О синтаксисе прозы А. П. Чехова, РЯШ, 1941, № 2 стр. 36—40; Л. Мышковская, Художественное мастерство Чехова, «Октябрь», 1953, № 2, стр. 153—165; Н. М. Шанский. О языке и слоге рассказов Чехова, РЯШ, 1954, № 4, стр. 9—15; А. Чудаков, Стиль и язык рассказа Чехова «Ионыч», РЯШ, 1959, № 1, стр. 64—69; Н. П. Бадаева, Синтаксические приёмы ритмизации авторской речи в рассказах Чехова, В сб.: «А. П. Чехов — великий художник слова», Ростов, 1960, стр. 25—58.

[11] Н. П. Бадаева, Указ. статья, стр. 58.

[12] Е. Н. Коншина. Из литературного архива А. П. Чехова, в «Сборнике 2», Публ. б-ка им. В. И. Ленина, М., 1929, стр. 29.

[13] А. Белкин. Художественное мастерство Чехова — новеллиста, в сб. «Мастерство русских классиков», ГИХЛ, 1959, стр. 211.

[14] Д. В. Иоаннисян. Об интонационном своеобразии лирической прозы А. П. Чехова 90—900 гг. Уч. зап. Азер. пед., ин-та вып. 2, Баку, 1963, стр. 101.

[15] Г. И. Россолимо. Воспоминания о Чехове, В сб.: «Чехов в воспоминаниях». 1960, стр. 664.

[16] А. П. Чудаков. Неизвестные произведения раннего Чехова, ВЛ, 1967, № 1, стр. 167.

[17] А. Дерман. О мастерстве Чехова, М., 1959, стр. 114—115, 122—123.

[18] В. И. Герсон. Композиция и стиль повествовательных произведений А. П. Чехова, В сб.: «Творчество Чехова». 1956, стр. 130.

[19] Л. П. Громов. В творческой лаборатории Чехова, изд-во Ростовского ун-та, 1963, стр. 67.

[20] С. Н. Щукин. Из воспоминаний об А. П. Чехове, В сб.: «Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1960, стр. 463.

[21] Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка, «Высшая школа». М. 1965... стр. 257.

[22] А. Дерман. О мастерстве Чехова, М., 1959, стр. 113.

[23] Н. А. Рудяков. О краткости чеховских рассказов, РЯШ, 1966, № 3, стр. 27—33.

О. А. Пальгов

ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Обращаясь к анализу значения слова, мы наблюдаем многократно доказанный факт наличия в нем полисемии [1]. Конечно, степень многозначности в разных словах колеблется в довольно внушительных пределах: одни слова чуть ли не «всеобъемлющи» по своему значению, другие — близки к однозначности [2], что однако не мешает лингвистам формализовать все слова языка как виртуальные знаки, знаки с невыраженным частным значением. Отсюда естественно намечается проблема существования в языке условий, в которых проявляется, т. е. актуализируется частное значение слова. Как известно, такие условия предполагаются функционирующими в речевом контексте [3]. По этому поводу С. Д. Кацнельсон замечает: «Актуализация значения в контексте достигается грамматическими средствами (как артикль и грамматическое число применительно к существительному, время и вид применительно к глаголу и т. д.), а также присоединением слов, характеризующих данное значение» [4]. Если слово способно реально функционировать в речи только через контекст, то в этом случае понятие контекста получает важное значение как дискретная единица языка, установление признаков и места которой в системе языка представляется делом также чрезвычайной важности. Из обширной литературы по этому вопросу однако трудно сделать какие-либо определенные выводы о существе этой единицы. Даже словарь О. С. Ахмановой, последнее слово в лингвистике, по-видимому, отражено в нем как нельзя лучше, определяет это понятие через тавтологию: речевым контекстом называется «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи».

И все же наблюдения за условиями актуализации значения в работах, в которых ссылаются на них для чисто практических нужд, заставляют нас предположить, что эти условия несут в себе нечто системное. В частности, в толковых словарях весь контекст при толковании слов сводится к небольшим синтаксическим конструкциям, обладающим минимумом слов, в среде которых искомое слово выступает в одном из своих значений. Вот, например, как актуализируется значение слова «плод» в словаре Ушакова: односемянные, многосемянные плоды; питаться плодами и овощами; развитие плода; вот злонравия достойные плоды. Приблизительно в подобных конструкциях актуализируется значение и всех других слов: бояться — б. собак, б. сказать, б. встречи, фанерные изделия боятся сырости; водить — в. детей погулять, в. больного к доктору, в. полки в бой и т. д. Подобные формы актуализации значения слова (в дальнейшем — актуализация) наблюдаются в речевой практике и в методике преподавания языков [5], в лингвистических работах по проблемам значения слова [6] и т. д. Например, во всех учебных пособиях по языкознанию в виде контекста преподносятся компактные синтаксические группы, ограниченные по количественному составу своих компонентов: выдержать напор ветра, выдержать экзамен, выдержать характер [7]; перейти с носа на корму, высморкать нос [8] и т. д.

Размеры контекста, как видно, не превышают определенных границ, что оправдывается не только стремлением языка к оптимализации формы и содержания, но и психологическим фактором. Если оптимализация регулируется законами языковой экономии [9], то психологический фактор определяется пределом объема «непосредственной памяти» человека [10]; оба феномена отражаются в построении контекста как верхняя и нижняя границы его по количественному составу слов, так как и ограничение количества слов в контексте не может быть сведено до такого минимума, в котором не обнаруживалась бы однозначность искомого слова. Например, допустив сокращение конструкции «питаться плодами и овощами» до группы «питаться плодами», мы рискуем не понять значения слова «плод», так как допускается возможность питаться плодами трудов. Примерами подобного рода служат конструкции: учреждение об-ва охотников (процесс или предметность?), мотивировать ссылкой (куда или на кого?) и т. д. Такие построения возможны в любых других языках, коль скоро многозначность слова и здесь является фиксированным фактом. В немецком языке, на-

пример, группа bloβ hinausgehen не актуализирует значение слова bloβ, так как это слово остается двузначным: «голый» или «только», и упомянутое сочетание может быть понято двояко: «только выйти» или «выйти голым» [11].

Предположение о том, что контекст как актуализатор должен обладать признаками функционально-структурной единицы языка, перерастает в уверенность пока еще шаткую и неустойчивую, как только мы перейдем к анализу конкретного текста. Ограничимся пока небольшим абзацем из «Судьбы человека» М. А. Шолохова: «Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички, шли пешком. Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело, но по обочинам дороги все еще держался хрустально поблескивавший на солнце ледок, и там пробираться было еще труднее». Многие слова в этом тексте полисемантичны: слезать — спуститься, сойти вниз, выйти (из вагона), отпасть (ноготь) и т. д.; дорога — путь сообщения, путешествие, направление, средства к цели и т. д.; держаться — десятки частных значений и т. д. И все же: слово «слезать» исключает все его остальные значения, кроме значения «сойти на землю» в сочетании «слезть с брички», в сочетании «держится ледок» слово «держаться» выступает только в значении «оставаться», слово «дорóга» в группе «обочина дороги» — только путь сообщения и не «путешествие», не «направление» и т. д. Справедливость суждения о значении упомянутых слов подтверждается и данными формального анализа [12].

Более контрастным, на наш взгляд, является вычленение речевого окружения, способного актуализировать значение слова, через анализ ad absurdum, так как именно искаженное или нераскрытое значение слова в тексте дает нам возможность установить языковые причины этого нарушения и вместе с тем очертить границы речевой цепи, способной исправить эти нарушения, т. е. границы контекста.

Предложение «Начался исторический конкурс, в котором участвуют сорок десятиклассников [13], не несет однозначной информации, так как конструкция «исторический конкурс» может толковаться как конкурс» по историческим наукам и как конкурс, который войдет в историю. В последующем примере читателю предоставляется право понимать слово «удобства» в любом значении: «Намечаются некоторые удобства в изучении разновидностей словосочетаний внутри каждой из групп» [14], так как значение слова «удобства» не актуализируется ни в одной из воз-

можных конструкций: удобства в изучении словосочетаний, удобства намечаются и т. д.

Коль скоро многозначность слова — явление, присущее всем развитым языкам, то и манифестация условий актуализации распространяется на эти языки, в частности, на немецкий язык [15]: из предложения «2700 DM Prämie aus der Hand des Ministers für fleißige Kartoffelsammler» («Neues Deutschland») можно заключить, что в ГДР имеется министр по делам уборщиков картофеля: слово der Minister входит в конструкцию, которая не актуализирует, а — наоборот, искажает его значение — der Minister für fleißige Kartoffelsämmler (по модели der Minister für das Eisenbahnwesen, für innere Angelegenheiten usu.).

В других случаях текст заставляет читателя задуматься над дешифровкой содержания, нередко — безуспешно. Например, группа ein bißchen stark nachlassen лишает смысловой законченности фразу «Gegen Ende des Zwölfkampfes ließ Werner Dölling ein bißchen stark nach» («Neues Deutschland», 12. 07. 1962). Слово ein bußchen в сочетании со словом stark не способствует уточнению качества процесса, выраженного глаголом «nachlassen».

Частное значение слова проявляется в семантических отношениях между словами, т. е. утверждая, что слово «конкурс» сочетается со словом «исторический», мы вместе с тем подразумеваем какие-то конкретные, при всех обстоятельствах — не общие, семантические признаки этих слов, допускающих возможность такой сочетаемости. В случаях нарушения семантической сочетаемости прежде всего фиксируется искаженное частное значение слова. Приведем примеры. В предложении «По приезде кандидатуры, рекомендованной на должность директора, вы будете освобождены от работы» необычной является сочетаемость «приезд кандидатуры», потому что мы знаем, что «кандидатура» не может являться деятелем и т. д. Автор этого предложения [16] нарушив сочетаемость, нарушил одновременно и семантическую структуру слова «кандидатура» и слова «приезд». Аналогичные искажения сочетаемости слов мы наблюдаем в группах: «свежий глаз» из предложения «Нужна была помощь, посторонний, свежий глаз» [17], «обрастать активом» — «Каждый агроном должен обрасти активом» [18], «расплескивать силы» — «Не переутомляясь и не расплескивая своих сил, я добивался того, что на всю операцию над каждой парой у меня уходило ровно 13—13,5 секунд» [19], «закричать в ажиотаже» — «Папа! — в ажиотаже закричал Рыжик» [20]. В немецком языке: eine Nach-

lässigkeit zulassen — Allerdings läßt er eine bestimmte Nachlässigkeit im mündlichen Gebrauch zu; alkoholfreie Industrie—Zur Zeit ist die alkoholfreie Industrie noch unregelmäßig verteilt (aus «Union» vom 7.01.1966); die Bestzeit im Weitsprung — Gerhard Fuchs, selbst mehrmaliger Kreismeister — seine Bestzeit im Weitsprung liegt bei 7.01m... («Freie Presse», 24.06.1966).

В выделенных конструкциях нарушена семантическая сочетаемость[21], являющаяся прямым следствием процесса актуализации.

В чем же заключается сам процесс актуализации? Если рассматривать слово в отрыве от анализа дистрибутивных признаков его, мы не получим ответа на этот вопрос, что с достаточной очевидностью обнаруживается из анализа упомянутых примеров: значение слова конкретно проявляется только через связь его с другими словами в речевой цепи. Поясним на примере. Слово «размашистый» имеет два значения, которые разграничиваются в речи семантическими признаками слов, обладающих потенциальной возможностью сочетаться с данным словом: 1. размашистый — жест, движение, шаг, почерк и т. д. 2. размашистый—жизнь, гостеприимство и т. д. Противопоставление по общему (инвариантному) значению слов (жест, шаг и т. д.) (жизнь, гостеприимство и т. д.) является здесь как раз тем, что мы называем процессом актуализации. Слово «размашистый» актуализирует свое значение не столько через конкретный компонент данной конструкции, сколько через инвариантное значение второго компонента (детерминатив). Поэтому реальные компоненты здесь могут быть нам и неизвестны, а оно в большинстве случаев так и есть, но мы знаем детерминатив этой модели, что позволяет нам не только понимать впервые услышанные конструкции, но и строить их самим с полной уверенностью, что они будут поняты собеседником. Схематически процесс актуализации можно представить так[22]:

$$(A + N) \rightarrow (A + N^{n1}/N^{1}) \rightarrow [(A^{1} + N^{n1}) \mp (A^{2} + N^{1})].$$

Отсюда, возвращаясь к ранее приведенным примерам, мы можем утверждать, что сочетаемость слова «глаз» детерминируется инвариантным значением подкласса слов: цвет (голубые и т. д.), степень зоркости (подслеповатые и т. д.), форма (продолговатые и т. д.), возраст (молодые и т. д.), движение (бегающие и т. д.). Как видно, ни в один из этих подклассов слов слово «свежий» не входит и, следовательно, не может также сочетаться со словом «глаз». Это—первое и непременное условие.

Но оно осуществимо только в случае, если нам известно, в каком частном значении берется само слово «глаз», слово многозначное. В данном примере «глаз» — орган зрения. Но вот для этого же слова со значением «пятна, окаймленного цветным ободком»—другие законы семантической сочетаемости, которые опять-таки выводятся из конкретных, частных значений этого слова (павлиний глаз на хвосте).

Конструкция alkoholfreie Getränkeindustrie приглашает читателя остановиться на ней несколько дольше, чем на группе Industrie von alkoholfreien Getränken. Причиной служит искажение семантической сочетаемости слова Industrie, в детерминированные подклассы которого не входит слово alkoholfrei. Этим же объясняется нарушение сочетаемости в конструкции einen Fehler verbessern (вместо einen Fehler berichtigen). Слово verbessern по возможным компонентам справа распространяется через подклассы, детерминированные инвариантным значением, логически интерпретируемым как объект, долженствующий быть улучшенным, обновленным. Ошибку сделать лучше чем она есть — невозможно, следовательно, и слово verbessern не может сочетаться со словами, выражающими недостаток, пробел, просчет и т. д. Поэтому также фраза Die Beulen und Kratzer (am Kraftwagen) sind mittlerweile von Herren N. wieder in Ordnung gebracht worden, где in Ordnung bringen синонимично глаголу verbessern, отвергается как неправильная: в конструкции die Beulen und Kratzer in Ordnung bringen явно отсутствует семантическая связь между именным и глагольным компонентами («Sprachpflege», 1966/7, S. 150).

Обосновывая неправомерность сочетательных связей между словами verbessern и Fehler и Beulen и in Ordnung bringen, мы ни в коей мере не можем положиться на логическую сторону доказательства, хотя и она во многих местах весьма значима. Если б все дело заключалось в логике, то не было б необходимости детерминировать компоненты конструкций подклассами инвариантных значений. Здесь можно сослаться, например, на конструкции типа «кран течет»; где семантическая сочетаемость явно противоречит логике. Однако если зафиксировать все возможные слова, семантически сочетающиеся в речи со словом «кран» и со словом «течь», с другой стороны, то мы получим список слов, которые в сумме своей определяются как детерминированные классы слов. Этот класс является замкнутой структурой, которая позволяет нам соответственно частным значениям данных слов разбить его на детерминированные под-

классы компонентов конструкций со словом «течь» и со словом «кран». Следовательно, семантическая сочетаемость устанавливается эмпирически и через анализ конкретных значений слов.

Но касаясь актуализации значения одного слова через контекст, формы которого, очевидно, принимают вид обыкновенных словосочетаний (в дальнейшем—с/с), трудно представить себе «элеминацию» других слов из процесса актуализации в том же контексте. Действительно, в сочетаниях «слезть с брички», «обочина дороги, die Hand des Ministers, einen Fehler berichtigen и т. д. актуализируют свое значение не только «искомые» слова «слезать», «дорога», der Minister, berichtigen и т. д., но и другие слова, образующие условия для актуализации упомянутых «искомых» слов — «бричка», «обочина», «ледок», die Hand, der Fehler и т. д. Т. е. мы хотели бы сказать этим, что контексты не существуют для каждого слова в отдельности, а контексты — как условия актуализации — есть результат функционирования слов в органической связи их друг с другом: говоря об актуализации значения одного слова в контексте, мы не можем и мысли допустить, как показывают факты языка, что другие слова этого же контекста остались здесь только на положении «контекста», вне актуализации. Поэтому само понятие контекста является одним из исследовательских приемов и никак не естественным фактором существования языка [23].

В связи с этим и опираясь на пока еще предварительные результаты наших наблюдений, мы можем отметить, что частное значение слова проявляется в каких-то дискретных единицах, которые функционируют в языке как структурные элементы его с ярко выраженным назначением актуализатора и которые совпадают по форме своей с некоторой частью тех семантических единиц, которые в традиционной лингвистике называют словосочетаниями.

На понятии с/с остановимся несколько дольше.

В современном языкознании с/с интерпретируется как устоявшееся лингвистическое понятие. Однако если известно, что фонема, например, не только звук речи, морфема — не только комплекс звуков (а иногда — один звук), а слово — не только сочетание морфем (а иногда — одна морфема), но к тому же они являются и единицами, обладающими специфическими признаками в плане их значения и функционирования, то для с/с аналогичного определения мы пока не найдем. То же самое касается и формы с/с. Разумеется, на с/с налагаются некоторые ограничения, вроде того, что предложение не может рассматри-

ваться как с/с, или что с/с не присуща предикативность[24]. Все же этого недостаточно для выделения с/с как репрезентанта самостоятельного уровня языка.

А между тем вычленение с/с как языкового феномена — не продукт вольного обращения исследователей с фактами языка, в этом убеждают нас многие работы последних лет, доказывающие объективное существование с/с как элементов языка. Однако некоторые трудности[24] всякий раз становились как будто непреодолимыми, как только исследователь сталкивался с проблемами как бы «естественных противоречий» при формальной характеристике с/с, прежде всего относительно слова и предложения. Это обстоятельство, надо полагать, мешает исследователю отклониться от проторенных путей в определении понятия с/с. Обратимся к трактовке с/с, распространенных в современном советском языкознании[25].

Н. Ю. Шведова[26] называют с/с «существующую в языке независимо от предложения синтаксическую единицу некоммуникативного плана, образующуюся путем соединения двух или более полнознаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи и специфического отношения (значения), которое порождается характером этой связи и лексико-семантической соединяемостью сочетающихся слов». Из этого, ставшего традиционным, определения ясно одно —способ образования с/с. Понятия же «некоммуникативный план» и «специфическое значение» сами по себе требуют разъяснения, т. к. за исключением предложения все в языке некоммуникативно и все специфично по значению. Уже сама ссылка на отсутствие каких-то признаков в с/с, присущих другим уровням языка, настораживает нас.

Эти же вопросы возникают при знакомстве с определением с/с Н. Н. Прокоповичем[27], который основным признаком с/с как «специфической единицы» считает факт формального отличия его от слова и от предложения. По мнению Н. Н. Прокоповича, к с/с относятся группы слов, которые передают «нечто семантически единое». Нетрудно понять, что здесь мы сталкиваемся опять же с загадочным «нечто», т. е. единственно с познанной необходимостью что-то сказать о с/с как лексико-грамматической единице языка.

Неудивительно поэтому, что В. Г. Адмони и не пытается скрыть скепсис относительно роли с/с в языке. Он пишет: «С/с является грамматической единицей, служащей для обозначения расчлененной связи явлений действительности путем свободно-

го (нефиксированного) соединения двух или нескольких слов»[28]. И дальше: «Более второстепенным и наименьше необходимым из всех грамматических единиц представляется с/с». В доказательство своего утверждения В. Г. Адмони сообщает: «Во всех языках мира не может быть никакого законченного высказывания, в котором отсутствовала бы хотя бы одна фонема, хотя бы одно слово (пусть даже междометие) и хотя бы одно предложение. Ср., например, в русском языке повелительные предложения типа Стоп!, ситуационно-назывные типа Пожар!, междометно-эмоциональные типа Уф! и т. п. Это — минимум речевого высказывания. И с/с, как мы видим, в этом минимуме может отсутствовать». В чем же видит В. Г. Адмони роль с/с в языке? Дальше он поясняет: «Но фактически во всех языках мира с/с все же оказывается чрезвычайно важным моментом грамматического строя и, будучи необязательным в отдельных высказываниях, является необходимым для строя предложения в целом, обеспечивая его достаточную емкость». Не вдаваясь в подробный анализ этой характеристики с/с, мы отметим только, что В. Г. Адмони концентрированно выразил известное мнение касательно с/с как сугубо формальной единицы, именно поэтому постулируя ее как «второстепенное и наименьше необходимое из всех грамматических единиц»[29]. И действительно, разве с/с в приведенном определении может конкурировать с другими уровнями языка? Конечно, нет, если все значение с/с усматривать в его формальных функциях показателя синтаксических отношений между словами, а того более, если все в языке пытаться соотносить с конструированием предложения, понятия, как известно, довольно широкого, а потому и не дефинируемого[30].

Совершенно аналогичное понимание с/с мы найдем и в других исследованиях вплоть до фундаментальных работ по общему и частному языкознанию[31].

Такое определение с/с, возможно, было б оправданным, если видеть в с/с, как это и делается, только искусственно вычлененный объект для наблюдений за связями и отношениями слов. В таком случае само с/с остается вне поля зрения исследователя.

Вместе с тем мы можем отметить, что многие исследователи приписывают с/с важные функциональные признаки, правда, не заявляя об этом прямо. Например, в работах по фразеологии ссылаются на с/с в духе В. А. Ларина, который пишет: «Все неразложимые с/с были когда-то свободными с/с с конкретным

значением, отвечавшим нормам живого языка и по грамматическому строению, и по лексическому составу, и по семантическому содержанию»[32]. Свободные с/с — источник образования устойчивых с/с только потому, что свободные с/с актуализированы по компонентному составу своему[33]. Известно, что для перехода свободного с/с во фразеологизм требуется переосмысление значения компонентов этого с/с[34]. Следовательно, ни о каком «переосмыслении значения» в с/с и речи быть не может, если это значение в с/с неизвестно, т. е. не актуализировано. Это — немаловажное обстоятельство. Ведь если исследователь пытается действительно «приписать» с/с функционально-семантические признаки, исходя из того, что какие-то качества языка непременно должны существовать в форме структурного элемента — речь идет о с/с, — то мы наблюдаем здесь эти качества без какого-либо «приписывания», они в данном случае функционируют более очевидно, чем где-либо еще[35].

Сошлемся также на интерпретирование становления сложных слов, а также слов, которые на поздней стадии своего развития переходят в «корневые» слова (спасибо, сегодня и т. д.)[36]. Мы имеем в виду тот факт, что сложное слово образуется из с/с при условии, если компоненты этого с/с выступают в данном с/с в своем частном значении. Представляется, что это положение свидетельствует в пользу существования не просто сочетаний слов, в которых проявлялись бы только грамматические связи, но — с/с, в которых реализуются частные значения слов[37]. Впрочем и изменение значения слова само по себе не мыслится вне связи данного слова со с/с, что также ведет к утверждению однозначности в семантике компонентов с/с[38]. Больше того: советскими исследователями отмечается прямая зависимость между значением компонентов и формой с/с, что является частным проявлением функциональной роли с/с как актуализатора значения слова[39].

Некоторые ученые, отвергая с/с как актуализатор значения, придерживаются концепции, согласно которой «актуализация может длиться долго, на протяжении обширного контекста», «сколь угодно долго, пока продолжается речь о данном предмете»[40]; другие лингвисты утверждают обратное[41]. В. И. Перебейнос пишет: «Текст объемом в одно предложение (от точки до точки) дает достаточную информацию для выявления каждого отдельного значения исследуемого глагола»[42], что убедительно доказывается анализом конкретного материала. Собственно, эта последняя мысль восходит еще к М. В. Ломоносову, кото-

рый считал, что «сложение знаменательных частей слова или речений производит речи, полный разум в себе составляющие, через снесение разных понятий»[43]. Дальнейшее развитие этот взгляд на с/с получил в работах А. А. Потебни и, главным образом, Н. С. Поспелова. А. А. Потебня полагал, что сложным синтаксическим целым следует именовать «такое сочетание слов, из которого видно... значение входящих в него элементов»[44]. Аналогичные взгляды представлены в работах Н. Ф. Яковлева[45]. В наше время семантическое начало в вычленении единиц языка выражено Н. С. Поспеловым: «Сложное синтаксическое целое есть такое сочетание слов или предложений в связной речи, из которого видно значение составляющих его элементов и которые поэтому, в отличии от предложения, действительно обладают в связной речи замкнутой синтаксической структурой и выражают законченную мысль высказывающегося»[46]. Если согласиться, что для уровня предложения таким синтаксическим целым является архитектоническая конструкция[47], то для слова — с/с.

Вышеизложенное позволяет нам определить с/с как такую функциональную единицу языка, репрезентанта семантического уровня языка, которая служит главным образом для того, чтобы актуализировать значения слов. Поэтому: *Предельно ограниченная по числу своих компонентов (слов) синтаксическая конструкция, в которой эти слова-компоненты реализуют свои частные значения, называется словосочетанием*[48];

Некоторые исследователи стремятся доказать противное, но — как? Например, Г. И. Куликов считает, что частное значение слова Bock из последующего предложения возможно установить лишь через «макроконтекст»[49]: den alten Böcken steckt das Frühjahr schon in den Knochen («Drei Kameraden» von E. M. Remarque, M., 1960, S. 110). Однако в предшествующих местах романа мы ничего не найдем, что раскрывало бы значение слова Bock. А между тем, частное значение этого слова предельно отчетливо проявляется в самом предложении, если учесть идиоматичность с/с der alte Bock с полностью переосмысленным значением этого существительного. В другом месте Г. И. Куликов настаивает на том, что слово Gaul актуализируется через «микроконтекст»: Schumann, der wieder seinen alten Gaul «Mehrheit» geritten hatte, wurde verlegen. Однако слово Gaul — элемент фразеологического оборота seinen alten Gaul, reiten[50] и, как известно, само слово Gaul (как и слово reiten) здесь вообще не подлежат актуализации, актуализируется все с/с как компонент

определенной синтагмы [51]. Более или менее удачным предложением, где «не зная микроконтекста» невозможно установить значение прилагательного alt является: Der Kindergarten bestand drei Tage im alten Gutshaus (E. Strittmatter, «Tinko»).

Между тем мы склонны рассматривать слово alt в значении «бывший», что однако не исключает и значения «старый». Кстати, отвлекаясь от данного примера, разве недопустимо в речи, с определенным замыслом не раскрыть полностью значение слова? Очень часто многие слова умышленно употребляются авторами в далеко неопределенном значении. А иногда и неумышленно, просто из-за незнания языка [52].

Некоторые авторы пытаются придерживаться традиционной точки зрения на с/с вопреки фактам. Например, в учебнике по лексикологии немецкого языка А. М. Искоз и А. Ф. Ленковой [53] мы читаем (в переводе на русский язык): «Иногда бывает недостаточно одного маленького контекста (для актуализации значения — О.А.П.), например Er kommt ohne Hut. Здесь неясно, что означает слово Hut. Тогда (dann) контекст должен быть расширен». И приводят пример из Т. Манна, где слово Hut выступает в значении «шляпа»: Sie eilt ohne Hut durch den Regen... и т. д. (т. е. «Она бежит без шляпы по дождю...»). Нам бы хотелось спросить уважаемых авторов учебника, где зафиксировано слово — Hut в значении «не шляпа» как компонент с/с с глаголами движения? Уж не потому ли в учебнике нет примера на актуализацию этого слова в значении «не шляпа»? Несомненно, слово Hut в любом из своих значений актуализируется в самых простых двучленных с/с (да к тому же эти слова различаются между собой по артиклю) [54]. Поэтому и первая фраза должна пониматься только в одном значении: «Он приходит без шляпы».

В основе разногласия по поводу функции с/с лежит, на наш взгляд, неразличение языка и речи. Дело в том, что с/с в речи и в языке во многом не адекватные понятия. В языке все элементы конституируются независимо от неязыковых факторов, в речи мы сплошь и рядом наталкиваемся на экстралингвистические конституенты, особенно на семантическом уровне. Речь, реализуя на практике данные языка, становится кодовой системой, активно включающей данные объективной действительности. Поэтому с/с в речи может конструироваться с привнесением, например, элементов реальной или описанной через речь ситуации. Например, слово «пробираться» из приведенного ранее отрывка из «Судьбы человека» не актуализируется языковыми компонентами, т. е. через с/с «пробираться трудно», т. к.

это слово здесь может означать «итти» или «красться». Однако реальная ситуация, описанная в этом абзаце, не оставляет сомнения в том, что слово это выступает здесь только в значении «итти». Здесь описание ситуации ясно выступает в качестве, если так можно сказать, компонента с/с. В других случаях слово может актуализировать свое значение не через описание ситуации, а самой реальной действительностью, что с наибольшей силой проявляется в диалогической речи. Поэтому мы, по-видимому, можем классифицировать все с/с по характеру их конституентов следующим образом:

1) сочетания «слово + слово» (W + W) — речевые с/с,

2) сочетания «слово + ситуация» ($W + W^s$) — ситуативно-речевые с/с, которые в зависимости от характера ситуации подразделяются на: а) реальные ситуативно-речевые с/с ($W + W^{sp}$) и б) обусловленные ситуативно-речевые с/с ($W + W^{sw}$) [22].

В ситуативно-речевых с/с проявляется стремление к языковой экономии в прямом значении этого слова (в дополнение к законам экономии в самом языке), что не всегда ведет к желаемым результатам. Возьмем следующий диалог:

— Конечно, не все у нас благополучно, — сказал товарищ Сушко. — Отдельные участки у нас просто не управляются.

— Вами?

— Что?

— Не управляются.

— Да нет, сами [55].

Надежда на ситуацию, которая помогла бы раскрыть частное значение слова «управляяться» оказалась напрасной: слово это не было понятно слушателям. В языке такого, разумеется, быть не может: здесь имеется с/с «управляться с делами», не допускающее второго толкования.

Вследствие вышеизложенного представляется нам разовое вычленение с/с из речи не всегда оправданным делом, т. к. по справедливому мнению В. Н. Ярцевой [56] «с/с существуют вне предложения, уподобляясь в этом отношении словам, хотя выделяются на базе предложения (не из предложения!), чем отличаются от слов». Примером могут служить редакторские правки В. И. Ленина в некоторых политических документах. Например, в пункте десятом комиссионного проекта было сказано: «Чтобы совершить свою социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит побороть все препятствия» [57].

К конструкции «побороть препятствия» В. И. Ленин ставит восклицательный знак: препятствие можно преодолеть, но не побороть [58]. Осталась бы старая редакция этого документа, и исследователь, возможно, выделил бы с/с «побороть препятствие» для нужд своих теоретических выкладок.

Характерным можно считать в этом отношении с/с из стихотворения А. Геллера [59]: ein runder Ball, der erwählte Zweck и т. д. Между тем: мяч, он всегда круглый; цель не может быть «бесцельной».

В этой связи мы сошлемся на тонкие и важные наблюдения, сделанные А. В. Исаченко, которые применимы и к практике вычленения с/с. А. В. Исаченко на примере анализа конкретного речевого материала приходит к выводу, что задача лингвиста состоит в раскрытии глубинной структуры на основании изучения структуры поверхностей; т. е. на базе непосредственных наблюдений уметь сделать обобщения о структуре, лежащей в основе наблюдаемых явлений [60].

Речевые с/с по признакам конструирования их обнаруживают многообразие форм, что зависит от специфики семантической структуры слов, из которых конструируется с/с, главным образом, от степени многозначности, от наличия или отсутствия омонимичных форм, от морфологической и от синтаксической характеристики слов и от частотности употребления (хотя, как известно, последнее зависит от степени многозначности: чем многозначнее слово, тем выше его частотность употребления). Предварительно можно все речевые с/с разбить на две группы: 1) узуальные ($W^g + W^g$), которые представляют собой действительно минимальные по количеству компонентов конструкции с актуализированным значением слов и 2) окказиональные: а) избыточные с/с ($W^g + W^g + W^g$) и б) усеченные (или мнимые) с/с ($W^g + W^0$) [22].

Избыточные с/с следует отличать от неправильных с/с типа «языковое значение слов» [61], где слово «языковое» ничего не выражает, а только усложняет с/с «значение слова». Такого типа с/с характерны для работ с бедной мыслью, каковой, кстати, и является статья Е. А. Мессерле, из которой взят этот пример. Образцом избыточного с/с может служить с/с «знакомые ему до мельчайших подробностей коровы» (Л. Н. Толстой, «Анна Каренина», 2, XIII) [62], сокращение которого до «знакомые коровы» не нарушает процесса актуализации, но противоречит нормам сочетаемости (ассоциируется со с/с «знакомые люди»). Усеченные с/с надлежит отличать от ситуативно-речевых: первые

независимы от ситуации и стандартны, они закрепились в языке и их можно перечислить; вторые полностью зависят от конкретной или речевой ситуации и могут, следовательно, образовываться от самых разнообразных слов. Примерно усеченных с/с являются «столовая (комната)», «пить (водку)» и т. д.

В связи с этим и сами компоненты различаются по форме участия их в конструировании с/с: 1) обязательные компоненты (W^u), не допускающие, в основном, образования ситуативных или усеченных с/с, проявить (обязательно — кого, что?), плод (обязательно — какой?) и т. д. 2) факультативные компоненты (W^f), от наличия или отсутствия которых зависит частное значение слова: человек болеет человек болеет всей душой, он пьет пить водку, er sitzt im Sessel sitzen и т. д. 3) Мнимые компоненты (только в усеченных с/с): часовой *(солдат)*, выпить *(вино)* и т. д. [63] — (W^0).

Конструирование с/с на основе предлагаемого определения носит строго регулируемый характер парадигматических отношений в плане семантической и синтаксической сочетаемости. Достаточным условием законченности парадигматической схемы с/с является однозначность его в целом (с исключением избыточного языкового материала). Следовательно, с/с — это первая единица языка, непосредственно соотносящаяся с предметами и явлениями действительности, отражая в себе конкретные вещи и события объективного и субъективного мира. Однозначность с/с обнаруживается однако не в самой парадигме (здесь обнаруживается однозначность слов), а в синтагматической цепи. Коль скоро условие однозначности удовлетворено, то значение компонентов с/с остается неизменным независимо от содержания с/с, с которым первое с/с, с которым первое с/с вступает в синтагматические связи.

Например, чтобы установить значение глагола «слепить» как элемента сочетания «позволение слепить» [64] и определить отношение этого сочетания к семантическому уровню, мы считаем достаточным проверить функционально-семантическую характеристику этого сочетания в синтагме. При этом мы имеем в виду, что с/с могут вступать в связи только с однозначными единицами, т. е. только со с/с и ни в коем случае с отдельными словами (т. е. «распространить» с/с через отдельное слово невозможно: слово-то многозначно!). Весь довольно обширный набор таких связей сводится к двум синтагмам:

1. Позволение слепить + из глины → позволение слепить из глины.

2. Позволение слепить + слепить светом → позволение слепить светом.

С/с «слепить светом» и «слепить из глины», вычлененные из полученных синтагм, не равнозначны по глагольному компоненту, о чем свидетельствуют детерминативы справа: а) свет и т. д. и б) строительный материал и т. д., что соответствует и дистрибутивным признакам этих двух глаголов:

1. слепить $/N^{l}_{a}/N^{nl}_{a}/N^{nl}_{i}/PvN^{nl}_{a}/$.

В зависимости от частного значения глагола формура 1 распадается на две, из которых исключены нерелевантные признаки:

2. слепить $/N^{l}_{a}/N^{na}_{a}N^{nl}_{i}/PvN^{nl}_{a} \rightarrow /N^{l}_{a}/N^{nl}_{i}/$;

3. слепить $/N^{l}_{a}/N^{nl}_{a}/N^{nl}_{i}/PvN^{nl}_{a}/ \rightarrow /N^{nl}_{a}/$ из $N^{nl}_{a}/$.

Синтагматические связи на уровне с/с выражаются схематически достаточно просто:

4. $(W^{g}_{1} + W^{g}_{2}) + (W^{g}_{3} + W^{g}_{4}) \rightarrow (W^{g}_{1} + W^{g}_{2} + W^{g}_{3} + W^{g}_{4})$.

Отношения между с/с, имеющими общий член, представляются формулой, являющейся частным случаем формулы 4;

5. $(W^{g}_{1} + W^{g}_{2}) + (W^{g}_{2} + W^{g}_{3}) \rightarrow (W^{g}_{1} + W^{g}_{2} + W^{g}_{3})$.

Предлагаемая манифестация с/с налагает на эту единицу строгие ограничения также и в количественном составе компонентов. Поэтому мы никак не можем считать с/с конструкции типа «баснословный, если» [65] или синтаксические монстры порядка «сделать мучительное усилие подняться с земли после неожиданного падения со скользкой у края крыши балкона» [66].

Развитие словарного состава языка, отражая прогресс в деятельности человека, не идет по пути механического накопления все новых и новых слов. Обогащение словаря удовлетворяется, в основном, расширением семантической емкости слова [67], что неизбежно способствует увеличению роли с/с в языке как эксплицитного актуализатора значения слова. Поэтому, с/с, будучи категорией исторической [68], в некотором роде, можно допустить, категорией новой в предложенной манифестации [69], образует сферу довольно пестрых форм, как мы видим. Собст-

венно, это и естественно: чем сложнее уровень, тем выше энтропия. И несмотря на это, на сложность, а иногда, может быть, и на ошибочность поисков, вычленить единицу, в которой актуализируется значение слова, необходимо.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О. С. Ахманова. Очерки по лексикологии, М., 1957, стр. 249.

[2] В. М. Богуславский. Слово и понятие. Сб. «Мышление и язык», М., 1957, стр. 249.

[3] Н Н.. Амосова. Основы английской фразеологии. М., 1963, стр. 22—27.

[4] С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение, М.—Л.., 1965, стр. 53.

[5] В. В. Беляев. Очерки по психологии обучения иностранным языкам, М., 1965, стр. 133—136.

[6] Р. А. Будагов. Слово и его значение, М., 1947; Ю. С. Сорокин, «Развитие словарного асостава языка», ВЯ, 1961, № 3, стр. 22—36 и др.

[7] Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. М., 1954, стр. 27—28:

[8] А. А. Реформатский. Введение в языкознание, М., 1955, стр. 77—78.

[9] Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.. 1960, стр. 126—127. Paul Passy «Etudes sur les changements phonetiques et leurs caracteres generaux», Paris, 1890, p. 228.

[10] В. Ингве. Гипотеза глубины. Сб., «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1964, стр. 127.

[11] О. А. Пальгов. Словосочетания с партиклями. Сб. «XVI научная сессия», Минск, 1964, стр. 181—184.

[12] Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование русского глагола. М., 1967, стр. 197 и дальше.

[13] Пример заимствован из книги К. И. Былинского и Д. Э. Розенталя «Литературное редактирование», М., 1957. стр. 917.

[14] П. М. Бердник. К вопросу о классификации словосочетаний в русском языке. Сб. «Материалы конференции по казахской и русской филологии», Алма-Ата, 1962, стр. 72.

[15] Относительно английского языка см. указанные работы Н. Н. Амосовой, французского языка — указ. соч., Ю. Степанова и т. д.

[16] «Лит. редактирование». стр. 96.

[17] «Молодая гвардия», 1967, № 4, стр. 307.

[18] «Октябрь», 1957, № 5, стр. 25.

[19] Указ. «Лит. редактирование», стр. 96.

[20] А. Югов. Судьбы родного слова. М., 1962, стр. 43.

[21] Н. Н. Амосова, Слово и контекст. Уч. записки ЛГУ, 1958, № 243, стр. 3; Ее же: О синтаксическом контексте, Сб, «Лексикографический сборник», № 5, 1962, стр. 36—45; С. Я. Фитиалов О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике. Сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962, стр. 100.

Относительно с/с аналогичных eine Nachlässigkeit zulassen см. Ю. Степанов «Французская стилистика». М., 1965, стр. 118 — §51; а также: А. И. Аникин. Употребление однокоренных слов в предложении. М., 1965, стр. 12—22 и др.

[22] Условные обозначения: *A* — прилагательное, *N* — имя, *W* — любой тип компонента с/с, *W* — слово или несколько слов как компоненты с/с, W^s — ситуативный компонент, *W* — ситуация реальная (компонент), W^{sw} — ситуация речевая (компонент), W^f — факультативный компонент, W^0 — мнимый компонент, W^g — обязательный компонент, *nl* — детерминатов (предметы и явления), *l* — детерминатив (живые существа).

[23] Н. Н. Амосова в указ. сочинениях определяет контекст исходя только из потребностей актуализации *одного слова* («слово в контексте»), для каковых целей она вычленяет понятие указательного минимума. Практически эта идея оправдывает себя только с методических позиций, т. к. сам по себе указательный минимум в языке существовать не может, он существует как исследовательский прием.

[24] Грамматика русского языка, М., 1954, т. 2, ч. 1, стр. 10. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, М., 1966, стр. 135—137.

[25] Грамматика русского языка, М., 1954, т. 2, ч. 1.

[26] Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1966, стр. 3.

[27] Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1965, стр. 51—54; стр. 45. В этом отношении Н. Н. Прокопович не отклоняется от идей В. В. Виноградова, высказанных им в его известных работах конца 40-х — начала 50-х годов.

[28] В. Г. Адмони. Основы теории грамматики, М.—Л., 1965, стр. 8—10.

[29] Кстати, недооценка В. Г. Адмони словосочетаний заметна даже из цитированного текста: « важный *момент грамматического строя*», *наименьше необходимым* из всех грамматических *единиц*» и т. д.

[30] Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. Сб. «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1965, стр. 434—448. Ch. Fries, «The structure of English» N. Y., 1952, p. 18, ect.

[31] Этим не исключаются другие концепции, разумеется. Например, Т. Г. Сильницкий причисляет к с/с все пословицы и поговорки («Опыт семантической классификации словосочетаний», «Вопросы английской филологии», Л., 1962, стр. 208—235).

[32] В. А. Ларин. Очерки по фразеологии. Сб. «Очерки по фразеологии», лексикологии и стилистике», Л., 1956, стр. 212.

[33] В. В. Виноградов. Из истории современной русской литературной лексики. Уч. записки МГПИ им. В. И. Ленина, 1948, т. 56, вып. 2, стр. 2—6; Его же: Из истории русской лексики и фразеологии. Сб. «Доклады и сообщения института языкознания АН СССР», 1954, т. 2, вып. 6, стр. 3—22; Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, § 13.

[34] Н. Ю. Шведова. О некоторых типах фразеологических конструкций в строе русской разговорной речи, ВЯ, 1953, № 2, стр. 93—100.

[35] V. H. Collins. «A book of English Idioms with Explanations». London — N. Y. — Toronto, 1958.

[36] В. М. Жирмунский. О границах слова, ВЯ, 1961, № 3; В. М. Павлов. К вопросу об отношении словосложения к синтаксису. Сб. «Вопросы теории немецкого языка», Л., 1960, т. 1, стр. 131—159.

[37] По этому вопросу имеется богатая литература, где на конкретных языках доказывается справедливость этой концепции. См., например: М. Д. Степанова. Словообразование в современном немецком языке, М., 1953, §§ 11—13; Л. М. Беляева. Структурно-семантические модели свободных с/с в английском языке. Сб. «Вопросы лингвистики и методики препо-

давания иностранных языков. М., 1960, стр. 3; А. П. Комаров. К вопросу о синтаксисе словосложения. Сб. «Вопросы языкознания», Алма-Ата, 1965.

[38] Р. А. Будагов. Слово и его значение, М., 1947; К. А. Аллендорф. К вопросу об изменении значения слова и образования новых слов в процессе исторического развития языка. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, 1956, т. IX, стр. 7—15.

[39] Б. А. Абрамов. Синтаксические потенции глагола, ФН, 1966, № 3, стр. ?

Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование русского глагола, М., 1967, стр. 23—36.

[40] Указ. соч. С. Д. Кацнельсона, стр. 54.

[41] Г. Глиссон. Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 125; И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, стр. 25; П. С. Кузнецов. Морфологическая классификация языков, М., 1954, стр. 27.

[42] В. И. Перебейнос. К вопросу об использовании структурных методов, Сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962, стр. 163—174.

[43] М. В. Ломоносов. Российская грамматика, наст. первое, гл. 5, § 80.

[44] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, Харьков, 1888, т. 1, стр. 32.

[45] Н. Ф. Яковлев. Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., 1941, стр. 15.

[46] Н. С. Поспелов. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. Сб. «Доклады и сообщения института русского языка», М.—Л., 1948, вып. 2, стр. 43—68.

[47] Э. Г. Ризель. Об архитектонической функции. Уч. зап. 1 МГПИИЯ, М., 1956, стр. 151—164.

[48] См. наши работы по этому вопросу: «Некоторые с/с и значение их компонентов в немецком языке», Сб. «Республиканская конференция по вопросам языкознания», Алма-Ата, 1964, стр. 53—56; «Словосочетание и некоторые его характеристики» и «Анализ группы немецких с/с» в сб. «Вопросы общего и романо-германского языкознания», Уфа, 1965, стр. 27—37; «К определению признаков с/с», сб. «Материалы теоретической конференции», Кокчетав, 1967.

[49] Г. И. Куликов. Выявление лексико-семантических вариантов слова. Сб. «Вопросы синтаксиса и лексикологии немецкого языка», М., 1964, стр. 74.

[50] См. «Немецко-русский словарь» под ред. А. А. Лепинга, 1962, т. 1.

[51] М. Т. Тагиев, Окружение как дифференциальный признак, ФН, 1966/4.

[52] См. Viktor Klemperer, «LTI», Halle (Saale), 1957. F C. Weiskopf, «Verteidigung der deutschen Sprache», Halle (Saale), 1960 usw.

[53] A. Iskos, A. Lenkowa, «Deutsche Lexikologie», M., 1960. S. 168.

[54] Dr. E. Agricola, «Wörter und Wendungen», Leipzig, 1962, S. 293; H. Paul, «Deutsches Wörterbuch», Halle (Saale), 1959, S. 304 usw.

[55] «Крокодил», 1967, № 28, стр. 7.

[56] В. Н. Ярцева. Предложение и словосочетание. Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 436—451.

[57] В. И. Ленин. «Сочинения», т. 6, стр. 51.

[58] Пример из «Лит. ред.», стр. 21.

[59] F. Kühn, «Stilistische Mittel der dt. Sprache», Halle, 1963, S. 131.

[60] А. В. Исаченко. О грамматическом порядке слов, ВЯ, 1966, № 6.

[61] Е. А. Мессерле. Некоторые тенденции в развитии словаря немецкого языка в двух современных немецких государствах, Сб. «Республиканская конференция по вопросам методики», Алма-Ата, 1966, стр. 166—168.

[62] Пример из указ. соч. Н. Н. Прокоповича, стр. 104.

[63] См. цит. соч., «Активные процессы», стр. 74—94.

[64] Р. С. Зуева. Словосочетания с приименным инфинитивом в современном русском языке, автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1965, стр. 4.

[65] Указ. соч. Н. Н. Прокоповича, стр. 104.

[66] Указ. «Основы», стр. 144.

[67] А. Кондратов. Звуки и знаки, М., 1966, стр. 26.

[68] В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка, М., 1963, стр. 293; его же — Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка, Л., 1966; И. А. Цыганова. Предикативное определение в языке древневерхненемецкого периода, Уч. зап. ЛГУ, Л., 1958, № 223, вып. 31, стр. 12.

[69] С/с были всегда, но функция их была, как свидетельствуют исследования конкретного материала, в большей степени синтаксической, чем семантической: в них не актуализировалось значение слова.

О. А. Пальгов

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В современной лингвистике наблюдается стремление сузить сферу словосочетания (в дальнейшем — с/с) до рамок таких конструкций, которые не выражали бы грамматическую предикативность [1]. Данное определение с/с концентрированно сформулировано в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (М., 1966, стр. 134). Причиной, побудившей многих лингвистов отказаться вслед за В. В. Виноградовым от рассмотрения предикативных конструкций в качестве с/с, является отсутствие в них синтаксических связей, которые определялись бы «собственно словом и распространялись бы на все его формы» [2], как это имеет место в с/с подчинительной связью. Если к тому же принять во внимание, что и конструкции с сочинительной связью не включаются в разряд с/с (по причине «открытости» таких групп) [3], то, действительно, не следует удивляться скептическому отношению к с/с со стороны некоторых ученых, усматривающих роль с/с только в способности выражать синтаксические связи между словами [4]. В таком случае противоречивой оказывается лингвистическая характеристика с/с — служить показателем не только синтаксических, но и семантических связей и отношений слов между собой в языке [5], так как функционально-семантическая нагрузка, которая приписывается с/с, складывается из очень емкого ряда признаков, среди которых выделяется, в частности, характеристика семантической сочетаемости слов в языке вообще.

Сводя все многообразие разноплановых отношений между словами в речевом потоке только к подчинительным связям, мы

этим самым усложняем и без того не простую проблему [6]. Поэтому признание важности анализа «закономерностей сочетаемости одного слова с другим в зависимости от различия его значений» через с/с [7] остается в существе своем декларативным.

А между тем слово обнаруживает свои признаки семантической сочетаемости в конструкциях не только подчинительных, но и в предикативных [8], о чем свидетельствуют исследования многих лингвистов [9], правда, непосредственно не затрагивающих эту сторону в характеристике слова как компонента с/с.

Мы исходим из тех фактов, что, например, глагол «течь» в характеристике его по предметно-логическому значению не удовлетворяется констатацией только семантических признаков качественной или локальной направленности движения жидкости или другой какой-либо субстанции, проявляющихся в непредикативных конструкциях (течь через край, течь медленно и др.). Этот глагол выражает, кроме того, отношения, не исходящие от него самого непосредственно, а являющиеся признаками этой субстанции (река течет, мысли текут и др.). Такие признаки имеют место только в предикативных и в производных от них конструкциях [10]. Именные компоненты этих конструкций образуют единство, которое обусловлено семантическими признаками этих компонентов. Грамматическая связь здесь согласно общепринятым взглядам — одна, отношение сказуемого и подлежащего [11], но семантические отношения весьма разнообразны, хотя и предельно ограничены. Эти ограничения касаются круга слов, способных выступать в сочетании с глаголом «течь» слева [12], что вместе с подобными ограничениями в непредикативных конструкциях справа создает характеристику семантической сочетаемости глагола. Анализ семантических ограничений показывает, что семантическая сочетаемость слева и справа — явления не адекватного порядка (для одного и того же слова), так что по семантической сочетаемости слева нельзя судить о сочетаемости справа и — наоборот, — что и предопределяет раздельность установления соответствующих признаков глагола [13].

Семантическая валентность устанавливается в результате конструирования двух операционных моделей. В частности, для определения функционального значения предикативных конструкций на семантическом уровне необходим анализ этих конструкций на предмет выявления той роли, которую они играют в конструировании многозначности (или однозначности) глагола, компонента подобных конструкций. Наиболее рациональным

методом для этой цели является практически оправдавший себя компонентный анализ наличных фраз с глаголом «течь» [14].

Согласно дистрибутивной методике разграничения значений, слово «течь» распределяется по ряду формул, которые однако не описывают детальные разграничения, необходимые для целей анализа. Многие из этих формул обладают незначительной диагностической силой. Для подробного разграничения семантики глагола воспользуемая трансформациями: предложной (река течет через лес = река течет лесом), междуклассной (река течет = течение реки) и причастной (река течет = текущая река). В результате преобразований имеющихся дистрибутивных формул по данным трансформациям вычленяются конструкции, в которых каждый раз значение глагола неповторимо актуализируется: река течет, крыша течет, слезы текут, облака текут, мысли текут, веселье течет, слава течет, хозяйство течет, доказательства текут, деньги текут, огонь течет, дела текут, запах течет, звон течет, рожь течет (осыпается), болезнь течет и люди текут. Полученный список конструкций назовем первой операционной моделью, которая характеризуется одним признаком; она представляет собой набор предикативных конструкций с глаголом «течь» во всех его частных значениях. Именные компоненты этих конструкций имеют одно инвариантное свойство — способность сочетаться с глаголом «течь» в предикативных конструкциях. Насколько релевантен этот признак, можно судить по тщетности усилий найти еще хотя бы один такой глагол, которым можно было б заменить глагол «течь» во всех имеющихся конструкциях. Т. е., другими словами, данная модель противопоставляется всем другим аналогичным моделям языка с любым другим глаголом как эмическая единица со спецификой своих внутренних семантических отношений, отсутствующих в других моделях.

Закономерность указанного свойства достаточно очевидна, чтобы воспользоваться ею для нахождения в именном ряду (класс именных компонентов слева в конструкции с глаголом «течь») системы, которая реализовалась бы в наборе детерминированных значений (подклассы именных компонентов слева). Для этой цели имеет смысл воспользоваться полученными в процессе построения первой операционной модели дистрибутивными формулами, которые позволяют по дистрибутивным признакам слова во фразе формально объединить некоторые именные компоненты в детерминированные подклассы:

1. Жидкие, газообразные и сыпучие тела; совокупности явлений и предметов (вода, река, дым, пар, туман, деньги, зерно, снаряжение и т. д.);

2. Деятельность и ее признаки в конкретном проявлении (мысли, дела, речь, жизнь, голос, стихи, творчество и т. д.);

3. Состояние и признаки субстанции (свет, холод, болезнь, время, жар, запах, слава и т. д.);

4. Единичные предметы (потолок, ведро, крыша, кран и т. д.) [15].

Представив себе класс именных компонентов в виде эмической единицы, обозначим каждый детерминатив при помощи символов в бинарном противопоставлении по предметно-логическому содержанию следующим образом:

1. Совокупные предметы (а) — единичные предметы (*а*);
2. Деятельность (б) — не деятельность *(б)*;
3. Состояние (в) — не состояние *(в)*;

Отсюда подклассы именных компонентов представляются в виде символических схем, весьма важных для фиксации единства структуры функционально и семантически взаимообусловленных элементов данного класса слов:

1. Совокупные предметы — *абв*;
2. Деятельность — *абв*;
3. Состояние — *абв*;
4. Единичные предметы — *абв*.

Используя полученные схемы, обозначим имеющиеся конструкции с глаголом «течь» формулами: *абв* + течь, *абв* + течь, *абв* + течь, *абв* + течь. Это есть вторая операционная модель.

Вторая операционная модель характеризуется следующими свойствами: она семантически релевантна, она способна отразить все имеющиеся и мыслимые значения глагола как виртуального знака, т. е. она позволяет осуществлять включения и исключения в пределах данной системы, отражает потенциальную возможность появления новых компонентов в данной модели, но компоненты эти не выйдут по своему значению за рамки детерминированных подклассов [16].

Указанные свойства второй модели представляются рациональной основой для конструирования оптимального показателя семантических свойств глагола как компонента предикативных конструкций [17]. Во всяком случае, последующие модели с

дальнейшей конкретизацией сочетаемости не только сложны для практического использования их, но и все меньше соответствуют признакам, перечисленным выше, которые являются заданным критерием для нахождения пределов возможной детерминации [18].

Понятие семантической сочетаемости слова невозможно связать с первой операционной моделью, так как эта модель — список конкретных значений слова — никогда не может быть достаточно исчерпывающей. И не потому, что мы не в состоянии зарегистрировать все возможные значения слова в функционировании но и, главное, потому, что мы никак не можем гарантировать неизменность семантики слова в течение более или менее длительного периода: язык динамичен, и эта динамика должна быть отражена в понятии семантической сочетаемости [19].

Изложенные наблюдения показывают, что в предикативных конструкциях кроме грамматических связей, характерных для подлежащего и сказуемого, существуют и другие, не менее важные связи — семантические. Реальные и потенциальные возможности семантической сочетаемости слова «течь» слева устанавливаются именно в предикативных конструкциях. Это качество обнаруживается, как видно из конкретного примера, не через анализ предложения, а через анализ смысловой соотнесенности сочетающихся слов, так как ни один из признаков предложения [20] не фигурирует в анализе и в результатах анализа: с равным успехом мы пользуемся моделью «река течет» и моделью «текущая река». Для установления семантической сочетаемости важно предметно-логическое значение слова, но не предикативность, не модальность, не интонация [21]. Здесь мы имеем репрезентантов двух, в данном случае совпадающих по форме, различных уровней — синтаксического и семантического [21].

Установление сочетаемости предопределяет самоочевидное требование построения ряда таких конструкций, компоненты которых должны выступать всякий раз в одном частном значении, т. е. эти компоненты должны быть актуализированы по своему значению. Если эта посылка не будет выдержана, то, разумеется, говорить о семантической сочетаемости по меньшей мере — дело бесплодное. Не касаясь других типов с/с, приведем иллюстративный пример на материале предикативных конструкций.

Известно, что имеется конструкция «тянуть дым». Невозможно определить дальнейшее единственно требуемое распространение этой конструкции, не зная частного значения глаго-

ла «тянуть», потому что данная конструкция может означать «курить», тогда распространение возможно в с/с «тянуть дым из трубки», «тянуть дым» может выступать в значении «проветривать», тогда распространение будет совсем иным — «тянуть дым из помещения». Полученные с/с «тянуть дым из трубки» и «тянуть дым из помещения» с реализованным частным значением глагола, как, впрочем, и других компонентов с/с, вполне однозначны и, следовательно, обнаруживают также один из признаков суммарной валентности своих компонентов. Этот же признак сочетаемости с еще бо́льшей очевидностью выступает в предикативных конструкциях: курильщик тянет дым, вентилятор тянет дым. Здесь, как было отмечено выше, распространение конструкции вправо полностью зависит от значения компонента слева: тянуть дым нехотя, с удовольствием, затяжками и т. д., так же как и — тянуть дым из комнаты, на улицу, с большой скоростью и т. д. Подобные построения абсолютно немыслимы без именного члена конструкции слева. Семантическая зависимость между левосторонними и правосторонними компонентами довольно убедительно прослеживается также на примере конструкций с непереходными глаголами: если жидкость, например, может течь быстро или медленно в каком-нибудь направлении, то крыша или болезнь такими качествами не обладают, что и отражается в частных признаках семантической сочетаемости соответствующих слов. Действительно, компоненты конструкций с глаголом «течь» справа распределяются в соответствии с принадлежностью этих компонентов слева к тому или иному детерминативу справа.

Опуская весь процесс промежуточных поисков детерминативов, укажем, что все компоненты справа по своей семантической характеристике могут быть сведены к перечислению частей речи, следующих за глаголом «течь»:

течь/Ad/N/PrN/[22].

Однако такое понимание сочетаемости, по сути дела, не выходит за рамки определения частей речи, что противоречит самой постановке задачи отыскания семантических зависимостей. Ведь символ Ad, например, включает наречия с неограниченными обстоятельственными значениями, в то время как на семантическую сочетаемость наречия с глаголом «течь» налагаются строгие ограничения в плане содержания: по времени (t) — вчера, вовремя, вновь, изо дня в день и т. д.; по месту и направленности движения (l) — издалека, лесом, вверх и т. д.; по интенсивности движения (m) — потоком, бурно, быстро и т. д.

Этими же детерминантами описываются существительные и предлоги. В последнем случае удобнее включать в схему не конкретные предлоги, а предложные конструкции целиком (PrN), так как круг предлогов, могущих входить в данное с/с, очень широк и перечислять их нецелесообразно [23], так как загромождение схемы подробностями частного характера, без обобщений, нарушает оптимальность схемы. Поэтому сочетаемость глагола «течь» справа выразится формулой:

$$\text{течь} / \text{Ad}^{\text{lmt}} / \text{PrN} / \text{N}^{\text{t}} /.$$

Одна семантическая сочетаемость не дает практического эффекта без указания на синтаксические связи между компонентами. С учетом синтаксической сочетаемости валентность глагола справа выразится такой формулой:

$$\text{течь} / \text{Ad}^{\text{lmt}} / \text{PrN} /^{\text{l}} / \text{PrN} /^{\text{t}} / \text{PrN} /^{\text{l}} / \text{PrN}_{\text{i}} /^{\text{m}}.$$

Связывая ранее выведенные детерминированные подклассы компонентов слева с формулами моделей конструкции справа, получим две новых формулы, выражающие распределение семантических соответствий правосторонних и левосторонних элементов данной конструкции (с одновременным уточнением некоторых символов).

абв (течь) $\text{Ad}^{\text{mt}} / \text{Ad} \rightarrow \text{N}_{\text{i}} /^{\text{l}} / \text{Ad} \rightarrow \text{AN}_{\text{i}} \rightarrow \text{S} /^{\text{m}} / \text{PrN}_{\text{g}} / \text{PrN}_{\text{a}} /^{\text{l}} / \text{PrN}_{\text{p}} /^{\text{l}} / \text{PrN}_{\text{p}} /^{\text{t}}$;

абв (течь) $/ \text{Ad}^{\text{mt}} / \text{PrN}_{\text{g}} /^{\text{t}} / \text{Pr}_{\text{p}} /^{\text{m}} / \text{A} \rightarrow \text{S} \rightarrow \text{N}_{\text{a}} \ldots^{\text{t}}$.

Как видно из полученных формул, сочетаемость глагола «течь» справа конструируется в полной зависимости от именных компонентов конструкции слева, что проявляется в распределении данных фраз по двум моделям. Зависимость семантической сочетаемости между этими тремя элементами конструкции можно изобразить схематически:

компоненты слева /A/ → течь → компоненты справа /B/.

Т. е. именной компонент слева прежде всего определяет частное значение глагола, от которого в свою очередь зависит содержание последующих компонентов справа: крыша → течет → целый день (но не «через край», не «на жильцов» и т. д.). Следовательно, конструкция «крыша течет» более значима в плане семантической характеристики глагола, чем конструкция «течет целый день», семантически настолько зависимой от компонента

слева, что без него, как сказано, само содержание этой конструкции недостаточно четко актуализировано: «течь целый день» может и «крыша», и «голос», и «речь», где всякий раз слово «течь» меняет свое значение.

Эта же мысль подтверждается несколько иначе: конструкцию АБВ можно (и должно) рассматривать как следствие взаимодействия двух моделей с/с с одним общим членом: (АБ+БВ) → АББВ → АБВ. Такое взаимодействие двух с/с в синтагматическом плане возможно явно при условии, если по крайней мере глагольные компоненты с/с совпадают по частному значению, детерминированному соотнесенностью в значениях компонентов справа и слева. Например, проходит комбинация порядка «река течет» + «течь на север» «река течет на север», что не допускают с/с «кран течет»+«течь на пол»= «кран течет на пол» [24].

Вышеизложенное касательно конструирования семантической сочетаемости и определения валентности глагола в русском языке позволяет нам рассматривать предикативные конструкции как один из элементов той сферы языковых структур, в которых реализуются семантические отношения слов, т. е. сферы словосочетаний. Приписывая предикативным конструкциям функцию с/с, отмечая специфику формообразования этих с/с, предлагаем назвать их «глагольно-именными с/с», исключая термин «предикативный», как не отражающий действительного положения вещей и, прежде всего, самого уровня с/с — семантического [25].

Семантические признаки с/с в речи и в языке не могут являться предметом исследования, если выключить из семантического уровня глагольно-именные с/с. Связи и отношения между с/с — объективный факт языка, пренебречь которым только потому, что глагольно-именные с/с недостаточно «полноценны» как с/с, невозможно. Здесь прежде всего имеется в виду практическое приложение валентных свойств в харатеристике компонентов с/с, неизбежно связанных, как мы пытались показать, не только с парадигматикой, но и с синтагматикой с/с, последняя включает в себя также связи с глагольно-именными с/с.

Множество примеров неправильного построения предложения характеризуется единственно нарушением законов семантической сочетаемости как внутри (парадигматика), так и в отношениях между с/с (синтагматика). Поскольку принцип семантической сочетаемости проходит во всех языках как основное понятие в конструировании с/с и других единиц, позволитель-

но остановиться на анализе некоторых примеров из русского и немецкого языков.

Н. Шпанов в «Учебнике чародея» (М., 1956, стр. 78) построил такую фразу: «А ведь это враги расточительствовали в стремлении ослабить нас, хотели взять нас голыми руками — обнищавших духовно и телесно». А Югов по поводу этого предложения пишет: «Расточить можно только свое. Расточить — значит нерасчетливо истратить свое добро. Только если я сам (а не враг!) делаю это, тогда по-русски можно сказать, что я расточительствую» [26]. Писатель указал на отсутствие семантической связи в этой конструкции, пользуясь логическими доводами. Однако в этой конструкции мы наблюдаем противопоставление детерминантов левосторонних компонентов, в зависимости от чего используется один из двух глаголов — расточительствовать (элемент сочувствия) или тратить (неодобрение), что весьма близко к противопоставлениям стилистического характера [27].

Своеобразно понимается семантическая сочетаемость в конструкции «сердце уловило взгляд больного» из предложения «Она не ответила, но чуткое сердце врача уловило благодарный взгляд больного» [28]. Если критерием семантической сочетаемости считать только предметно-логическое значение слов, то, как показывает анализ, мы не могли бы найти единой характеристики для класса глагольных компонентов данного типа с/с: с одной стороны, сердце, например, ведет себя прямо-таки по-человечески — оно волнуется, чувствует, любит, работает и т. д., с другой — оно не может, как видно, «улавливать». Аналогичны результаты аналитических проб в других направлениях и с другими словами: только фактические данные языка позволяют найти детерминирующие признаки данного слова. Именно по этой причине автор допустил нарушение сочетаемости, полагая, что коль скоро сердце может «чувствовать», то почему бы ему еще и не «улавливать».

А между тем, слово «сердце» семантически сочетается только с глаголами, детерминированными подклассами «работа» и «чувства». Ни в один из этих подклассов не входит слово «улавливать», хотя в переносном значении, а того более — в окказиональном употреблении это слово встречается в сочетаниях с подклассами, выражающими «ощущения» (глаза, уши улавливают...). Тем более приведенное сочетание не «звучит» в контексте со с/с «уловить взгляд больного»: то, что приписано здесь сердцу, свойственно взгляду, на беду являющемуся компонентом этой синтагмы.

Не менее оригинально строятся иногда отношения не внутри с/с, а между с/с: «Хищные и ненасытные империалистические акулы хотят все прибрать к своим рукам» [29]. Два устойчивых с/с «империалистические акулы» и «прибирать к своим рукам» порождают на синтагматическом уровне свободное глагольно-именное с/с «акулы прибирают к своим рукам». Устойчивые с/с теряют в подобных случаях свои качества застывших с/с, членясь на составные элементы полнозначного наполнения [30].

Подобные нарушения семантических связей имеются в языках, где слово вне с/с — многозначная единица. Остановимся на примерах из немецкого языка.

В предложении Arabischer Gipfel tagt («Tribüne» vom 14. 09. 1965) конструкция der Gipfel tagt не имеет смысла, так как слово tagen не детерминируется значениями компонентных подклассов слева, включавших бы слово Gipfel: а) безличность, б) организованная группа людей. Не менее парадоксальной является конструкция die Ermordete klingelte из предложения: Nach den Angaben der Portiersfrau hatte die Ermordete eine Viertelstunde an der Wohnungstür geklingelt («Magazin», 1963, Nr. 7).

Во многих случаях ассоциативное построение по аналогии является важнейшим средством в построении образного выражения. Однако ассоциативные связи не безграничны в языке, примером тому — конструкция diese Gegend besitzt Ähnlichkeit из предложения: Diese Gegend besass Ähnlichkeit mit einer Mondlandschaft [31]. Автор ассоциативно связал два слова haben и besitzen, часто совпадающих в речи по своей функции: Ich habe ein Buch = Ich besitze ein Buch. Следовательно, полагают, если возможно сочетать, что действительно так, слова Gegend и haben, то почему бы не заменить haben глаголом besitzen. Такие умозаключения ложны по своей посылке, так как дело здесь не только в характеристике значений этих глаголов, но и в признаках семантической сочетаемости каждого из них справа (Ähnlichkeit) и слева (Gegend). Эти же соображения относятся к с/с die Glassorte besitzt die Eigenschaft из предложения: Die neue Glassorte besitzt die Eigenschaft, nicht zu splittern [32]. В оценке сочетательных возможностей глаголов besitzen и haben бросается в глаза разница в их семантической емкости: если haben имеет значения служебного и полнозначного глагола, то besitzen — единица только с предметно-логическим значением. Поэтому: что «дозволено» глаголу haben, то не всегда присуще глаголу besitzen. Все-таки в какой-то степени значения этих

глаголов перекрываются и здесь они взаимозаменяемы без ущерба для содержания с/с. Но только в части их значений! В остальной части глаголы эти расходятся, чему свидетельством и является их показатель семантической сочетаемости. Именно поэтому besitzen не рекомендуется употреблять в значении глагола haben [33].

Примером нарушения синтагматических отношений служит предложение из «Leipziger Volksizetung» (19.06.1966); Die Hochwassergefahr in Polen ist abgeklungen. Die Wasserstände sinken systematisch. Рассматривая это предложение как синтагму типа (А+В)+(Б+В)= (А+Б+В), нетрудно обнаружить, что семантическая соотнесенность компонентов слева и справа отсутствует, чем и предопределяется нарушение семантической сочетаемости в синтагматическом аспекте [34]. Приведенный пример, следует отметить, пример абсолютного нарушения синтагматических связей на уровне с/с, так как сами с/с совершенны в плане парадигматических отношений.

Наша попытка включить предикативные конструкции в сферу с/с не нова. В свое время Ф. Ф. Фортунатов поставил проблему «законченных с/с», которые он отождествлял с предложением [35]. В последующем многие лингвисты подчеркивали свою приверженность данной точке зрения. В. К. Поржезинский, например, отмечает: «... всякое соединение самостоятельных слов в речи, будет ли оно выражением целого психологического суждения или его части, я называю вслед за Ф. Ф. Фортунатовым словосочетанием» [36]. А. М. Пешковский развивает эту мысль дальше, без колебания считая справедливым причислить любое предложение, самое сложное в том числе, к «физико-психическим единствам», которые суть не что иное как с/с [37].

Трудно говорить об ошибочности психологической школы в интерпретации с/с, так как оно постулировалось здесь с экстралингвистических позиций, где с/с понималось как продукт психической деятельности человека. Отсюда и позднейшие выводы о якобы недооценке Ф. Ф. Фортунатовым предложения как «грамматически оформленной единицы речи» [38]. Если учесть подобную характеристику с/с в работах Зюттерлина и Вундта («открытые и «закрытые» с/с), то мы при нашем сомнении в правомерности фортунатовской концепции не можем не выделить в ней глубоко научного предвидения в оценке с/с как самостоятельной категории языка [39].

В дальнейшем понятие с/с так или иначе связывалось с понятием предложения, но связь эта проходила по линии синтак-

сических отношений, не более [40]. В наше время известна теория В. П. Сухотина [41], согласно которой все с/с делятся на предикативные и непредикативные [42], но обоснование такой классификации с/с представляется недостаточно убедительным, так как критерии для выделения данных с/с у В. П. Сухотина разноплановы и, того более, сильно зависимы от определения предложения [43].

В нашей работе мы сделали попытку рассмотреть предикативные конструкции с позиций, характерных для уровня с/с, самостоятельной, независимой от синтаксического уровня сферы, наделенной в языковой системе специфическими структурно-семантическими признаками. При этом мы исходили из определения с/с как минимальной по компонентному составу синтаксической конструкции, в которой слова способны актуализировать свое частное значение [44]. Затем мы полагаем, что в с/с проявляются прежде всего семантические связи между словами, характерные для данного языка, и, в-третьих, что с/с в языке — это не только синтаксическая, но и семантическая модель, строящаяся не по принципу «наполняемости» ее конкретными словами [45], а по принципу соотнесенности синтаксических моделей или целых групп родственных моделей со сложным комплексным языковым значением в форме семантического инварианта, что и проявляется в существовании детерминированных классов и подклассов, объединяющих группы слов не по семантическому полю, а по способности сочетаться с определенными словами, как это показано в данной работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это определение с/с проходит во всех работах по синтаксису у В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, Н. Н. Прокоповича, которые цитируются в дальнейшем.

[2] Подробно см. указ. «Основы», стр. 136—137.

[3] Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, стр. 44 и след.

[4] Например, В. Г. Адмони. Основы теории грамматики, М., 1966, стр. 8—10.

[5] В. В. Виноградов. Основные типы лексического значения слова, ВЯ, 1953, № 5, стр. 26; Грамматика русского языка, М., 1954, т. 2, ч., 1, стр. 17.

[6] Б. А. Абрамов. в статье «Синтаксические потенции глагола» (ФН, 1966, № 3) находит выход из данных ограничений путем введения понятия эндоконтекста».

[7] Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, стр. 18.

[8] В. Адмони. Теоретическая грамматика немецкого языка, Л., 1960, стр. 72.

[9] Например, Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967. И. В. Арнольд, «Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования», Л., 1966 и др.

[10] О. Есперсен. Философия грамматики, М., 1958, стр. 122—132.

[11] Однако на самом деле эта связь между подлежащим и сказуемым может носить самый разнообразный характер. См. «Русский язык в национальной школе», 1967/2.

[12] Термин «левосторонний член» обозначает именную часть в предикативных конструкциях (мальчик играет), «правосторонний член» — любые другие элементы с/с при глаголе (итти пешком, читать книгу и др.).

[13] Для установления конкретных значений глагола иногда используется комплексный анализ (см. В. К. Горюнов. Грамматические средства разграничения лексических значений. Ученые записки 1 МГПИИЯ им. М. Тореза, М., 1964).

[14] Ю. Д. Апресян. О понятиях и методах структурной лексикологии. Сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962, стр. 141—162; Его же: Идеи и методы современной структурной лингвистики, М., 1966, стр. 153—158.

[15] Название подклассов — весьма условно.

[16] См. Н. Н. Прокопович. О процессах структурного преобразования словосочетания в современном русском языке. Сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966, стр. 145—146; В. Г. Адмони. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка, Л., 1966, стр. 37 и след.

[17] Г. Г. Сильницкий находит возможным сведение всех значений непереходных глаголов в три класса: движение, процессы и действия, которые затем делятся на разряды (Опыт семантической классификации словосочетаний. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, Л., 1962, стр. 209).

[18] Детерминатив однако не фиксирует понятийные группы, как может показаться на первый взгляд.

[19] А. Г. Волков. Язык как система знаков, М., 1966, стр. 45.

[20] О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 347.

[21] Хотя всякое с/с имеет свои законы интонирования. См. F. Trojan «Deutsche Satzbetonung», Wien-Stuttgart, 1961, Ss. 14—26; См. также В. Г. Адмони, Основы теории грамматики М.—Л., 1964, стр. 25. Несомненно, всякая единица языка как структурный элемент — продукт низших уровней (фонетического). В. М. Жирмунский пишет в статье «О границах слова» (ВЯ, 1961—3): «...под с/с в широком смысле слова я понимаю всякую группу слов, объединенную в смысловом и грамматическом отношении».

[22] Условные обозначения: *A* — прилагательное, *Ad* — наречие, *N* — существительное (местоимение), *S* — предложение, *Z* — числительное, *Pr* — предлог, *n* — именительный падеж, *g* — родительный падеж, *a* — винительный падеж, *i* — творительный падеж, *p* — предложный падеж.

[23] Что, впрочем, зависит от конкретных глаголов, от их емкости предложного управления.

[24] Принципиальная возможность такого построения объясняется в статье А. В. Исаченко «О грамматическом порядке слов», ВЯ, 1966/6.

[25] Е. А. Крашенинникова называет такие с/с «личными глагольными» («Новое в грамматике немецкого языка», М., 1963, стр. 70).

[26] А. Югов. Судьбы родного слова, М., 1962, стр. 41.

[27] Относительно нарушений сочетаемости по стилевой характеристике слова см. О. А. Пальгов. Рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» в переводе на немецкий язык. Сб. «Вопросы английского и немецкого языкознания», Уфа, 1962, стр. 137.—157.

[28] Пример из книги К. И. Былинского и Д. Э. Розенталь «Литературное редактирование», М., 1957, стр. 30.

[29] Указ. «Редактирование», стр. 163.

[30] Этот пример свидетельствует в пользу концепции Т. Г. Тагиева относительно определения границ устойчивых с/с (См. ФН, 1966—4 стр. 66—74).

[31] Пример взят из книги F. C. Weiskopf «Verteidigung der deutschen Sprache»,

[32] F. Weiskopf рекомендует вместо приведенных предложений выразить эти мысли проще: Diese Gegend ähnelte, die neue Glassorte splittert nicht (S. 40).

[33] Wörterbuch von Dr. E. Agricola, Leipzig, 1962, S. 94.

[34] Левосторонние компоненты в этих двух с/с не совпадают по детерминации: regelmäßig sinken могут только саморегулирующие механизмы.

[35] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Избранные труды, М., 1956, т. 1, стр. 182).

[36] В. К. Поржезинский. Введение в языкознание, 1916, стр. 152—153.

[37] А. М. Пешковский. «Русский язык в научном освещении», 1938, стр. 62.

[38] В. Н. Ярцева. Предложение и словосочетание. Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 439.

[39] Л. В. Щерба. Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке, ВЯ, 1963/5, стр. 93.

[40]) Эта теория с/с представлена в работах А. А. Шахматова, С. И. Карцевского, М. Н. Петерсона, И. Риса и др.

[41] В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.

[42] Эта концепция довольно полно проанализирована Н. Н. Прокоповичем в книге «Словосочетание в современном русском литературном языке», М., 1966, стр. 38.

[43] Хотя само понятие предложения до сих пор еще не вполне очерчено. См., например, Э. Бенвенист «Уровни лингвистического анализа», сб. «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1965, стр. 434—448.

[44] Впервые, по-видимому, в более или менее ясной форме эту функциональную роль с/с упомянула М. Д. Степанова в книге «Словообразование современного немецкого языка», М., 1953, стр. 24—25 (§ 12). См. также нашу работу «Словосочетание и некоторые его характеристики» и работу «Анализ группы немецких словосочетаний» в сб. «Вопросы общего и романо-германского языкознания», Уфа, 1965, стр. 27—37.

[45] Р. С. Зуева. Словосочетания с приименным инфинитивом в современном русском языке, автореферат канд. диссертации, Алма-Ата, 1965, стр. 4.

А. И. и Л. К. Ященко

О КООРДИНАЦИИ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И МЕТОДИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФАКУЛЬТЕТЕ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Современный русский язык в учебном плане факультета по подготовке учителей начальных классов — основной лингвистический курс, который содержит некоторые сведения по исторической грамматике, истории русского литературного языка, стилистике и диалектологии. Введение в учебный план педфаков небольшого курса по языкознанию не уменьшает значения курса современного русского языка — основного предмета лингвистической подготовки будущих учителей начальных классов.

Каждый раздел курса современного русского языка важен для будущего учителя начальных классов, так как родной язык в системе обучения детей в начальных классах является главным предметом преподавания.

Помимо теоретических знаний, которые должны получить студенты, занятия по русскому языку призваны помочь им овладеть нормами русского литературного произношения, способствовать укреплению орфографических и пунктуационных навыков. К сожалению, эта задача пока тоже не снимается с повестки дня. Практика последних лет показала, что в институт приходят абитуриенты со слабыми теоретическими знаниями по русскому языку и неудовлетворительными орфографическими и пунктуационными навыками.

На педагогических факультетах нет специального практикума по школьной грамматике, подобного тому, какой введен на факультете русского языка и литературы. Поэтому проблему повышения орфографических и пунктуационных навыков у студентов, проблему речевой культуры приходится всецело решать на практических занятиях по современному русскому языку и методике русского языка.

Действующая программа по современному русскому языку для факультетов по подготовке учителей начальных классов не ориентирует преподавателей на проведение подобной работы, поэтому кафедра русского языка Череповецкого ПИ разработала проект новой программы, которая вот уже в течение двух лет экспериментально проверяется в Череповецком ПИ.

Проект новой программы лучше учитывает специфику подготовки будущих учителей начальных классов по русскому языку. Новая программа выгодно отличается от ранее действовавшей тем, что в ней большое внимание уделяется вопросам правописания и пунктуации. Усиление практической направленности программы за счет снятия некоторых трудных тем (фонема, слогораздел, энклитики, проклитики, степени сравнения качественных наречий, категория состояния, классы глаголов, классификация второстепенных членов предложения и др.) в какой-то степени облегчает решение вопроса о выработке орфографических и пунктуационных навыков у студентов.

Знание фактического материала по русскому языку — это необходимая база для изучения методики русского языка. Будущий учитель начальных классов прежде всего сам должен хорошо знать фактический материал, чтобы уметь правильно преподнести его учащимся. В связи с этим проблема координации занятий по современному русскому языку и методике русского языка является весьма актуальной.

Для осуществления координации занятий по русскому языку и методике имеются все объективные условия. Решающим из этих условий, по нашему мнению, является удачное распределение изучаемого материала в хронологическом отношении. К изучению современного русского языка студенты факультета по подготовке учителей начальных классов приступают с первого курса, заканчивается курс на четвертом году обучения. Методика же русского языка начинается на втором курсе, завершается на третьем. Таким образом изучение методики русского языка начинается не на пустом месте. К моменту чтения курса методики русского языка по современному русскому языку студенты уже прослушают фонетику, лексику, именные части речи, глагол. Это создает теоретическую базу для слушания таких разделов по методике русского языка, как «Методика обучения грамоте», «Методика классного и внеклассного чтения», которые изучаются на втором курсе.

Полученные студентами знания по лексике на занятиях по современному русскому языку дают возможность эффективно

построить занятия по таким методическим темам, как место и приемы словарной работы, особенности методики чтения басен, стихотворений, изучения пословиц и поговорок; знания по фонетике предоставят возможность для плодотворного изучения раздела «Обучение грамоте», которое построено на звуковом аналитико-синтетическом методе.

В свою очередь изучение методики при условии координации с занятиями по современному русскому языку содействуют лучшему усвоению студентами материала по лексике, фонетике, морфологии и др. разделам. Для повышения орфографической и пунктуационной грамотности студентов используются практические и семинарские занятия по методике русского языка, лабораторные занятия, курсовые работы студентов и педагогическая практика.

Координация занятий по современному русскому языку и методике русского языка, по нашему мнению, должна осуществляться в трех направлениях:

1) В установлении единства взглядов по некоторым теоретическим вопросам современного русского языка и методике русского языка;

2) В осуществлении тесной связи лекционных курсов по этим предметам;

3) В установлении связи занятий по методике русского языка с занятиями по современному русскому языку.

* * *

В курсе современного русского языка и методике немало таких проблем, при рассмотрении которых необходимо единство точки зрения лингвиста и методиста.

Для учителя начальных классов актуальным является вопрос о присоединительных конструкциях. Различный подход к решению этого вопроса со стороны преподавателя, ведущего курс современного русского языка, и преподавателя, ведущего методику русского языка, может поставить в трудное положение будущего учителя начальных классов.

В письменной и устной речи детей присоединительные конструкции встречаются очень часто. В качестве иллюстрации приведем выдержку из сочинения ученика Володи В. по серии картин «Серая Шейка».

«Летом Серой Шейке лиса перекусила крыло. Наступила осень. Все утки стали улетать на юг. Только одна Серая Шей-

ка не могла лететь вместе с ними... Серая Шейка осталась зимовать на реке. Один раз ходила Серая Шейка по лесу. И вдруг она встретилась с зайцем. И они познакомились. И заяц предупредил Серую Шейку, что лиса, которая перекусила тебе крыло, гуляет здесь в лесу. И ты ее остерегайся... Наступила суровая зима. Мороз сковал все реки. И озера. Серая Шейка боялась, что вся река замерзнет. И ей некуда было бы деваться от лисы» и т. д.

Аналогичные этим приводит примеры Д. Н. Богоявленский и квалифицирует их как синтаксические ошибки, как ошибки в излишнем употреблении точек и больших букв.

Однако, как правильно отметил С. Е. Крючков [1], приведенные примеры не являются ошибками. Присоединительные конструкции обычны для устной речи вообще и детской речи в особенности. Эти конструкции очень часто встречаются в произведениях Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Чехова, Горького и др. писателей-классиков.

Особенности детской речи — частое употребление присоединительных конструкций — мастерски использовал А. П. Чехов в своем рассказе «Ванька Жуков». Вот отрывок из этого рассказа:

«А вчерась мне была выволочка... А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмехаются.., а хозяин бьет чем попало. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеб, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребятенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку» и т. д.

Известно, что присоединительные конструкции из устной речи все шире и шире проникают в различные жанры письменного литературного языка, в произведения художественной литературы и в деловую прозу. Помимо произведений тех писателей и поэтов, о которых мы говорили раньше, много присоединительных конструкций в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон», в стихах и повестях К. Симонова, рассказах А. Солженицына и др. Поэтому нам кажется, что учитель начальных классов не может считать ошибками подобные синтаксические конструкции в детской речи, устной и письменной.

Единство взглядов необходимо и при освещении других вопросов теории и методики русского языка. Так, например, при изучении темы по современному русскому языку на II курсе «Не-

полные предложения» необходимо учитывать методические требования к речи учащихся: можно ли, например допускать неполные ответы. Традиционная методика русского языка требовала полных ответов на любом уроке, на любой вопрос. Однако экспериментами проф. Л. В. Занкова доказана неуместность полных ответов на вопросы во всех случаях и во всех классах начальной школы (особенно в III—IV кл.). Новые методические положения учитывались при изложении темы «Неполные предложения», подчеркивалось, что неполные предложения — специфика устной речи, неполные ответы, следовательно, допустимы в практике начальной школы.

Чрезвычайно важно, соблюдать единый подход к вопросу о составе слова, словообразовании в современном русском языке и дифференциации типов и способов словообразования. Эти вопросы, к сожалению, по-разному решаются в курсе современного русского языка и методических пособиях и учебниках для начальной школы.

Темы «Состав слова» и «Сложные слова» изучаются в III классе начальной школы. Дело обстоит так, что студенты во время педагогической практики при изучении этих тем фактически не принимают во внимание теоретическое освещение вопроса в курсе современного русского языка об образовании слов путем основосложения и при помощи суффиксов. При изложении этого вопроса они становятся полностью на точку зрения школьного учебника. Так, например, в одну группу попадают такие слова, как *ледокол, листопад, паровоз* и др., с одной стороны, и *землетрясение, солнцестояние, зернохранилище* и т. п., с другой стороны. Но если в первой группе слова образованы путем сложения основ, не осложненных аффиксами, то во второй группе — сложно-аффиксальные образования.

К сожалению, в «Учебнике русского языка для начальной школы. Третий класс» М. Л. Закожурниковой и Н. С. Рождественского (М., 1958 г.) не разграничиваются эти два способа образования слов. Под влиянием учебника для начальных классов студенты усугубляют эту ошибку. Так, например, во время практики студентка III курса педфака Тоня М. предлагает ученикам образовать сложные слова, состоящие из двух основ, от *сады разводить, зерно хранить, мясо рубить, пчел разводить, сам сваливает, лес посадить*. Учащиеся образовали слова: *садовод, зернохранилище, мясорубка, пчеловод, лесопосадки*. Однако студентка не обратила внимание на то, что одни слова образованы путем сложения основ без помощи суффиксов, другие

слова образованы суффиксальным способом, при образовании третьей группы слов учащиеся произвольно отбрасывали префиксы, т. е. фактически брались иные основы.

На занятиях по современному русскому языку темы «Состав слов», «Словообразование», «Сложные слова» необходимо отработать особенно четко, а методисту быть очень внимательным во время педагогической практики при изучении данной темы в начальных классах. Здесь необходимо предложить студентам брать для анализа слова, состоящие непосредственно только из двух, а не трех составляющих (только основосложение, не осложненное суффиксами, а не сложно-аффиксальные конструкции).

* * *

Координация необходима также при изложении трудных тем, где мы можем наверняка ожидать ошибки студентов.

Особого внимания со стороны преподавателя-словесника и методиста русского языка заслуживает вопрос о соотношении звука и буквы.

Обучение грамоте в советской школе, как известно, основано на звуковом аналитико-синтетическом методе. И успех быстрого обучения учеников грамоте основан на безусловном соблюдении этого принципа. К сожалению, хотя студенты теоретически и понимают различие между буквой и звуком, но как только начинают давать уроки обучения грамоте, то нередко, сами того не подозревая, становятся на путь буквослагательного метода. При таком методе сливаются в слоги не звуки, а буквы, например; *эм — а = ма, ша — а = ша: Ма-ша* и т. д. Побуквенное чтение приводит к таким курьезам, когда ученик слог *шу* читает как *шау:* ему непонятно, почему получается слог *шу,* если он произносится *ша* и *у.*

Научить студента правильно произносить звуки и называть (подчеркиваем: *называть)* буквы не такой простой вопрос, каким он кажется на первый взгляд. Здесь необходимы усилия и преподавателя и методиста русского языка.

В своей практической работе учителю начальных классов приходится осуществлять и функции логопеда. Поэтому при изучении фонетики следует особенно обратить внимание на артикуляцию тех звуков, в образовании которых учащиеся часто допускают ошибки в результате возрастных или индивидуальных особенностей: произношение шипящих *Ш, Ж* как *С, З, Р* — как *Л.* Шепелявость и картавость обычно проходят с возрастом

ребенка, но, например, пропуск взрывного *К*[2] может остаться на всю жизнь, если не обратить на это внимания еще в школьные годы.

Если будущий учитель начальных классов сам хорошо знает артикуляцию этих звуков, ему легче будет бороться с недостатками в речи учащихся.

В устной и письменной речи учащихся сказываются нередко влияния диалектов. В условиях северовеликорусского говора учителю приходится сталкиваться с неразличением учащимися звука *Ц* и *Ч*. Чтобы будущий учитель начальных классов мог научить детей правильному литературному произношению, необходимо научить их правильно владеть своими органами речи, вооружить системой упражнений в произношении звука.

При разработке лекций и практических занятий по современному русскому языку особое внимание следует уделять тем вопросам, которые в той или иной степени освещаются на уроках русского языка в начальных классах. Известно, что интерес к изучению той или иной темы по современному русскому языку неизмеримо возрастает у студентов в том случае, если они видят, что это им потребуется в практической деятельности. Профессиональная направленность в преподавании облегчает работу преподавателя русского языка. В этом случае он получает самую горячую поддержку и со стороны методиста.

Во многих случаях профессиональная направленность преподавания и тесная связь с методикой преподавания не ограничивается только иллюстрацией, подчеркиванием важности изучаемой темы для практической деятельности будущего учителя. На практических и семинарских занятиях по методике русского языка студенты не только используют свои знания по современному русскому языку, но во многих случаях углубляют их и конкретизируют. Так, например, в курсе современного русского языка нет возможности подробно останавливаться на синонимике глаголов: с вопросами синонимики студенты знакомятся лишь при изучении лексики.

В значительной степени работа над синонимами углубляется на спецсеминаре по методике русского языка по теме «Словарная работа в начальных классах». Прежде чем раскрыть методику работы над глаголами-синонимами, студенты перечитывали наиболее важные работы по этой теме, рекомендованные преподавателем русского языка и методистом, а затем уже определяли границы и объем материала по синонимам, который можно дать в начальных классах.

Некоторые вопросы требовали более широкого охвата материала и более глубокого его изучения, чем положено по современному русскому языку, например, о глаголах-терминах, лексическом значении приставочных глаголов и др. Такую детализацию из-за ограниченности часов не может дать преподаватель русского языка.

Дело в том, что в школьной практике внимание в словарной работе сосредоточено преимущественно на существительных и прилагательных. Этот вопрос лучше разработан в научно-методической литературе, в наиболее распространенных учебных пособиях [3]. Что же касается лексики глаголов — одной из важнейших знаменательных частей речи, то в системе словарной работы, поскольку она не нашла отражения в методической литературе, глагольной лексике почти не уделяется внимания. Такое положение является ненормальным. Выбор нужного для выражения мысли глагола имеет исключительное значение для точной речи. Богатство глагольной синонимики в русском языке позволяет выразить в словах тончайшие оттенки мысли и тем самым придает речи выразительность и доходчивость. Язык учащихся, как известно, беден синонимами и поэтому недостаточно точен и выразителен.

В системе русского глагола широко представлены приставочные образования. Это богатство, как и синонимика, облегчает возможность выбора глаголов с оттеночными значениями, которые максимально точно могут передать мысли, чувства, намерения говорящего.

Наконец, глаголы терминологического характера. Наблюдения над речью младших школьников, а также данные специального обследования показали, что младшие школьники очень неточно, иногда совершенно неверно называют те или иные действия, связанные с трудовыми процессами, с явлениями природы. Особенно беден и неточен у младших школьников словарь, связанный с сельскохозяйственными работами.

Все это обусловило включение в тематику спецсеминара таких вопросов, как система занятий по словарю над глаголами-синонимами, приставочными глаголами и глаголами терминологического характера. В процессе семинара студенты не только приобрели знания по методике, но значительно расширили и углубили свои знания о глаголе: они убедились, что глагол очень выразительное средство речевой характеристики действующих лиц, выражения идейного содержания произведения, изображения картин быта и труда и т. д.

* * *

Чрезвычайно важно установить связь в изложении темы «Предлоги» по современному русскому языку с освещением методической темы «Усвоение младшими школьниками синтаксических отношений в предложных конструкциях». В процессе раскрытия системы изучения в I—III классах предлогов и падежных форм имен существительных студенты на конкретном материале углубляют свои знания о предлоге не только как морфологической категории слов, правописании их, но и как средстве связи слов[4].

Фактически изучение почти любой темы по курсу современного русского языка можно связать с методикой обучения русскому языку в начальных классах.

Междометие и звукоподражательные слова как часть речи в начальных классах не изучается. Однако практически учащиеся сталкиваются с этой категорией слов, начиная уже с 1-го класса. Так, уже при чтении «Букваря» учащимся встречаются: *ура* (при изучении звука и буквы *р*), *кис-кис* (при изучении звука и буквы *к*), *тук-тук* (при изучении звука и буквы *т*), *бум-бум* (при изучении звука и буквы *б*), *тега-тега*, *га-га-га* (при изучении звука и буквы *г*), *гра-гра-гра* (при чтении статейки «Грачи»), *жу-жу-жу* (при изучении звука и буквы *ж*), *эх* (при изучении звука и буквы *э*), *цап-царап* (при изучении звука и буквы *ц*) и др. С междометиями и звукоподражательными словами учащиеся встречаются также при изучении статей на уроках объяснительного чтения и внеклассного чтения. Учителю начальных классов необходимо практически ознакомить учащихся с междометиями. Знание теоретического материала по данной граматической категории поможет студентам в значительной степени при практическом ознакомлении младших школьников с междометиями и звукоподражательными словами.

Будущие учителя начальных классов должны знать школьные учебники по грамматике и чтению для I—IV кл. Видимо, только проведение коллоквиумов по содержанию школьных учебников не даст желаемых результатов. Здесь необходимо координирование работы преподавателя русского языка и методиста. Анализ на занятиях по методике русского языка букваря, книг по чтению не может обойтись без глубокого анализа их языка. С другой стороны, словесник, используя в качестве материалов для иллюстраций тексты книг для классного чтения, тем самым будет способствовать более глубокому ознакомле-

нию студентов с содержанием учебников для младших школьников.

И, наконец, при изложении курса методики русского языка учитывалось содержание программы по современному русскому языку. Этим самым избегалось дублирование отдельных тем при изучении методики. Так, например, темы «Из истории русской графики», «Принципы русской орфографии» др. методист может опустить, так как эти же вопросы подробно изучаются по современному русскому языку.

Небольшой объем статьи позволил остановиться лишь на некоторых аспектах координации занятий по современному русскому языку и методике русского языка. Но показанные в статье приемы убеждают в необходимости координации преподавания этих двух предметов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] С. Е. Крючков. О присоединительных связях в современном русском языке. Сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 398.

[2] Нам приходилось слышать такое чтение учеников: *Серая Шейа* (вм. *Серая Шейка*), *утъа* (вм. *утка*), *рылышко* (вм. *крылышко*) и др.

[3] См. по этому вопросу Т. Г. Дьяконова. Словарь письменной речи учащихся I—II кл. АПН РСФСР, М., 1956; Т. А. Алмазова. Работа над системой понятий в I классе. АПН РСФСР, М., 1951; В. К. Ягодовская. Работа над словом с учащимися I класса, АПН РСФСР, М., 1953 и др.

[4] См. об этом Т. Г. Рамзаева. Усвоение младшими школьниками синтаксических отношений в предложных конструкциях. Автореферат на соискание ученой степени канд., пед. наук, Л., 1963.

СОДЕРЖАНИЕ.

П. В. Булин. О лексических значениях отглагольных имен существительных 5

В. И. Чуглов. Функционально-смысловая соотносительность субстантивных словосочетаний, имеющих в качестве зависимого слова относительное прилагательное с субстантивными словосочетаниями, имеющими в качестве зависимого слова существительное или наречие 17

В. А. Шитов. Сложные предложения с однородным соподчинением трех придаточных в современном русском литературном языке 36

А. А. Шумилова. Порядок слов в адъективных словосочетаниях с существительным или местоимением в роли зависимого слова (на материале древнерусских памятников XV—XVI веков) 90

А. А. Данилов. Об особенностях ударения глагольных форм русских народных говоров 103

Т. Г. Паникаровская. Изменения в области фонетики в говоре деревни Парфенки Московской области в советский период 139

Ю. И. Чайкина. Эмоционально-оценочная лексика со вторичными значениями в череповецких говорах 156

Г. В. Судаков. Работа А. П. Чехова над стилем рассказа «Невеста» (по рукописным и печатным вариантам) 169

О. А. Пальгов. Опыт функционально-семантической характеристики словосочетания 179

О. А. Пальгов. К вопросу о признаках предикативных конструкций на семантическом уровне 199

А. И. и Л. К. Ященко. О координации занятий по русскому языку и методике русского языка на факультете подготовки учителей начальных классов 213

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА
Ученые записки, том 33.

ГЕ00160. Сдано в набор 29. 12. 1967 г. Подписано к печати 4. 3. 1968 г.
Формат 60×84/16. Бум. л. 7. Печ. л. 14. Тир. 800. Зак. 6866.
Цена 90 коп.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

90 коп.